

А521
кр.

Б 1089350

1980
БАРНАУЛ
1730

АЛТАЙ

1980

2

Электронная библиотека Яннордкеле

росли тальника, черемухи, боярышника, калины. Их сменяли звенящие сосновые леса. В безветренную погоду в них малейшему звуку не утаится: тишина обязательно выдаст. Чаше открывалась дверца генеральской повозки. Беэр с нескрываемым наслаждением любовался дикими красотами леса, жадно вдыхал здоровый воздух, приправленный щекочущими запахами сосновой смолы и хвои. За все время пути обозников впервые облакали февральские оттепели. Мягче стал снег. Санные полозья оставляли на дороге сочный, маслянистый след. В эти дни и стволы сосен вроде ярче покраснели, потяжелели, ниже к земле пригнулись чуткие ветви берез.

Покой и безмятежность в природе передавались Беэру. Невольно всплывали воспоминания недавно минувшего. Думалось о том, каким чудом он, малоприметный в высших придворных кругах саксонец, оказался на самом гребне волны. Года три назад о Беэре, начальнике тульских оружейных заводов, ходившем в чине бригадира, в Петербурге была наслышана лишь мелкая и средняя приказная челядь. И совсем неожиданно о Беэре сдержанно, шепотком заговорили в придворных кулуарах.

Случилось это, когда Елизавета издала тайный указ об освидетельствовании Кольвано-Воскресенских заводов Демидова Беэром.

В иные времена при одном упоминании фамилии Демидова Беэр по-рыбьи немел, почтительно склонял голову. Теперь же судьба поставила Беэра над самым могущественным горнозаводчиком России. Было отчего трепетать душе бригадира. Между строками царского указа значилось строго секретное и незримое предписание, известное лишь императрице и Беэру: установить наличие золота и серебра в алтайских рудах, о чем донес демидовский штейгер Филипп Трегер. За спиной Беэра стояла сама императрица. Но Беэр прекрасно понимал: стоило ему допустить промашку в поединке с Демидовым, и все было бы обставлено так, что вроде ничего и не произошло, что никогда никакого Беэра будто и не появлялось на великосветском горизонте. И Демидов благоденствовал бы до очередной утонченной царской козни, исполненной более хитроумным и искушенным дельцом, чем он, Беэр.

Понимая это, бригадир со своей комиссией знатоков горного дела действовал на Алтае так тонко и скрытно, что Демидовы узнали от своих приказчиков об истинных целях визита Беэра с безнадежным опозданием. С помощью русского штейгера Лелеснова комиссия подтвердила наличие драгоценных металлов в алтайских рудах.

Над Демидовым нависли грозные тучи: законы запрещали добычу золота и серебра частным лицам. В это время умер Акинфий Демидов, самая крупная величина в фамильном созвездии русских горнозаводчиков. Судьба Кольвано-Воскресенского предприятия Демидова решалась совсем просто и легко. По материалам комиссии Беэра, представленных императрице, последовал ее указ: «...на Иртыше и Оби реках, и между оными все строения, какая обретаются заведенные от покойного Акинфия Демидова, со всеми отведенными для того землями, с выкопанными всякими рудами и инструментами, с пушками и мелким ружьем и с мастеровыми людьми, собственными его Демидова, и с приписными крестьянами — взять на нас...»

Императрица стала хозяйкой громадной Кольвано-Воскресенской округи с ее бесчисленными природными богатствами. Для управления вновь приобретенной вотчиной Елизавета создала Канцелярию Кольвано-Воскресенского горного начальства. Она не забыла заслуг Беэра — произвела в чин генерал-майора и назначила главным командиром канцелярии...

Мягко постукивали конские копыта. Изпод них высоко взлетали комья сдавленного снега. Быстрая езда с открытыми дверцами захватывала Беэра. Замирало дыхание, учащенно колотилось сердце. Упругий встречный ветер не иссушал кожу холодом, а обтекал приятно щекочущими струйками лицо и шею, пылавшие огнем, забирался под воротник.

Невольнo рождались озорные желания, не подвластные ни рассудку, ни возрасту. От сильных ощущений, от круговерти перед глазами хотелось с ямской удалью в голосе кричать так, чтобы снег осыпался с придорожных сосенок, чтобы раскатистое эхо долго плутало в лесу...

Беэр проснулся утром от того, что заглох убаюкивающий скрип санных полозьев. Обоз остановился. Генерал приказал денщику:

— Узнай, не Калиновый ли это станец.

В повозку, столкнувшись лбом с денщиком, протиснулся ассессор Порошин.

— Доброе утро, ваше превосходительство! Как почивалось?

— Спасибо. Приятнее обычного. Далеко ли до Барнаульского завода?

— Ямщики сказывают, верст сто двадцать.

Довольная улыбка прогнала с лица Беэра следы недавнего сна.

— Выходит, Калиновый станец позади остался. Приятная новость! Ямщики, сидя на облучках, не клевали носами конские хвосты. Выдать каждому по пятаку в награду! Как точнее по-русски назвать, Андрей Иванович,

хорошего, исполнительного и... и... вообще отменного человека?

От неожиданности Порошин повел плечами, но быстро нашел ответ:

— Можно назвать молодцом, можно и поинному.

— Во-во! Знал такое слово, да позабыл. Ямщики — молодцы! Полагаю, через двое суток утвердятся на месте. Всякая дорога в тягость человеку. Дальняя же — особо.

— Точно, ваше превосходительство, пути осталось не более двух суток. Правда, неожиданная преграда объявилась. Пляшут перед ней лошади — и вперед ни шагу.

— Какая может быть преграда! Ничего не признаю! Только вперед и без промедления!

С помощью Порошина закипавший Беэр влез в медвежью доху и неуклюже выбрался из повозки. Первое, что поразило — погода. Вчерашнюю оттепель сменил крепкий мороз-утренник. На землю давил плотный и тяжелый туман. Дорогу пересекала неширокая река. Где-то выше по ее течению на лед вышла вода. Образовавшаяся наледь лоснилась, как смазанная сковорода, ее украшали бугристые перламутровые наплывы.

У берега теснились ямщики. Завидев начальство, они почтительно расступились, смолкли в ожидании.

— Такова и есть преграда?

Басовитый и охающий смех Беэра разметал утреннюю тишину. Лица ямщиков озаботило выражение тревожного выжидания. Не к добру это неожиданное барское веселье, да и смеется-то он раздраженно и презрительно.

И верно, смех Беэра внезапно оборвался. Левая щека прыгнула вверх. Часто-часто, будто перед слезами, заморгали веки глаз. Наблюдательный Порошин про себя безошибочно предугадал резкую перемену в настроении Беэра.

— Хороший ямщик любую лошадь на дно морское загонит! А знаете ли вы, медведи си-волапые, что под ночной наледью воды и по колени лошадям не достанет! А?

— Мы-то знаем, ваше превосходительство, а лошади все равно не идут. Им, животным, не растолкуешь ведь.

— Это кто там язык развязал? Какой приткий! Смотри у меня! А ну, вперед!

Здоровенный ямщик с раздвоенной бородой вовремя отскочил в сторону — в руках Беэра заиграл, тонко и вхолостую пропел тяжелый ременный кнут.

Ямщики скопом побежали к повозкам. В истошных понуканьях посыпали голоса. И все напрасно. Лошади с опаской ступали на край наледи. Как только раздавался треск и ноги проваливались в воду, они безумели от

страха, что есть силы взбрыкивали задними ногами, выскакивали из упряжи.

— Может, объезд поискать, ваше превосходительство? — предложил Порошин.

С ответом ему сунулся все тот же ямщик с бородой-вилкой:

— Объезд сыщется. Этак верст тридцать-сорок крюк загнуть надобно. Через Калиновый станец.

— Опять нос свой суешь. Кто тебя за язык тянул? Все же отведаешь у меня!

Удар кнутом пришелся по спине, но через толстую одежду не прожег болью. Ямщик в этот раз не шарахнулся испуганно в сторону. Заговорил, и голос не тронула самая непри-метная дрожь.

— Безмерно виноват я, нижайший, ваше превосходительство. От дерзости не удержался, потому как единственно к пользе дела в разговоре клоню. Пути, ближе указанного мною, нету. На многие версты по берегам реки кустарник так натыкан, что заяц, спасаясь убегом от лисы, сквозь не проскочит. Снегу ж понадудло по самые уши лошадям. Ближе, стало быть, нет объезду.

Ямщик низко поклонился, не спеша и с достоинством отошел. Озадаченный его поведением, Беэр молча и вопросительно посмотрел на Порошина и как бы прочитал на его лице немой ответ: «Совет, пожалуй, не лишен благоразумия».

— Что ж, борода, веди в объезд. Только с таким уговором...

Беэра бесцеремонно перебили громкие, в один голос крики ямщиков:

— Смотрите-ка! Пошли! Пошли! От дивушко-дивное!

Через реку, ломая наледь тяжестью своего тела, медленно двигался человек. В образовавшемся проломе на поводу за человеком вышагивала лошадь без каких-либо признаков боязни. Вслед за ней с берега устремилась вторая. Третья...

Когда весь обоз перебрался на другой берег, Беэр, прогнав удивление увиденным, коротко приказал Порошину:

— Узнайте, кто надумал такое. Пошлите того человека ко мне. Обозу не трогаться без команды.

Беэр поудобнее уселся в повозке, оставив открытой дверцу. Находчивость человека, преодолевшего неизведанный брод, возбудила в нем противоречивые чувства. Поступок заслуживал неперменной похвалы. И вместе с тем Беэр ощущал щемящую боль уязвленного самолюбия. Ведь не он и даже не Порошин указал способ преодоления преграды, который сейчас казался таким простым и очевидным.

Порошин привел отличившегося. Зимняя

одежда на нем обвисла, сидела неуклюже. С худощавого открытого лица спокойно и чуть удивленно смотрели северной голубизны глаза. Беэр недоуменно пожал плечами и первым спросил пришельца:

— Механики ученик Иван Ползунов?

— Так точно, ваше превосходительство!

— Гм... Похвален твой смелый поступок. Как додумался?

— Случалось, ваше превосходительство, ранее бывать в таком курьезе вместе с отцом своим. От него и обучился, как одолеть упрямяство лошади.

По козлиным котам Ползунова скатывались капли воды. Постепенно густея, они превращались в прозрачные ледяные шарики.

— Прикажите, ассессор, выдать механики ученику другую обувь, заодно водки. С полштофа этак. От простуды. Иди в свою повозку, механики ученик. Благодарение тебе.

Вскоре обоз тронулся. Мысли Безра обратились к прошлому. Несколько месяцев назад Беэр на Екатеринбургском заводе отбирал работников и служащих «со способностями, приличествующими» службе на Кольвано-Воскресенских заводах и рудниках императрицы. Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов старалась избавиться от работников и служащих, которых считала не лучшими. Беэр сразу же распознал эту хитрость канцелярии и потребовал в число плавильщиков вместо иноземца Герлаха русского Голубцова, служившего на Полевском заводе.

Завязался длительный спор. Первая величина Канцелярии главного правления Никифор Клеопин на требование Безра ответил убийственно-спокойным тоном:

— Без главной своей команды, которой является государственная бергколлегия, Голубцова отдать опасно.

Беэр метал молнии, грозно потрясал царским указом. Когда и это не возымело воздействия, припомнил Клеопину, что тот возводил первые пробные медеплавильные печи Демидову на речке Локтевке в Кольвано-Воскресенской округе. И в ответ на этот упрек Клеопин нашел вразумительные и обезоруживающие слова:

— На то была не моя воля.

Беэр окончательно взорвался и понес пряжую угрозу.

— В противодействии императорскому указу я усматриваю ваши открытые симпатии фамилии Демидовых! Боюсь, что через промедление и отрицание вы навлечете на себя гнев ея императорского величества!

Клеопин бесстрастно пожимал плечами, как бы давая понять, что все подвластно мо-

наршей воле. И все же, где возможно, поступал по-своему.

Беэр присмотрел на Екатеринбургском заводе унтер-механика Степана Костромина, молодого и рослого здоровяка. Канцелярия главного правления, как в насмешку, подменила Костромина Ползуновым. Беэр долго и с явным неудовольствием рассматривал неброскую фигуру Ползунова. Лицо генерала отмякло, лишь когда он ознакомился с похвальными аттестатами Ползунова, выданными екатеринбургскими словесной и арифметической школами, заводским механиком Никитой Бахаревым. Все же Беэр вознамерился стоять на своем, отдавая предпочтение Костромину. Однако времени до отъезда оставалось в обрез, и Ползунова волей-неволей пришлось занести в присяжный лист. Вместе с другими отъезжающими он принял присягу на «верность ея императорскому величеству» в Богоявленской церкви при Екатеринбургском заводе.

Случай на переправе в какой-то мере негласно уличил Безра в собственной неправоте: приличествует ли судить о достоинствах человека по его внешности?

Беэр тотчас постарался отвлечься от справедливых, но неприятных самолюбию мыслей. «Бывалые ямщики не могли не знать, как преодолеть наледь. Непременно знали! Не захотели, плуты, замочить ног из-за боязни простудиться...»

Рядом сидел Порошин, оставшийся в генеральской повозке до следующего станца.

— Скажите, Андрей Иванович, как по-русски назвать человека, который чего-то боится?

— Трусом, ваше превосходительство.

— Так, так! Выходит, ямщики — трусы. Лишите их, Андрей Иванович, наградных пятак. На первом же станце высечь плетью ямщика, у которого борода с просветом, в назидающее на будущие времена. Ползунову огласить благодарность. При стечении всей обозной публики. Чтоб торжественно выглядело...

В плавильной фабрике Барнаульского себреброплавильного завода толстыми плахами выделена тесная комнатка. Если измерять шагами, то не больше, как три на четыре. Стены обмазаны глиной, чтобы хоть как-то отгородиться от запаха дыма и гари. Заводское начальство называло комнатку громко — гиттеншрейберская камора.

По двенадцать-четырнадцать часов в сутки Иван Ползунов и Яков Беэр записывали здесь в приход по сортам руды, древесный уголь, горновой камень, флюсы — все, что

привозилось приписными крестьянами для безостановочной выплавки серебра. Точнейший учет велся и расходу заводских припасов.

Кроме того, оба гиттеншрейбера принимали сводки о выходе серебра при плавках, его апробации в заводской лаборатории. Набиралось несколько десятков разных записей, которые заносились в специальные журналы. В них строго, по-солдатски выстраивались колонки цифр. Делалось так для порядка и удобства при длиннющих подсчетах всевозможных операций в сводки за неделю, месяц, треть года.

Приход весны в гиттеншрейберской угадывался с трудом. Единственное зарешеченное окно выходило в заводской двор. Сквозь бычий пузырь, натянутый вместо дорогостоящего стекла, смутно просачивались заснеженные островерхие конусы угольных и рудных куч, слоенные сугробы. Такие высокие, что клочка неба не видно.

Днем в гиттеншрейберской постоянно людская толчея. Поздним вечером ослабевал приток грузов.

Ползунов низко склонился над столом грубой работы, до треска в швах натянул на плечи легкую заячью шубейку.

В плавильной фабрике скрип и лязг механических тяг. Туго и надсадно вздыхали меха, подающие дутье в плавильные печи. Где-то в проеме фабричной стены глухо шумела вода, упруго бившая в лопасти водоналивного колеса. Для тепла Ползунов открыл дверь.

Скоро печи выдадут плавку. Раскаленный белый металл веселыми ручейками растечется по формам-изложницам. Ползунов потер затекшие пальцы, поспешил с составлением сводки. Встал со скамьи, глянул, а Яков Беэр и наполовину не закончил работы.

— Настоящий пещерный холод! Мозги превращаются в свинец. Озябшие руки не слушаются. Цифры на бумагу уродами ложатся. Однако ты, Иван, преуспеваешь!

Ползунов промолчал. От оупляющей гиттеншрейберской писанины, от мертвых цифр, рябью резавших глаза, тянуло к настоящему делу. Оно всегда захватывало Ползунова. Еще со времени учебы в екатеринбургской арифметической школе в память прочно легли слова первого учителя Федора Санникова: «Любознательный ум, Ванюша, всегда и непременно в поиске знаний. Без поиска нет ума».

Был Федор Санников каким-то особым человеком для учеников. Взыскательность у него уживалась с благожелательностью, настойчивость — с отеческой лаской.

Ползунов мало знал своего отца Ивана Алексеевича, крестьянина города Епанчина. Женился тот, когда был солдатом Екатеринбургской роты. А солдат есть солдат, служба не оставляет ему времени на проявление отцовских чувств. Солдатский сын находил в учителе то, что не довелось увидеть в отце. Именно за это любил учителя Ползунов, а не за постоянные похвалы, которыми тот отмечал его успехи в учебе.

Краткая летопись Барнаула

1. ГОРНЫЙ ГОРОД

Основание Барнаула связано с развитием горнозаводского дела на Алтае. В 1726—1727 гг. уральский заводчик Акинфий Демидов построил на речке Локтевке, притоке Алея, первый медеплавильный завод, назвав его Колывано-Воскресенским. Выбор места для второго завода пал на устье реки, которую кочевавшие здесь киргиз-кайсаки называли «Барна-аул».

В 1730 г. Демидов переселил сюда с уральских и олонечких заводов 200 «приписных» крестьян. Они срубили близ деревеньки Усть-Барнаульской поселок, состоявший из одной улицы, названной ими Олонечной. От этого поселка и ведет свое летосчисление Барнаул.

В 1739—1744 гг. был построен Барнаульский медеплавильный завод (с 1750 г. — сереброплавильный). Выплавка серебра и золота частным лицам запрещалась, но Демидов начал тайно выплавлять серебро и золото.

1 мая 1747 г. царица Елизавета Петровна «взяла на себя» Барнаульский и другие демидовские заводы на Алтае вместе с прилегающей к ним территорией. Барнаульский завод стал административным центром огромной царской вотчины площадью 443 тыс. кв. км.

В 1747 г. в Барнаульском посаде насчитывалось 75 дворов и 430 жителей обоего пола. В 1771 стало 949 дворов (из них два «каменных»), жителей — 4911. В этом году посад был переименован в горный город Барнаул.

Две печи выдали плавку. В формах отсвечивало разноцветными бликами еще жидкое и податливое серебро. Охлаждаясь и густея, оно сухо и отрывисто пощелкивало, менялось в цветах — от ярких до бледных и скромных. Совсем остывшее серебро покрывалось серопепельным, свинцовым налетом. Шла подготовка к засыпке печей, только что выдавших плавку. По крутым дощатым трапам-подъемникам гудели чугунные колеса тачек. Для облегчения в работе тачки с грузом закатывали на трапы с разбегу. Дальше же тачки приходилось толкать изо всех сил. На самой вершине трапа у подкатчиков от натуги глаза на лоб выскакивали. Колеса тачки словно гвоздями прихвачены к трапу — ни с места!

Бывало, что в единоборстве тачка брала верх. Тогда люди рассыпались в стороны. Тачка с победным гулом устремлялась вниз.

Снова вспомнились слова Федора Санникова. Казалось бы, совсем простые, а мудрость закона механики как нельзя понятнее объясняли: «Чем выше удалено тело от земли, тем с большей силой устремляется к оной».

Ползунов уперся плечом в тачку. Его корпус распрямлялся медленно, но уверенно, как стальная пружина, преодолевающая сильное сопротивление. Тачка сорвалась с мертвой точки.

— А ну, еще раз! Еще р-раз взяли!

Тачка затарахтела по доскам засыпной площадки, устроенной почти на уровне жерла печи. Из грудей подкатчиков вырвались сдавленные вздохи облегчения.

— Спасибо, барин, за подмогу. В том месяцу тачка изжевала погу Федьке Колокольцеву. И сегодня недалеко до беды, не окажись тебя.

Скрипучие слова людей, не привыкших получать и расточать похвалы, показались выше всяких наград.

— За что спасибо-то? Каждый на моем месте помог бы.

— Э-э, барин, всякий видит беду другого, а вот вызволит редкий. Нашу благодарность не отбрасывай: от души она. Изволь на засыпку посмотреть.

В конце площадки, откуда донеслись эти слова, стоял высокий и угловатый человек. Плоский, но широкий в плечах, он казался вырезанным из толстых двухвершковых досок.

— Здравствуй, Селезень! Спасибо за приглашение.

— Здоров бывай, барин!

Селезень — старший плавильщик. Двадцать лет жарился у плавильных печей. В первых пробных плавках медной руды на речке Локтевке подручным был знатоке

горного дела Никифоре Клеопине, которого Демидов послал вслед за олонцами старцами, открывшими руды в Кольвано-Воскресенской округе.

Многие секреты выплавки серебра познал Селезень. Когда бывала нужда, в плавильных мастерах хаживал. Не хуже других исправлял должность, а выше не лез. Начальство не поуждало к тому: мастеру жалованье, считай, вдвое выше нужно платить, чем старшему плавильщику. Борода у Селезень короткая, в крутых завитках. Лицо от иссушающей печной жары красное, как кусок сырого мяса.

При первом знакомстве Ползунова удивила внешность, а еще больше — прозвище старшего плавильщика.

— Мое настоящее имя, барин, Иван Ефремов сын Тагильцев. Селезень — прозвище такое. Въелось, как капля горячего серебра в живое тело. Не выковырнешь!

— Отчего же прозвали?

— То угадать надобно, барин.

Ползунов пристально поглядел в лицо Селезню. Тот предупредил вопрос, готовый сорваться с языка Ползунова.

— Не-е, не за бороду. Хоть она и впрямь, как у селезень хвост. И не за то, что голос мой схож с призывным шавканьем селезенья.

— Тогда не берусь отгадывать.

— Вот так-то! — не то с гордостью, не то с удовольствием изрек Селезень. — Многие блуждали в разгадках. Среди них и ты, барин. По глазам твоим вижу, что охоч узнать про мое прозвище.

Ползунов утвердительно кивнул.

Селезень посмотрел на большие песочные часы, по которым определяли сроки плавков. В хриплом голосе зазвучала властность.

— Пора на малый роздых. Васька, принеси мой мешочек с остатками съестного припасу. Да кувшин водицы, похолоднее...

Плавильщики и засыпщики уселись полукругом на настил. Селезень — на опрокинутый ящик из-под песка. Чтобы всеми обозревался.

— А вот теперь, барин, смотри в оба глаза, подмечай, что к чему.

Стоило Селезню откусить от краюхи черного хлеба, раздалась зычная икота. Удивленный Ползунов видел, как от усилия проглотить пережеванный хлеб, у Селезень судорожно задергался сухой кадык, округлились глаза.

— Сглотил все же, хоша и со скрипом.

Селезень вытер слезы, отхлебнул из кувшина. Икота притихла. Потом стал жевать хлеб, часто запивая водой. Словно в бездонный колодец, без единого звука проваливалась еда.

По полукругу прошелся откровенный смех. Видали такое люди раньше — и не один раз, а от потехи не удержались.

Селезень грубо и резко унял товарищей.

— Ржете, как стоялые жеребцы! А чего? Постойте с мое у печи, не так закудахчете! Во где он у меня, плавильный жар!

Селезень ладонью наглухо охватил горло.

— От этого жару и глотка у меня шершавая, как терка!

И уже к Ползунову:

— Вот и прозвали Селезем лет тому назад с десяток, что не могу без запивки и припивки проглотить сухой съестной припас...

Поздним вечером в плавильную фабрику часто заглядывало высокое заводское начальство. Плавка руд на серебро требовала постоянного и неусыпного досмотра. Могло порвать печи. Тогда капли огнедышащего металла, разлетаясь в стороны, прожигали тела людей до костей. Но такое случалось редко. Чаще же от передержки руд в плавке получался чрезмерный угар основного продукта — серебра. Да мало ли чего еще могло стрястись? Плавильщики, засыпщики и другие работники в поздние часы не так расторопны в движениях. Для уставшего человека велик и соблазн забыться в коротком, тревожном сне.

Откуда-то снизу, из синего полумрака доносился голос Якова Безра:

— Гиттеншрейбер Ползунов, в камору!

Селезень сразу как-то сник. Мельче стал

фигурой. В движениях открыто обозначились суетливость и неуверенность.

— Он! Ей-богу, он!.. Стал быть, сам господин Христиани в камору пришел. Поспешай, барин, как бы немилость не навлек своей отлучкой. А на плавку в другой раз приходи.

Иоганн Самуэль Христиани после генерала Безра вторая фигура в канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства. Одинаково хорошо знал плавильное и пробирное дело. В совершенстве владел маркшейдерским, рисовальным и чертежным искусством. Кроме обязанностей члена канцелярии, начальствовал на Барнаульском сереброплавильном заводе.

В оправдание своего изменившегося настроения Селезень прошептал вслед уходившему Ползунову:

— Тоц господин Христиани, зато кулак у него круто замешан...

Долговязый Христиани сутулился за гиттеншрейберским столом. Трещала горевшая свеча. Ее трепетное чуткое пламя шарахалось от вздохов людей. Свеча отбирала у мрака небольшой круг, кончавшийся рядом со столом.

— Высокородный господин ассессор...

Христиани устало и безразлично махнул рукой, указав на скамью. Ползунов сел. Гнетущую тишину нарушил грубый и резкий шелест листов толстой бумаги. Христиани щурил близорукие водянистые глаза, въедааясь

Краткая летопись Барнаула

2. РАБОТНЫЕ ЛЮДИ

К 1771 г. к алтайским заводам было приписано до 40 тысяч «мужеска пола крестьян» или «ревизских душ», к 1861 г. — 145612. Взамен подушной подати, которая за них вносилась в казну заводами, они обязаны были выжигать древесный уголь, подвозить с рудников, удаленных от заводов на сотни верст, руду и флюсы. Выполнение «урока» занимало до четырех месяцев в году, разоряя крестьян.

До 1861 г. пополнение рабочих на алтайских рудниках и заводах производилось путем рекрутских наборов из приписных крестьян, негодных к несению военной службы. Они находились в кабале до полной потери трудоспособности. По 12—16 часов трудился мастеровой у раскаленной печи, в ядовитом дыму, на сквозняках, под неусыпным оком горного офицера и надсмотрщика. Вместе со взрослыми трудились и дети, «малолеты».

На заводах и рудниках были установлены жестокие военно-крепостнические порядки. Разбором дел о проступках мастеровых и приписных крестьян занимались военно-судные комиссии, они определяли для них наказания, как для солдат: шпицрутены, батоги, кошки. Например, за побег с завода мастерового при поимке до семи раз прогоняли шпицрутенами сквозь строй в 500 человек.

Без разрешения горнозаводского начальства мастеровой не имел права жениться, в праздники съездить к родным, определить детей к ремеслу.

Сибирь не знала крепостничества, но в царской вотчине — кабинетских землях — оно осуществлялось суровее, чем где бы то ни было в России. Не было лишь купли и продажи людей.

ими в страницы журнала. Цифры, начертанные рукой Якова Беэра, часто вылезали из колонок. То сбивались в тесную кучу, то одиночке и беспорядочно разбегались по бумаге.

Христиани устал охотиться за цифрами. Со лба на кончик носа упала капля пота.

— Нда-с!

Христиани резко захлопнул журнал. В мрачном взгляде ассессора — немой упрек и нескрываемое недовольство.

И снова шелест бумаги, но более равномерный и тихий. Он означал перемену в настроении Христиани. Самый мелочный придира при просмотре журнала Ползунова не нашел бы зацепки для проявления малейшего недовольства. Радовали глаз безошибочные итоговые записи в сводках, согревали невидимым теплом душу Христиани.

— В журнале отменный порядок. Похвально твое рдение в службе, гиттеншрейбер!

Ползунов встал. Было неловко перед Яковом Беэром. Правда, Христиани его не ругал. На то, видимо, были причины, о которых Ползунов мог лишь смутно догадываться. Но и при этом Ползунов чувствовал себя виновником молчаливого унижения товарища.

— Премного благодарен вам, высокородный господин...

Христиани вновь нетерпеливо перебил взмахом руки, завел неожиданный разговор совсем о другом.

— Правда ли, что гиттеншрейбер Ползунов увлекается математическими науками?

Главный механик Екатеринбургского завода, а позже Главного правления Сибирских и Казанских заводов Никита Бахарев решил заменить малоспособных механических учеников. В Екатеринбургской арифметической школе Бахареву порекомендовали Ивана Ползунова и Семена Черемисинова. Ползунова перевели в механические ученики, не дав закончить школы. С тех пор занятиями математикой Ползунов заполнял свое свободное время.

— Затрудняюсь ответить правильно, высокородный господин ассессор. Известно, что настоящее увлечение ко многому обязывает человека. Я всего-навсего изучаю математику, которую полюбил в школе.

— Надеюсь, что изучение проходит по книгам иностранных, в первую очередь саксонских авторов. Последних отличает глубина мысли, строгая логика суждений, простота и доходчивость изложения материала. Не так ли?

Ползунов молча выдвинул ящик стола, достал раскрытую книгу. Под красивой витиеватой заставкой напечатано по-русски: «Кни-

га первая. Арифметика». Христиани взял в руки книгу, прочитал на обложке фамилию автора: «Леонтий Магницкий».

— Нда-с! То русский. А русский автор — совсем не лучший.

Нескрываемое пренебрежение в голосе и жестях Христиани неприятно покорило Ползунова.

— Иных авторов не знаю. Магницкий же доступен манерой объяснения и слогом. Российский академик Михайло Ломоносов, будучи юношей, нес эту книгу из Архангельска в Москву в своей котомке и назвал ее «вратами учености».

И тут же Ползунов мысленно упрекнул себя в излишней горячности. Форма и тон обращения со старшим начальником показались далеко не уважительными.

— Прошу простить меня, высокородный господин...

Христиани, к удивлению Якова Беэра, совсем беззлобно перебил Ползунова.

— А мне нравятся твои слова, гиттеншрейбер! Не всякий в твоём положении способен так открыто и настойчиво отстаивать свои суждения, хотя бы и не совсем правильные! Ищущий ум приходит к ним через трудный путь и защищает их, как мать детенышей.

Христиани вышел не попрощавшись, как иногда бывает с людьми, чем-то чрезмерно возбужденными или удивленными.

Яков Беэр пружинисто подпрыгнул на скамье. Заговорил часто-часто. Слова толкали, сбивали друг друга. Причина душевной вспышки товарища постепенно становилась понятной.

— О, — Яков указал на дверь, — мой соотечественник! Я же его не люблю. У него только оболочка человека. В душе же дюжина лягушек, оттого в ней вечный холод, как в гиттеншрейберской. Он никогда не произносит слов одобрения. Поздравляю тебя, Иван: ты заслужил невозможное — похвалу самого Христиани!

Коротко вздохнув, Яков Беэр круто повернул разговор.

— А знаешь, почему он так поступил? Вот почему. Через похвалу тебе сделал внушение мне. Открыто сказать боится. Из-за моего дяди, известного тебе генерал-майора Андрея Венедиктовича Беэра.

Слова Якова не явились новостью для Ползунова. Они лишний раз напомнили о разнице в положении двух гиттеншрейберов.

Яков пошарил в столе. В руках появилась глиняная обливная бутылка.

— К черту все, Иван! Минут через двадцать пойдем на покой. Сегодня день моего рождения. Давай выпьем!

Гиттеншрейберская наполнилась бульканьем хмельного, истекавшего из бутылки в глиняные кружки.

— Поздравляю, Яков! Желаю самого хорошего тебе. Только пить хмельного не стану.

— Не станешь? Отчего же?

Яков долго держал кружку в вытянутой руке. Вдруг рука резко, вроде от удара, согнулась. Сочно запахло пролитой водкой.

— Понимаю тебя, Иван! Ты... ты, как и другие, тоже боишься... неприятностей по службе. В таком случае, будь здоров!

Содержимое кружки Яков выпил необычно для Ползунова — в один глоток. Потом долго растирал манжетом куртки горевшие губы.

— Яков, пойми меня правильно. Я никого и ничего не боюсь. Просто не привык пить водку. Противная она. Не обижайся!..

Отношение к водке у Ползунова определилось еще в раннем детстве. Во время редких побывок отец, бывало, напивался до синевы на лице. На жену, неповинную ни в чем, набрасывался коршуном, матерно, с вывертами ругался, куражился.

— Дашка! С-с-сапоги мои с ног... Ать-два... до-ло-ой! А! Ослушничать! Это при мне! А без меня поди-ка слободским парням пятки цалу-ешь! Пошла с глаз, стерва! Прибью!

Однажды девятилетний Иван, ученик словесной школы, повис на руке отца, занесенной для удара, вцепившись в нее зубами.

— Никак сбесился, звереныш!

Испуганная мать сжала до отеков в пальцах свободную руку мужа.

От изумления и боли у отца мгновенно

улетучился хмель. Еле разжал омертвевшие челюсти сына. Долго рассматривал на руке синее с неровными краями ожерелье — следы зубов, потом взглянул в лицо сына, не по-детски жесткое от отчаянной решимости.

— Молодец, Ванюха! Славно подлечил меня. А вот совсем не вылечишь. Потому что в кровь просочилась зараза — вино.

Потом серьезно, как с равным, заговорил:

— Мне куда ни шло. Жизнь нескладная, солдатская у меня. Ты, может, иной тропинкой прошагаешь. Запомни, что не резон тебе иметь сходство с отцом. Когда вырастешь, сбереги себя от водки. Понял?

— Понял. Ты сам поменьше пил бы, мамку не поносил.

Отец ничего не сказал заплакавшему сыну. После того случая стал реже появляться пьяным, буянить...

В масляных глазах Якова Безра Ползунов прочел желание выпить еще.

— Хватит, Яков! Давай солью в бутылку. Придешь домой, выпьешь.

Ползунов проживал в маленькой комнатке у купца Прихожева, не слишком богатого, но и не последнего достатка. При Барнаульском заводе Прихожев поселился по указу Кузнецкой воеводской канцелярии. На купца взвалили маркитантскую повинность. В разные времена года он закупал скот у крестьян дальних и ближних деревень, переводил на мясо. Мясо поставлялось к столу горных офицеров, служивой братии. Мастеровым, или заводским рабочим, перепадали самые крохи.

Краткая летопись Барнаула

3. «ОБЛЕГЧИТЬ ТРУД ПО НАС ГРЯДУЩИМ...»

Гнет и несправие не могли убить в русском человеке извечное стремление внести «живинку» во всякое дело. Алтай стал родиной многих замечательных изобретений. Величайшее из них — «огненная машина», первый в мире универсальный пароатмосферный двигатель, созданный шихтмейстером Барнаульского завода Иваном Ивановичем Ползуновым. В 1763 году он разработал проект двигателя, макет которого находится ныне в краевом краеведческом музее. Однако в ходе строительства Ползунов значительно переработал его, увеличил размеры, довел мощность с 2,63 до 40 лошадиных сил.

Коренное отличие «огненной машины» Ползунова от существовавших в Европе пароатмосферных двигателей состояло в том, что она была непрерывного действия и предназначалась для выполнения всех видов горнозаводских работ. «Служитель» Барнаульского завода на 21 год опередил создателя паровой машины двойного действия англичанина Уатта.

Всего семь дней не дожид гениальный изобретатель до пуска своего детища. 16 [28] мая 1766 года, в возрасте 37 лет, он скончался от чахотки.

Маркитантский промысел не шел в прирост купеческому делу. Мясо для заводских нужд принималось по установленным начальством «приемным» ценам, намного ниже «свободных», или рыночных. Купцу приходилось мириться с тем. Попробуй только возразить! Головы не успеешь повернуть, как по указке генерала Безра воеводская канцелярия из купеческого сословия отчислит в мастеровые службы. Тогда не то, что копейку приумножить, а от недоеда и вечной работы на матушку-императрицу ногой ни двинуть, спины ни разогнуть. И так до гробовой доски. Недалом в указах канцелярии и других бумагах мастеровых называли вечными работниками.

Вот купчишка и вида не подавал, что обременен заводской повинностью. Напротив, при встрече с большим и малым начальством довольную и угодливую улыбку на лице избражал, чуть не ломался в поклонах.

Не зря Прихожев изворачивался — все же получил от начальства столь вождеделенную привилегию на вольный торг мясом.

— Только смотри у меня, козел, чтобы никакого ущерба твоей повинности не вышло! Понял?

В ответ на предостережение начальника комиссарского правления, которое ведало всеми хозяйственными делами канцелярии, Прихожев осенил себя широким размашистым крестом, потом замер в клятвенно-торжественном коленопреклонении.

Торговля шла бойко. На Барнаульском рынке не находилось человека, который потягался бы с Прихожевым в умении выгодно и быстро продать товар. Купец перерождался, когда становился за прилавок. Зычный и трепетно-призывный голос переливался на самых разных нотах, птицей шарахался над торговыми рядами, глушил базарный шум. Люди так и шли на шутки-прибаутки, которые щедро расточал купец:

— Приходи, заходи, на мясо погляди! Если хочешь мяса гожего, не обойдешь Кузьму Прихожева! Свежати́на — первейший сорт, еще душа не отлетела!

Ползунов встретился с Прихожевым в первые дни своего приезда на Барнаульский завод, когда еще не приступил к службе и знакомился с посадскими строениями. Заглянул в торговые ряды, долго и замороженно наблюдал за купцом. Тот по казенной одежде распознал в Ползунове заводского служителя.

— Купил бы, барин молодой, говядинки заливной! От нее душа бодрей, телеса сильней!

Купец так и манил приветливым взглядом. Ползунов вроде ощутил, что его подталкивает какая-то непонятная и неотразимая сила. По-

дошел к прилавок и тут только заметил, как по груди купца змеевидными ручейками расплескалась красно-рыжая борода. В глазах, глубоко утонувших под кустистыми бровями, искрило веселое озорство. Ползунов нарочито долго и придирчиво рассматривал аккуратно порубленное на куски мясо.

— Нет, не подходящее! Скотина, видать, была великовозрастной. От того у мяса волокна крупные, кровянистые, а жир цвета яичного желтка. Потощее да помоложе мяса, вроде телятины, взял бы.

Купец на какую-то минуту прикусил язык. Потом не без почтения заметил:

— Из ранних, видно, барин, коли верное понятие имеешь в мясе. Нет ничего похвальнее для молодости, чем мудрость житейская. Изволь, барин, для тебя сыщется желанное. И в цене не поупорствую.

На прилавок полетели новые куски мяса. Купец бросал их с нескрываемой лихостью, как бы подчеркивая, что не оскудела его фирма.

— Каков выбор? А? Сам сибирский губернатор не погнушался бы отвесть такого мяска! Какое на тебя, барин, глянет, такое твоим станет!

В голосе купца звучали вызов и гордость. Ползунову и мясо-то совсем не нужно. Весь разговор затеял единственно, чтобы острое словцо из купчишки вытянуть и послушать. Но все же пришлось купить телячью лытку, чтобы не оказаться пустословом.

Через несколько дней после того начальство определило Ползунова на квартиру. Ее хозяином оказался Прихожев. Ползунов нескладно удивился тому. Поначалу даже показалось, что первая встреча с Прихожевым предопределила последующую.

В редкие свободные от службы, или гульные, дни Ползунов видел хозяина постоянно занятым какую-нибудь работой. То сало топил, то овчины заквашивает, сушит или отминает. В доме стояли крепкие запахи. При раскрытых дверях они чуть ослабевали, но не исчезали совсем. Казалось, сами толстые бревенчатые стены источали кислятину и смрад. От увлечения делами купец становился сосредоточеннее и строже. Язык делался вроде совсем другим, неповоротливым, ленивым на слово. Лишь в минуты короткого отдыха купец вырывался из плена дел, неузнаваемо светлел, пускал острое словцо, как стрелу из лука. К квартиранту подступал шумно и неотвязчиво:

— Чево томишься в келье, барин, книжкой глаза истязает? Шел бы на волю. Божья благодать там — воздух свежий и густой. В полную грудь не надышешься. А солнце

какое? Как в пасхальный день играет, вместе со всем живым приходу весны радуется! Кто знает, в какой уголок забрел бы я, не будь неотложных дел!

Молчаливо соглашаясь, Ползунов благодарно улыбался. «И в самом деле, отвлечься от всего не без пользы...» В гульные дни Ползунова часто одолевали навязчивые и тревожные думы о родине. Рождалась щемящая душу неутрачиваемая тоска. Ее не могли даже вытравить или утихомирить чтение «Арифметики» Магницкого, решение математических задач, упражнения в черчении и рисовании. До нитя в голове думалось о матери.

Ползунову казалось, что без него мать лишена последней защиты, что жизнь придавит, сломает ее. От этого бурно закипала обида на отца, появлялось дерзкое желание поколотить его, больно и жестоко. Воспоминание об отце всегда почему-то раздражало и ожесточало...

Высокая грива густо поросла березняком. Между березами — низкие, чуть не вповалку заросли черемухи, калины, боярышника. С гривы отчетливо видны плавильная фабрика, рудные сараи и другие строения Барнаульского завода, как пояском охваченные крепостью. Крепость была палисадной — толстые бревна забраны в мощные кирпичные столбы. Над крепостью торчали боевые башни с пушками и колоколами для пальбы и оповещения заводского гарнизона в случае нападения местных кочевников-джунгар, считавших здешние земли своими и не мирившихся с появлением на них русских поселений.

Правда, крепость — защита не из надежных. На смолистых стенах, стояло их поджечь,

дружно занимался огонь. И все же начальство упорно полагало, что прежде чем запылет крепость, пушечная пальба и мушкетная трескотня непременно обратят в бегство неприятеля. Крепость густо облепили посадские домишки, от копоти и застарелой пыли черные, будто обугленные. Ютились в них заводские мастеровые, солдаты и немногочисленные мешане. Эта часть посада у самой подошвы косогора называлась мастерской и солдатской слободой. Лишь по левому берегу речки, которая носила нерусское название Барнаул, проглядывали дома посолднее, почище, ладно сбитые, со строгой столярной отделкой снаружи. То была офицерская слобода.

Сверху Ползунов подмечал самые мельчайшие черточки в облике заводских и посадских строений. Картина представлялась мрачной, неуютной. Невольно напрашивалось сравнение с Екатеринбургским заводом, который при самом беглом взгляде казался намного внушительнее. И не столько значимой казалось Ползунову сейчас разница во внешности двух заводов. Иное проплывало перед глазами. Внутри Екатеринбургского завода размещались самые совершенные токарные станки, мощные плющильные и обжимные станы, боевые молоты и множество других машин и механизмов. Там всегда господствовали безумолчный грохот, скрежет, лязг и звон металла, который был послушным и гибким. От увиденного и услышанного в первый раз Ползунова сковали оцепенение и почтительное молчание. Лишь позже, через немалое время, казавшееся ошеломляющим стало обычным, малоприметным. В свободное время из меха-

Краткая летопись Барнаула

23 мая 1766 года начались испытания машины, продолжавшиеся до 4 июля.

7 августа 1766 года состоялся пуск первой в истории теплосиловой установки, предназначенной для непосредственного привода заводских механических агрегатов.

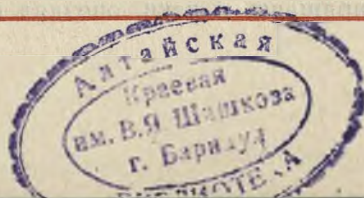
Машина работала с 7 августа по 10 ноября, в общей сложности 1093 часа. За это время она не только окупилась затраченными на нее средствами, но и дала чистой прибыли 11016 рублей.

10 ноября у нее прогорел котел, сделанный из тонкой листовой меди. Его никто не пытался восстанавливать. Свыше пятнадцати лет замечательное изобретение стояло в бездействии, разрушаемое временем. Потом машина была сдана на слом, а имя ее творца забыто на долгие годы.

Участь Ползунова не была исключением. 100 лет пролежали в архиве проекты воздуходувной машины и паровой машины двойного действия горного инженера Барнаульского завода Степана Литвинова. Был отвергнут проект первой русской турбины инженера П. М. Залесова, многие проекты выдающегося гидротехника К. Д. Фролова и др.

Царская администрация заводов и рудников, обеспеченная в избытке дешевой рабочей силой, не была заинтересована в механизации труда.

Б 1089350

На обложке рисунки Г. БУРКОВА
из серии «Любимый город».

нической фабрики Екатеринбургского завода Ползунова вытягивало жгучее любопытство к многооконному зданию заводской лаборатории. В одной из ее комнат хранилось то, что всегда приводило Ползунова в жаркий трепет — книги.

Доступ к ним имел строго определенный и узкий круг лиц. Не только безнадежная недосыгаемость книг создавала им в представлении Ползунова ореол неразгаданной таинственности и вызывала безмерное почтение. Книги на многих языках собрал в разных странах сам начальник Главной канцелярии Сибирских и Казанских заводов Василий Никитич Татищев, человек большой учености, широких интересов, сторонник распространения просвещения и науки. Татищев создал на Урале для детей мастеровых и заводских служителей словесные и арифметические школы. За одно это он был живым божеством для Ползунова. Татищев добивался демократизации обучения с тем, чтобы, кроме теории, ученики «применялись руками» к разным ремеслам: токарному, столярному, паяльному, резанию и гранению камня. Идеалы высокого начальства были близки и понятны солдатскому сыну и вместе с тем вызывали недоумение и удивление своей новизной и смелостью. Сейчас Ползунов с особой отчетливостью вспоминал до самых мелких подробностей годы учебы в словесной и арифметической школах. В первой учили читать по азбуке, букварю, часослову и псалтыри. Учитель Никита Артемьев заставлял Ползунова, как лучшего ученика, читать вслух всему классу нравоучительное сочинение Феофана Прокоповича «Учение к отрокам». В праздничные дни учеников заставляли петь в церковном хоре. Как и при классном чтении, голос Ползунова выделялся среди других чистотой звучания и звонкостью. В арифметической школе изучались арифметика, геометрия, тригонометрия, черчение, рисование, пробирное дело, механика, латинский и немецкий языки, горное дело.

Свободного времени у учеников почти не было. Занятия продолжались весь световой день. И все же Ползунов находил время, особенно в летнюю пору, чтобы побывать за крепостью, посмотреть на ее строгие очертания с приречных холмов или искупаться в обжигающих водах Исети. В мире природы дышалось легче, без остатка растворялись самые неотложные заботы, рождалось то восторженно-созерцательное настроение, которое не оставляет места в душе человека другим чувствам, кроме умиротворения.

Однажды Ползунов не рассчитал времени перерыва и, возвращаясь с реки, опоздал на

урок рисования. Класс встретил напряженным и гнетущим молчанием. От затаенного выжидания и любопытства, смешанных с предчувствием недоброго, лица учеников показались окаменевшими. Учитель Федор Санников, насупленный и безмолвный, нервно прохаживался у доски. По беспорядочным и суетливым движениям рук, беспокойному, бегающему взгляду плохо угадывался учитель, всегда уравновешенный, неторопливый. Ползунов понял, что именно он явился причиной необычного настроения всего класса и учителя. От этого стало неловко до жгучей красноты на лице, шее и руках.

— Садись, Ползунов! И быстро приготовься к рисованию!

Класс облегченно вздохнул: вроде бы пронесло, урок пошел по проторенной дорожке.

Ползунов же думал иначе. «Лучше выругал бы. Из класса выдворил, как других учеников... Намного легче было бы на душе...» От ровного, без срывов, звучания голоса учителя в душе Ползунова закипало раздражение.

— Сегодня, ученики, первый необыкновенный урок — свободный. Каждый из вас по выбору нарисует геометрические фигуры, стоящие перед вами, или что-либо другое, виденное ранее и хорошо сохранившееся в памяти. Главное — не спешить. Рисовать продуманно. Обратите пристальное внимание на перспективу изображений, правильное наложение и чередование световых теней.

Сосед по парте толкнул Ползунова в бок, торжественным полусшепотом опалил ухо:

— Поспешай, Ванюха, сам господин Татищев должен заглянуть в класс...

«Сам господин Татищев! Бывалое ли дело! Как же я смел опоздать на урок? Я же мог и не увидеть господина Татищева. Вот уж чего нельзя простить! Ай-яй-яй!»

В классе стоял сухой сосредоточенный шепсел. Над листами добротной, с нежно-голубым отливом бумаги низко склонялись головы учеников. Уличив себя в бездействии, Ползунов принялся рисовать с лихорадочной быстротой и каким-то особым, незнакомым ранее душевным подъемом. Частые резкие взмахи руки оставляли на бумаге верные и плавные контуры задуманного рисунка. Умело оттененные, они постепенно оживали, обретали законченность и совершенство.

Татищев вошел в класс один, без каких-либо сопровождающих. Вошел так бесшумно, что его приход с запозданием заметил сам учитель, который опрометью бросился навстречу. На приветствие учителя и вскочивших учеников Татищев ответил широким успокоительным жестом. Было в нем что-то осо-

бенное, совсем несвойственное высокому сановнику. Лицо не выражало и тени властной напыщенности. Фигуру не сковывала горделивая осанка. Вместо трескучих словесных нравоучений Татищев занялся наблюдением за работой учеников. Проходя мимо столов, он молчаливо склонялся, всматривался в бумагу, неторопливо задавал вопросы учителю.

Ползунов закончил рисунок. Тревожное и томительное ожидание замедляло течение времени. Минуты казались мучительной вечностью. «А вдруг зазвенит звонок...» Так хотелось увидеть Татищева совсем рядом!

Вот Татищев подошел к Семену Черемисинову, первому и постоянному сопернику Ползунова по учебе, взял в руки рисунок. Долго вертел в руках, рассматривал с разных световых позиций.

— Неплохо, неплохо! Геометрические фигуры на бумаге выглядят натуральными, потому как световые тени наложены и чередуются вполне закономерно...

Ползунов сидел за последним столом. Отсюда хорошо заметно, как от похвалы шею и уши Черемисинова охватил пожар, как беспокойно задвигались плечи.

Татищев подступил еще ближе.

— Лучший ученик класса Иван Ползунов, ваше превосходительство...

Учитель замер, выжидая, что скажет Татищев. Тот небрежно долго с разных дистанций рассматривал рисунок Ползунова. Постепенно молчаливое удивление на лице Татищева сменялось довольной улыбкой.

— Встань, Ползунов! Похвально! Весьма похвально! — заговорил он с откровенным восхищением. — Екатеринбургская крепость

нарисована в самой верной и тонкой перспективе. В рисунке наличествуют высокое исполнение, художественная память и фантазия. Благодарение, отрок, за талант твой! Потрудись, господин учитель, записать мою похвалу в формуляр ученика Ползунова!

Ползунов плохо улавливал смысл сказанного. Перед глазами словно непроглядный молочный туман. Слова Татищева звучали глухо и неотчетливо — будто пробивались через стену или подушки, наложенные на уши...

Христиани ошалело бегал по кабинету. Как всегда при сильном возбуждении, он отчаянно ругался. При этом коверкал русскую речь, пересыпал ее родными, немецкими словами.

— Больван! Доппельтенар! Важнейшее донесение в кабинет ея величестф! А как безобразно оно выглядывает! Посмотрейт только! Ужас!

На столе лежали разбросанные бумаги, испещренные неровными зыбкими строками. В них буквы, как пьяные, вкривь и вкось. Казалось, они непременно упали бы, не будь скрепленными, как скобами, редкими титлами.

Виновник испорченного настроения Христиани — канцелярист Мартын Второй стоял ледяным изваянием здесь же. Ему думалось — пошевелись он, издай какой-нибудь звук или даже громкое дыхание, и бесконечный гнев Христиани обрушится с новой силой. Длинный отчетный рапорт в царский кабинет о действии Кольвано-Воскресенских рудников и заводов, ведомости о выплавке золота и се-

Краткая летопись Барнаула

4. «МУЖИ, ДЕЛАЮЩИЕ ЧЕСТЬ ОТЕЧЕСТВУ...»

В 1817—1830 гг. начальником Кольвано-Воскресенских заводов был П. К. Фролов, строитель первой в России рельсовой железной дороги, сын знаменитого гидротехника К. Д. Фролова. Задумав большое строительство в Барнауле, он в 1820 г. направил в Петербургскую академию художеств маркшейдерского ученика Барнаульского завода Я. Н. Попова, верно угадав в нем талант. После двух с половиной лет учебы Я. Н. Попов четыре года работал под руководством Карла Росси.

С 1829 по 1852 гг. все строительство в Барнауле велось под руководством Я. Н. Попова, в том числе памятника и комплекса зданий на Демидовской (ныне Пионерской) площади, известных под названием «Уголок Петербурга».

П. К. Фролов и Ф. В. Геблер являются основателями краевого краеведческого музея (открыт в 1823 г.).

Ф. В. Геблер, уроженец Германии, доктор медицины, ботаник, энтомолог, исследователь Алтая, жил и работал в Барнауле с 1809 по 1850 гг. Здесь он обрел вторую родину.

ребра должен был написать канцелярист, Илья Хлопин. При его отсутствии по делам службы Христиани поручил работу Второму. И вот...

Может, в десятый раз на какое-то мгновение Христиани остановился у стола и просто-на, мысленно представив возмущение генерала Беэра при виде неряшливо выполненного документа, который надлежало подписать. Переписка документа заново отняла бы немало времени. К тому же нарушался срок его представления в Петербург. От этого возрастало возбуждение Христиани. Звук падающих предметов, нечаянно поверженных на пол, теперь оказывался вне его внимания.

— Отвечайт без малейшей утайки! Пьян был, когда писал? А? Пьешь много, мерзавец, не думай, что я не знаю!

В Барнаульском посаде небезызвестно, что канцелярист водил самую близкую дружбу с винными целовальниками. Они, если не было денег, Второму отпускали хмельное под жалованье. От безмерного возлияния Второй всегда приходил в буйное состояние. Как-то он, пьяный до зеленых чертиков, повстречал в гульный день дьячка слободской Захарьевской церкви Петра Хавова и пришел к месту пьяными, нараспев словами:

— Ку-у-у-ды бре-е-е-дешь, Ани-и-и-сья? Чай, про до-о-лг за-а-бы-ы-ла? Дай по-о-оцелую — и кви-и-и-ты!

Дьячок еле оторвал ноги с места, чтобы отпрыгнуть в сторону.

— Свят, свят, раб божий Мартын! Протри очи помутневшие, воззри, кто истинно перед тобой!

Второму послышалось совсем другое, будто его должница солдатка Анисья ответила обычным отказом. Приблизился к дьячку вплотную и рванул, что было силы за полу новехонькой рясы. Та затрещала, разорванная надвое.

Дьячка считали человеком примерной благочестивости и потому по совместительству предложили должность учителя в словесной школе, только что открытой при Барнаульском сереброплавильном заводе. Правда, дьячок не был лишен слабостей человеческих. Как и Мартын Второй, хмельного не чурался. Но, в отличие от канцеляриста, пил умело, тайком не только от посторонних людей, но и от жены своей. Жена всегда первой ложилась спать. Как только ее мелодичные всхрапывания оглашали спальню, дьячок не спеша и со смаком выпивал положенное количество хмельного и туго набитым мешком валился под бок подруги... Как ни таился дьячок, а смутный слух о его слабости сдержанно полз по посаду.

На другое утро протрезвевшего Второго отменно отругала жена и без промедления погнала с повинной к дьячку. Тот много дней строил обиженное лицо, давал понять, что склонен жаловаться по светской «команде». Не один штоф водки перетаскал канцелярист, прежде чем дьячок наконец пообещал, что «предаст прочному забвению» обиду свою. Неужели все-таки пожаловался? Самому Христиани, каналья?

Мартын виновато топтался на месте, уводя в сторону глаза. Но напуганный грозным молчанием Христиани и сообразив, что шила в мешке все равно не утаишь, решился на полупризнание:

— Грешен, ваше высокородие-с... Хмельного лишку воспринял-с, от того на другой день руки достоверно плясали-с... В остальные дни был слух, и письмо получилось ровное... сами изволите видеть-с...

— Где ровный! Всякий строк туды-сюды ходил! Зачем начальству вraith, что один день пиль? А? Надо писайт, как гиттеншрейбер Ползуноф! Поняль?

Христиани устало плюхнулся в кресло и тотчас низко склонился над столом. В его руках бешено забегало, визгливо заскрипело гусиное перо. Спотыкаясь о шероховатую бумагу, оно сеяло по сторонам мелкий чернильный дождь. Кончив писать, Христиани откинулся на высокую спинку кресла, несколько минут сидел со смеженными веками глаз. Он старался мысленно отвлечь себя от происходившего, чтобы ослабить охватившее его возбуждение. Постепенно лицо Христиани обрело обычное выражение холодной непроницаемости. Глаза потухли, но их неподвижный взгляд для Второго казался тяжелее свинцовой глыбы. К Христиани вернулся дар размеренной и подчеркнуто правильной русской речи, обычно свойственной иностранцам. Он позвонил колокольчиком, сухо отчеканил вошедшему:

— Капрал Беликов, вот ордер!.. В нем предписано наказать сего канцеляриста перед началом службы при стечении всей канцелярской братии и в назидание ей. Пятьдесят плетей и под барабанный бой воинской команды...

Второй стойко перенес наказание. Не решал, не извивался под плетью, как уж на огне. Лишь на последних ударах накоротко лишился сознания. Шаткой походкой добрал до дому. Жена встретила молча, без угрожающе поднятых кулаков. Долго скребла ножом чистую холстину. Потом мягкой, как лебяжий пух, холщовой струганиной присыпала кровавые рубцы, изрезавшие спину мужа. Второй не призвал, как другие, на помощь заводского лекаря, на другой день вышел на службу.

Саднящую боль в подсыхающих рубцах переносил при посторонних людях без видимых признаков на лице. Боль эту глушила горькая обида, которая каленой иглой пронзила все существо Второго.

Ему, канцеляристу по восьмому году, еще до приезда на Барнаульский завод с Урала не раз доводилось сочинять челобитные в сенат, различные бумаги на высочайшее государево имя. С гордостью за себя Второй мысленно рассуждал: «Документы те может написать лишь искусный сочинитель, как гласит указ, равно знающий язык, логику и законодательство, постигший искусство каллиграфии. В слогех тех документов должны сочетаться ясность, простота и чистота. Только так и не иначе! А высочайший титул? В его написании боже упаси от каких-либо погрешностей и неисправностей! Перед прочими словами титул непременно выделяется крупными, отменными буквами...»

И вот в пример искушенному канцеляристу начальство ставит какого-то гиттеншрейбера Ползунова, совсем юнца в службе. Мыслимо ли такое! В душе Второго рядом с обидой на начальство рождалось чувство безрассудного озлобления на Ползунова. И чем больше времени проходило после наказания, тем сильнее охватывало Второго это злое чувство.

«Выпадет случай, под девятое ребро поддену Ползунова. Узнает, кто такой Мартын Второй! В глазах начальства не посрамлю своего доброго имени».

Из Кузнецкой воеводской канцелярии за три дня до праздника Троицы возвратился

Илья Хлопин. Он привез важные бумаги от воеводы на имя Беэра, секретные сводки, из походной канцелярии генерал-майора Киндермана о движении неприятеля у границ Колывано-Воскресенской округи. Войска Киндермана несли гарнизонную службу вдоль укрепленных пограничных линий.

Служивую братию интересовали не бумаги, а содержимое обоза.

— Кое-что есть и для нас, — утешал Хлопин, — к примеру, сукно казенное на новую обмундировку, провиант — крупы разные, сапоги топленое баранье и говяжье, бумага простая и гербовая, чернила стойкие.

Мартын Второй слушал безразлично, с кислым, разочарованным лицом.

— Ай не по душе известие? Не рад, что расстанешься с дырами на кафтане и портах!

— Поговорить бы наедине с тобой, Илья! Душу излить бы!

Когда оказались с глазу на глаз за рудным сараем, Мартын молчаливо и поспешно сорвал со спины одежду. Изумленный Хлопин увидел глубокие и рваные, иссиня-багровые шрамы, густо искрестившие кожу. Местами на шрамах трепетали тонкие белые волокна, напоминавшие только что проклюнувшееся, нежное птичье оперение.

— Видишь? Любуйся, пока глаза не притомятся! Из-за тебя пятьдесят плетей схватил!

— Ой, что-то не то! Ври, ври, Мартын, да через край не переваливай!

— Нет резону врать мне! Кто должен выправлять бумаги в кабинет ея величества? Ты! А пришлось мне!

Краткая летопись Барнаула

По инициативе П. К. Фролова были открыты любительский театр (1829 г.) метеостанция (1833 г.), картинная галерея, расширена заводская библиотека. Он многое сделал для улучшения постановки преподавания в горном училище, старейшем среднем техническом учебном заведении Сибири, основанном в 1779 г. (с 1897 г. — реальное училище).

В 1823 г. сыном барнаульского мастерового П. Г. Ярославцевым была построена первая в Сибири бумажная фабрика.

В 1829 г. начала работу первая типография, печатавшая бланки документов, отчеты.

Широкую известность приобрела разносторонняя деятельность С. И. Гуляева (1803—1888 гг.), краеведа, историка, этнографа, «живой энциклопедии» Алтая. Уроженец Локтевского завода, он после окончания барнаульского горного училища жил и работал в Петербурге, с 1859 г. — в Барнауле. Он открыл способ окраски овчин в черный цвет, нашедший самое широкое применение, первый вырастил яблоко в Сибири, основал курорт в Белокурихе. С. И. Гуляев — автор многих работ по истории Алтая.

В Барнауле жили и работали изобретатель русского булата П. П. Аносов, известные ученые Г. И. Спасский, В. В. Радлов, П. И. Шангин, Э. Г. Лаксман. Здесь родился и окончил горное училище И. А. Кузнецкий (1847—1876 гг.), первый писатель Алтая.

— И что же с того?

— А вот то, что на ту пору оказался я захмеленным. Сам знаешь, каким получается письмо, когда пальцы трясью одержимы.

Все тело Хлопина задергалось от громкого смеха.

— И развеселил же ты меня, Мартынушка! Значит, говоришь, оказался захмеленным, а вина моя?.. Да, давненько не смеялся я так от души! Вот уж спасибо тебе превеликое!

Едва уняв смех, Хлопин смахнул с ресниц нависшие крупные слезы. Построжевший до появления морщинок на лице, увразумил забулдыжного сослуживца спокойными словами:

— Самый глупый человек обзовет тебя дураком, что в вину ставишь мне наказание. Лучше сознался бы, что хмельного жаждешь испить. Ради того и на меня ястребом налетел, окольный разговор затеял.

Перейдя на дразнящий полусшепот, Хлопин сообщил весточку, от которой лицо Мартына стало возбужденно радостным:

— По секрету скажу — в Кузнецке по самой низкой цене и в достатке прикупил хмельного.

— Чего ради раньше молчал, душу изводил?

— Не обо всем сразу, Мартынушка.

— Угости самую малость, не томи!

— Обязательно, Мартынушка, только не сейчас. Приходи в день моего тезоименитства — гостем будешь!

— Это через два месяца-то? Можно дважды подохнуть и воскреснуть! Уважил! Спасибо за угощение и бывай здоров!

В Ильин день погромыхивал гром. Илья-пророк, развезжая на небесной колеснице, к тому же еще кропил землю холодным убористым дождем. Как бы напоминал, что после этого дня тепло пойдет на спад, похолодает вода в реках. Ничего не скажешь — заботливый пророк. Особенно для тех людей, у кого лень велика или память коротка. Временами небо очищалось от туч, украшалось полукругами цветастых радуг. Щедро светило солнце. Игра цветов и света придавала небу праздничный, торжественный вид. От земли исходили густые терпкие запахи испарений.

Торжество царило и в деревянных стенах тесного домика Хлопина, выплескивалось наружу через открытые настежь окна. За двумя небольшими столами, сдвинутыми вместе, плотно, утиной стайкой жались друг к другу гости. Мужья с женами сидели по одну сторону стола, по другую — мужчины холостые или пришедшие одиночно. На почетном месте, в вершине стола, восседал священник первоапостольной церкви Петра и Павла отец

Василий Комаров. Угощались на господский «манер» — из жбанов, стоявших на столе, каждый наливал себе и пил, сколько душа просила. Гости, охочие до хмельного, развязали языки через считанные минуты. Те, что повоздержаннее, поскромнее, напротив, сохраняли трезвость. Мартын Второй захлебывался в пьяном бахвальстве:

— Первый гость — я! А почему? Да потому, что из великого уважения ко мне Илья Хлопин пригласил на тезоименитство, когда приехал из Кузнецка, не успев с сапог сбить пыли. От того и первый!

Жена больно ткнула Мартына кулаком в бок, выразительно прошипела на ухо:

— Замолчи, пустозвон окаянный! Нешто спина про плети забыла?

Мартын пересел на мужскую сторону. Здесь верховодил Яков Беэр, успевший изрядно выпить.

— С прибылью, господа! Сам Мартын переметнулся к нам, не убоившись жены своей! За это, Мартынушка, по расписной кружечке! По полненькой, до краешков!

Мартын вместо одной осушил подряд две кружки. Яков плутовато подмигнул застолью...

Ползунов сидел сбоку отца Василия Комарова и вел с ним сдержанную трезвую беседу. Священник, человек начитанный и просвещенный, пил разумно, и ему пришлось по душе полное воздержание Ползунова.

— Редким качеством души обладаешь, сын мой. Береги его, это сокровище! Дела такого человека богу угодны и тройне успешны.

Незаметно к ним подсел Мартын, исподтишка принялся теснить туловищем Ползунова. Тот непонятно смотрел на нового соседа.

— Чего кисейничаешь? Ай не по твоим устам такое хмельное, что на этом столе? Перестоявшего хранцузского ему, господа, тогда испил бы!

Отец Василий видел, как мрачнело лицо Ползунова. Словами, жестом поспешил унять обидчика.

— Бог дал людям един образ, а души разные. Доброе души начало не достойно осуждения. На другое место сядь, Мартын!

Тот послушался, но за противоположным концом стола внезапно прилип к Якову Беэру. Снова выпив одну за другой две кружки медового зелья, Мартын оказался на самой высшей точке опьянения и утратил власть над своими словами и поступками.

— И до че-е-го же про-о-тивная го-о-олштинская ро-о-жа!

Яков вытолкнул Мартына из-за стола к выходным дверям. Мартын занес над ним крепкий, увесистый кулак, обильно смоченный слюной.

Бесшумно, тенью, Ползунов легко метнулся на выручку Якову, вовремя отстранил в сторону. На какой-то миг прозревший Мартын не то с торжеством, не то со злорадством прорычал:

— А-а, это ты-ы! По-о-олу-у-учи! дол-жо-о-ок!

Широкий замах придавал силу кулаку. Ползунов стремительно приклонился. Кулак просвистел вхолостую. Мартын не устоял, рухнул на пол. С треском рванул на себе ворот новой, расшитой по приполюку рубахи. Заревел истошно-визгливо, как перед казнью:

— На-а! Ко-о-ончай!

Побледневший, но со спокойным лицом Ползунов медленно, с холодным металлическим отзвуком сказал:

— Лежачего, а пуще того пьяного, бить омерзительно!

По царским повелениям на поселение при Барнаульском сереброплавильном заводе согнали люд из Тобольска, Иркутска, Кузнецка и других сибирских городов. Такое делалось ради прибавки заводских работников и защитников крепости в случае нападения неприятеля. В память о насиженных местах новоселы в Барнаульском посаде рубили улицы: Тобольскую, Кузнецкую, Иркутскую и другие. Генерал Безр и его помощники с самого начала во всем заводились строгостью и военные порядки. Замечалось это и в облике возникавших улиц. Дома вдоль них выстраивались, как солдаты в безупречной шеренге. Улицы получались такие прямехонькие, что с начала в конец пройдешь с закрытыми глазами. И не-

двусмысленно улицы здесь именовали линиями.

В те дни тишину над посадом ломало немолчное оживление: стук топоров, кромсавших дерево, громкая перебранка. Не слышалось лишь смеха: новоселы приезжали не по своей воле, через великую неохоту. От терпких, щекочущих ноздри запахов сосновой щепы, дегтя и смолы, свежих красок и перележалого мха жижел стойкий смрад, который в избытке изрыгали обжигательные и плавильные печи завода.

Приезжие шарахались от заводской работы, как от чумы. Не останавливались ни перед какими жертвами, чтобы причислиться к торговому или ремесленному сословию. Добившись своего, выполняли разные побочные повинности, вдвойне, втройне выше против обычного. Горнозаводское начальство, имея от этого выгоды, все в больших количествах приписывало к заводам и рудникам и заставляло выполнять многие работы новые партии крестьян. Чаще всего крестьяне за сотни верст возили руды на плавильные заводы. Нередко в обширном дворе Барнаульского завода скапливались сотни крестьянских телег. На каждой из них — прочный ящик из толстых досок с высокими стенками. Одна — выдвижная для облегчения разгрузки.

В ящик помещалось двадцать пять пудов сереброзолотосодержащей руды. Часами толкались, судачили крестьяне, пока не подходила очередь взвешивания и ссыпки руды в отведенные сараи или кучи под открытым небом.

Летом Ползунов открывал окно гиттеншрейберской. Тяжелый, промозглый воздух

Краткая летопись Барнаула

5. СТО ЛЕТ НАЗАД

С 1854 г. началось пароводное сообщение между Барнаулом, Томском, Тюменью. В 1867 г. открыт телеграф.

В 1877 г. состоялись первые выборы в городскую думу. Из 13 тысяч населения избирательное право имели 1370 человек, приняли участие в выборах — 91. Гласными думы были избраны 26 чиновников, 19 купцов, 15 именитых мещан, один священник и 10 «прочих».

В 1884 г., по инициативе ссыльного народника В. К. Штильке, было создано «Общество попечения о начальном образовании». На собранные средства Общество построило две школы, Народный дом (1900 г.), открыло библиотеку.

Кроме заводского госпиталя на 45 коек, в городе имелась лишь одна больница на 10 коек, но без врача.

В 1889 г. в Барнауле было всего 8 школ, в которых обучалось 790 детей. В 1891 г. возникло «Общество любителей исследования Алтая». [В 1902 г. вошло в состав Русского Географического общества.]

становился мало легче или свежее. Под самым окном по земле, густо черной от рудной и шлаковой пыли, зелеными плешинами раскидались лужи застойной воды. Они остались от спуска паводковых вод по отводным каналам, издавали гнилостные зловония и становились особенно нетерпимыми, когда через лужи проезжали на телегах. С илистого дна на помутневшую поверхность луж густо высыпали крупные, с конский глаз пузыри и лопались со звоном бьющегося тонкого стекла.

Через окно гиттеншрейберской просачивался внешний мир с его тревогами, заботами и раздумьями. Ползунова захватывал этот мир, и он как бы становился его частицей.

Из сокровенных разговоров рудовозов перед невольным слушателем вставала обнаженная правда жизни, отгороженная стенами каморки, неведомая для постоянно занятого службой Ползунова. Мир этот властно звал к познанию, как «Арифметика» Магницкого или те книги, таинственные и недостижимые, которые хранились в Екатеринбургской лаборатории.

Кто-то густым, слежавшимся басом неторопливо и размеренно обсказывал свою незадачливую жизнь.

— Еще на Демидова приходилось мне работать. Матушка-государыня построже самого Демидова и работы поболее требует, потому как она единый и всемогущий повелитель рабам своим. Со Змеева рудника до Барнаульского завода двести пятьдесят верст. Опояшешь этаких концов десять-пятнадцать и забудешь, как ворота в свой двор открываются. О родных, а пуще всего о пашне, тоска едучая гложет. От заводской работы времечко свободное выпадет, так енту пашню, как зазнобу, холишь и лелеешь, ни дня ни ночи не замечаючи. Душу и силу выложить не успеешь, как снова старшины на работу кличут. Тоскует земля по хозяину, сором зарастает.

Ползунов, крадучись, словно боясь спугнуть сторожкую птицу, подошел к окну. Глянул одним глазом и несказанно удивился. Басил вовсе не здоровенный детина с грудью колесом, а низкорослый, сухостойный мужичонка. Поразила Ползунова и борода, которая расплескалась по груди мужика буйным огненным сполохом и змеилась по животу тугими, как заплетенные косы, прядями. Меднобородого перебил другой мужик, порослее и поосанистее:

— Вам, ереснинским мужикам, заводская работа способнее. От Барнаульского завода деревня Ересная на полвзгляда стоит и на самом Змеевом тракту находится. Я же жительство имею в деревне Запльвиной Чумышской слободы. За Обью рекой это. Почитай,

не один день в телеге трясешься, пока до Барнаульского завода дотарахтишь.

Меднобородый пустил шутку, явно неудавшуюся:

— От той тряски кишка не выпадет!

— А я и не говорю о том. Времечко дорого, мил-человек. У меня его нехватка — в раскольничьем окладе нахожусь. То понимать надобно!

Ползунов знал, что за каждого крестьянина, приписанного к рудникам и заводам, горнозаводское начальство вносило в государственную казну подушную подать, или оклад, — один рубль десять копеек в год. За это крестьянин отработывал на рудниках и заводах по плакатным или установленным начальством и намного заниженным расценкам. Отработывать приходилось в несколько раз больше полагавшегося.

Меднобородый запальчиво, но резонно советовал собеседнику:

— Клади крест по-людски, не двумя, а тремя перстами — работа наполовину полегчает.

«Намекает на то, что раскольники против других крестьян двойной подушной оклад отработывают», — подумал Ползунов и, высунувшись в окно, шутливо бросил меднобородому:

— Видать, не изработался, коли шустрый на язык!

— Работаем, как можем, господин писарь. От других не отстаем. Где силы не хватает, смекалку на помощь кличем! А язык, он без костей, мелет то, чем голова больна.

Меднобородый тотчас метнулся за плотно составленные ящики, где уже успели скрыться его собеседники, спугнутые Ползуновым. Чувство обиды охватило Ползунова. Чураются, словно нехристи какой! А ведь так хотелось откровенно поговорить.

«Может, в их поведении есть свой резон. Знают, что мои разговоры ничего не изменят в их положении и потому считают их излишним пустословием. А может, и так думают: вывернешь душу перед служивым и до беды недалеко, если начальству ябеду принесет...»

Весь остаток дня Ползунов хранил молчаливую сосредоточенность.

— О чем-то думаешь? — спросил Яков Бэр, но так и не дождался ответа.

Лишь поздним вечером, когда наступил спад в записях, Ползунов заговорил:

— Пользовался слухом, что при Демидове руды сплавляли по Оби и Чарышу. Разумная затея. Как полагаешь, Яков?

— А тебе не все равно — записывать в приход руды, доставленные по воде или сухопутью?

— Не о том я, Яков. Заводской двор всегда забит телегами рудовозов. Ежели водой сплавлять руды, кое-какое облегчение крестьянам выйdet.

Неожиданно и беспричинно для Ползунова Яков залился продолжительным смехом.

Потом беззлобно, с легким упреком пояснил:

— Смышленный ты, Иван, а с причудой. Если водой руду доставлять, то все равно крестьяне не будут сидеть праздно. По горло их насытят другой работой. Заставят больше дров ставить в лесосеках, уголь жечь, возить. Да мало ли чего!

— Пожалуй, ты прав, — согласился Ползунов. — А вот если о другом подумать...

— О чем же?

— Скажем, о надежных запасах руд для заводского действия.

— А! Брось голову толкать не в свой хомут! Для того есть начальство.

Безучастность Якова не вытравивала мыслей Ползунова о водных перевозках.

В гульные дни Ползунов стал чаще бывать в доме Ильи Хлопина. Здесь нравилось все: приветливость и задушевность хозяина и его жены Евдокии, с которыми они встречали гостя, щебетанье их трехлетнего сынишки Мишутки, опрятность и полная чистота внутри домика.

Незаметно и Хлопины привыкли к Ползунову. Им пришлось по душе, что в госте уживались строгая рассудительность с открытостью, сдержанность в чувствах с непосредственностью. Запал в душу молодых супругов и благородный поступок Ползунова касательно Якова Безра в день именин.

Шло время, и Ползунов становился необходимым в доме Хлопиных. Его отсутствие, когда на то не было причин, сказывалось на настроении супругов. Даже Мишутка как-то умолкал, делался не по годам сдержаннее и строже. Однажды Ползунов не пришел в воскресенье на рыбный завтрак к Хлопиным. Илья, устав заглядывать в окно, отодвинул пищу и решительно сказал:

— Не хочется что-то, мать, уברי.

— И мне тоже...

Ползунов все же пришел, но намного позже, возбужденный и радостный.

— Подумайте только! Живу у маркиганта Прихожева и лишь сегодня узнал, что у него дочь-красавица.

— Так вот почему задержка вышла! А мы уж решили...

Супруги оживились. Илья скомандовал жене:

— Подавай, мать, на стол! С голоду умираю!

Постепенно разговор вошел в обычное спокойное русло. Ползунов упомянул о перевозке руд по рекам. Хлопин после короткого и молчаливого раздумья сказал:

— При разборе архива, переданного приказчиками Демидова канцелярии, я встречал бумагу, в которой упоминалось о том.

Ползунов порывисто вскочил. Известие взволновало его.

— Что же там сказывалось?

— Помню в точности, что в том упоминании не названы ни место на Чарыше, куда свозили руды, ни деревни, через которые проходил путь рудников.

— Нда-а... Это хуже.

Краткая летопись Барнаула

1 мая 1893 г. Барнаульский сереброплавильный завод был закрыт. После крестьянской реформы 1861 г. горнозаводская промышленность Алтая, лишившись даровой рабочей силы, стала убыточной.

Город стал заурядным уездным центром. Главными отраслями промышленности в нем было пимокатное и овчинно-шубное производство. Шубы «барнаулки», окрашенные в черный цвет по способу, изобретенному С. И. Гуляевым, спавились по всей России. Многочисленные свечные, мыловаренные, веревочные заводы были, по существу, карликовыми кустарными мастерскими, где царили грязь, теснота, антисанитария. Рабочий день повсюду продолжался 14—16 часов.

В 1895 г. стала издаваться первая газета «Ежедневные телеграммы Российского Телеграфного Агентства». Газета имела 120 подписчиков.

С 1896 г., с прокладкой Сибирской железной дороги до станции Обь (современный Новосибирск), алтайские хлеб и масло пошли не только в Европейскую Россию, но и за границу.

К тому времени в городе не было ни одной улицы с твердым покрытием. Его в насмешку называли «Пескопыльск».

Уловив спад в голосе Ползунова, Хлопин поддержал обнадеживающе:

— Добуду у геодезиста Пимена Старцева чертеж Колывано-Воскресенским рудникам и заводам. Может, что и прояснится...

Обещание Хлопин сдержал, но на чертеже не оказалось обозначенной рудовозной дороги. Ползунов на всякий случай снял с него копию, которую постоянно и пристально изучал в минуты короткого отдыха.

— Ползаешь ты, Иван, по чертежу, как червяк на солнцепеке! И ни к чему! Поберег бы мозги для более полезных размышлений!

Ползунов никак не отзывался на насмешливые замечания Якова Беэра. Того начинало задевать за живое. Раз Яков не выдержал и попытался образумить Ползунова угрозой:

— Ты думаешь, Христиани скажет спасибо, увидев на столе этот планшет? Ошибаешься! Наперво скажет, что сие к твоей службе не принадлежит. Потом прикажет сдать планшет в канцелярию, а геодезисту какое-либо поучение, а может, и наказание устроит. Невинного человека под удар поставишь. Понял?

Ползунов свернул чертеж и вышел во двор. Уже в дверях бросил Якову:

— В твоём предупреждении много правды. И все же я не отступлю...

Во дворе скопище телег. Рудовозы, ссыпавшие руду и получившие о том отметки в специальных бумагах-ярлыках, оказались не в состоянии выехать из ворот, потому что снаружи напирала подвода с рудой, которых становилось с каждой минутой больше. Ползунов шел без видимого внимания к крикам, перебранке и разговорам рудовозов, выскивая кого-то глазами. В прошлый раз через мужиков ему удалось узнать имя меднобородого рудовоза. «Увидеть бы его да поговорить. Наверняка про многое расскажет. Только бы на разговор вызвать. Не спугнуть, как тогда».

Меднобородый оказался среди тех, которые еще не ссыпали руду.

— Здорово, Ларион!

Меднобородый ответил басовитой скороговоркой:

— Был Ларион, да теперь не он, господин писарь! Считай, что встретил Лариона Михайлова сына Тупицына! Чем могу служить?

Развязный, полунасмешливый тон меднобородого неожиданно сменился просящим полупешотом:

— Помог бы, барин, побыстрее руду сдать. Тут сутки лишние проторчишь, а ить у меня баба, робятенки в Ересной.. Сам знаешь, дело крестьянское...

Ползунов провел Лариона через крепостные ворота, благо караулом в этот день командовал знакомый капрал Беликов.

— Ох, и уважил ты мне, господин барин-писарь! Торчать бы мне у заводских ворот до утра, а то и долее! Вот ить как иногда получается — в первый раз встретишь человека, а во второй — выгоду поймешь!

Ползунов понял, что для расспросов сейчас самый подходящий момент.

— Сказал бы, Ларион, не случилось ли тебе при Демидове руды с Колывани или Змеевой горы возить на Чарыш и какой дорогой?

У Лариона сразу заметно построжало лицо, поубавился восторг. Не так быстр и охоч стал на слово.

— Бывало такое. Дорога тогда одна была. Сейчас, может, лучшая и покорооче сыскалась. О том не ведаю.

— А ты помнишь ту дорогу?

— Как же ее забыть-то! Дважды на ней мой воз опрокидывался. Однажды сам чуть под телегу не угодил. В другой раз — во какую память оставила та дорога.

Ларион показал широкую расплюснутую ладонь левой руки. От незаживающей стойкой красноты она казалась только что подогретой на жарком огне.

— Вот так-то... А дорога шла через пустынные места. Встречались каменные распадки, леса пихтовые, густые, как волос на голове юнца, безлесные увалы, степь. Приводила дорога на берег Чарыша почти у самой деревни Тугозвоновой. До нее от Змеевой горы, если измерять, то эдак восемь-девять десятков верст набегит. Более сказать нечего — разговор пошел бы вслепую...

В гиттеншрейберской на разостланном чертеже пролегли новые жирные линии — самые короткие предполагаемые дороги от рудных мест до излучины Чарыша. Ползунов допускал мысль, что в иных местах неудобства заставят искать объезды, что от того дорога будет круто изгибаться или петлять. С учетом всех допусков Ползунов тщательно вымерил на чертеже дорогу и с удивлением воскликнул:

— Какой мудрец Ларион! Вроде бы с аршином прошел дорогу. От Змеевой горы до Чарыша ровно восемьдесят пять верст!

Недоумевающий Яков Беэр только пожал плечами. Про себя же подумал: «С рек на сухопутье потянуло Ивана. Беспокойная душа! Все чего-то ищет, жизнь себе укорачивает...»

Еще в детстве Ползунов приучился вставать с постели раным-рано. Привычку эту настойчиво прививала мать. Позже, уже оторванный от семьи, Ползунов в мыслях неоднократно благодарил мать за приобретенную

привычку. В школе он успевал выполнить все домашние задания до начала занятий. Причем с первого же раза, без нудных повторов. Сверстники все вечера корпели за уроками, Ползунов же занимался свободным чтением или уходил за заводской посад на ребячьи игрища. На постое у Прихожева Ползунов не изменял своей непоколебимой привычке. Летом в ранние часы вместе с первыми и робкими лучами солнца приходил на берег Оби, купался. Возбодренный свежестью воды, домой возвращался не с пустыми руками. То нес тяжелую намокшую жердину, выловленную в реке, то охапку свежего тальникового хворосту. Все это было кстати для починки обмазанных глиной хлебов, в которых Прихожев временно содержал закупленный скот.

Прихожев, что ни день, все больше восхищался постояльцем и не тайл того в разговорах с собеседниками.

— Большая дорога ждет в жизни господина Ползунова. Молод он, а уж трудолюбив, а уж беспокоем! До всего у него дело есть. Никакой работы не гнушается. И справляет ее от всей души, а не ради корысти. Я вроде не из лежебоков, но почистой скажу, что пристрастие и вкус к делу лишь обрел с годами.

Любил Прихожев украдкой наблюдать за работой Ползунова. Нравилось ему, как в цепких руках играл топор, как при каждом

взмахе пружинисто сгибалась и разгибалась спина, а потом с сухим треском в стороны отлетали поленья. У Ползунова сложение не из богатырских. Скроен, пожалуй, не в меру экономно, но в каждом движении строгая четкость, которую Прихожев считал признаком недюжинной силы, физической и духовной. Однажды молчаливое восхищение постояльцем у Прихожева прорвалась наружу. С ноткой проникновенного участия в голосе, по-отечески наставительно пожурил Ползунова:

— Извиняй, добрый барин, что нос свой сую в твои дела и на «ты» все говорю. Оправдание тому — годы мои. Под пятьдесят подкатило. Гляжу неотрывно на тебя и подмечаю постоянно, что больно ты прыток во всякой работе. Хорошо это, только жизнь у тебя вся впереди. При твоём рвении не дай бог прежде времени сломаться. Поберегся бы малость!

Ползунов на минуту оторвался от работы, молча улыбнулся. Участие Прихожева льстило и, еще больше, удивило. Прихожев считал свое отношение к Ползунову вполне порядочным. Каждое полезное для себя действие Ползунова не оставлял безответным: то кусок свежего мяса, то туес меда бесплатно предложит. Ползунов с упорством отказывался и тем всегда побеждал назойливость Прихожева, смутно полагая, что пружиной, приводящей в непрерывное действие Прихожева, его отно-

Краткая летопись Барнаула

6. НА ЗАРЕ ВЕКА

Волна первой русской революции докатилась и до далекого Барнаула.

В июне 1905 г. социал-демократы города объединились в группу, подчиненную Томскому комитету РСДРП.

В начале января 1906 г. группу возглавил посланец Сибирского Союзного комитета РСДРП большевик-ленинец, томский студент-технолог А. М. Маслов (позже — делегат V [Лондонского] съезда РСДРП). С его прибытием значительно оживилась партийная и революционная работа. Были созданы группы: пропагандистская, военная, крестьянская, распространительная и др.

В июне 1906 г. группа была преобразована в комитет. В нем насчитывалось свыше ста членов.

10 октября 1909 г. вышел первый номер нелегальной большевистской газеты «Голос из подполья».

В 1909 г. и марте 1910 г. Барнаульский комитет был дважды разгромлен полицией.

В 1911 г. вновь возродилась подпольная организация, общая с меньшевиками. В ней было крепкое большевистское ядро (М. А. Ярков, Н. В. Третьяков, Ф. Д. Ильиных, А. А. Селезнев, Т. А. Фофанов).

В августе 1912 г. в состав комитета был кооптирован бежавший из нарымской ссылки И. В. Присягин, член РСДРП с 1904 г., ученик ленинской школы в Лонжюмо под Парижем.

30 августа 1915 г. началось железнодорожное сообщение между Новониколаевском и Бийском.

В 1916 г. закончено строительство железнодорожного моста через Обь.

В 1917 г. население Барнаула составляло 56007 человек, грамотных — 31 процент.

A521
кр

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Год издания XXXII
№ 2 (92) 1980

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Петр БОРОДКИН. Ползунов. Картины из жизни великого барнаульца . . . 7
Василий ГРИШАЕВ. Тетя Тоня, мать беспризорных детей. Рассказ архивиста 63

ПОЭЗИЯ

- Геннадий ПАНОВ. Первопроходцы. Поэма в сказах 58
Владимир БАШУНОВ. Железный поезд мчит, не уставая... Стихи 72

ОЧЕРКИ, ПУБЛИЦИСТИКА

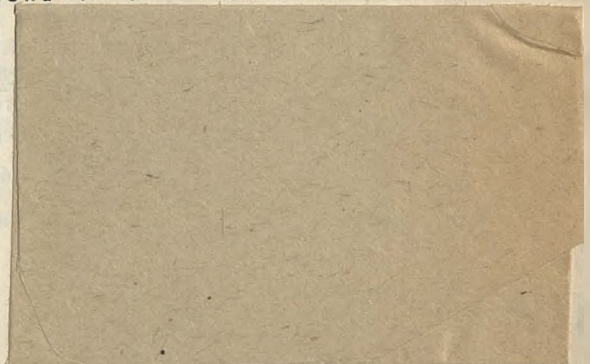
- Взгляд в будущее. Беседа с первым секретарем Барнаульского горкома КПСС
М. М. Сидоровым 3
Николай ИЛЬИЧЕВ. Корабелы 75
Краткая летопись Барнаула 11

КРИТИКА

- Сергей СЕРГЕЕВ. «И недуг сердца заживет...» 82

ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

- Василий НЕЧУНАЕВ. Ходики-часы. Сказка 87

шение с людьми определяла выгода, а не добрые порывы души. Прихожев тешил себя мыслью, что Ползунов питает к нему безграничное уважение и потому делает приятное и полезное для него, а не для кого-либо другого.

Дом Прихожева стоял на заболоченной низине на левом берегу речки Барнаул. Место, не раз проклятое рудовозами, ямщиками, бревновозами, всеми, кто доставлял грузы на лошадях. Стоило капнуть дождю, и дорога тотчас раскисала, колеса груженых телег проваливались по ступицы.

Ползунов услышал надрывную матерную брань. Глянул в окно и увидел длинный безжизненный обоз. В его голове мужики отчаянно хлестали бичами лошадей. Та в стремлении вытащить воз чуть не выпрыгивала из оглобель и всякий раз беспомощно падала на брюхо. Объезда не было, и обоз становился длиннее с каждой минутой, а брань мужиков все отборнее.

Ползунов вышел на дорогу. Увидев на нем казенную одежду, мужики стихли.

— Чего ради глотки дерете, матерей тревожите! А ну, марш во двор, несите жердину и толстый сутунок! Да живо! Хвостот собирайте!

Ползунов несколько раз обошел воз, как бы примеряясь к чему-то.

Мужики смотрели с молчаливым затаенным выжиданием.

— Сутунок кладите сзади воза. Жердину подкладывайте под задок телеги. Вот сюда!

Затем Ползунов приказал мужикам давить на длинное плечо образовавшегося рычага. С чмоканьем и хлопаньем медленно освободились колеса из плена.

— Так! Простейшая механика... А теперь хвостот бросайте под колеса и трамбуйте плотно...

Когда обоз тронулся, мужики поочередно подходили к Ползунову, неуклюже благодарили, кланялись.

— Спасибо, добрый человек!

Во дворе встретился Прихожев, посмотрел на постояльца, густо измазанного грязью, и заговорил приглушенно, с укоризной в голосе:

— Не годится этак, барин добрый. На всех себя не поделишь!

В этот раз Прихожев понял, что постоялец готов сделать доброе каждому, кто в том испытывает нужду.

Несколько дней в обращении с постояльцем он был сдержаннее, чем прежде. Приветствовал немногословно, без обычных прибауток, с холодком:

— День добрый, барин...

Трубы Барнаульского завода денно и нощно изрыгали дым и смрад плавильных и обжигательных печей. В посаде невпродых от удушливых мышьяковистых испарений. Прежде времени умирала листва на деревьях. Поблекшая и иссохшая, она скручивалась в тугие завитки, устилала землю. Стойкие сосны по краям посада и те сдавали. Хвоя наливалась восковой желтизной, со звоном осыпалась с ветвей.

Солдатская и мастеровская слобода раскинулась в подветренной стороне завода. Самые слабые ветры, помимо ядовитого удушья, заносили сюда облака копоти зловеще черного окраса. Слободчане плотно, комар носу не подточит, задраивали окна и двери. И все же от пагубного не спасались. Кашель, сухой и лающий, приключался с каждым, кто поселился в слободе на самое малое время. Но к кашлю привыкали. С ним как-то мирились. К одной беде прибавлялась другая. Кожу на теле людей, особенно на руках, изъедали вредные испарения, появлялись мелкие точечные язвочки и страшный зуд, не утихающий ни днем ни ночью. Академик Паллас, посетивший Барнаульский завод, писал, что в те времена чесотка была настоящим бичем слободских жителей.

День ото дня заводские трубы дымили гуще, вроде вконец хотели известить слободчан. Из царского кабинета, что ни нарочный, то новые настоятельные предписания о «приумножении» выплавки драгоценных металлов. Под ними неизменно стояла размашистая и устрашающая подпись самого главноуправляющего кабинетом — барона Ивана Антоновича Черкасова.

— Ваши соображения, господин ассессор, на этот счет?

Неожиданный и жесткий вопрос генерала Беэра не застал врасплох Христиани.

— Умножение выплавки серебра и иных металлов, ваше превосходительство, возможно лишь при надежных запасах руд в заводских сараях.

— Вот именно, господин ассессор! При надежных-с! Над этим надобно задуматься. И очень серьезно. Руд на местах добычи сотни тысяч пудов скапливается, при заводе же их достает не больше, чем на месячную проплавку. Были случаи вынужденного бездействия плавильных печей. Не вам объяснять, какие от того убытки ея императорскому величеству. Не так ли?

Христиани молча раскрыл кожаную папку, украшенную тиснением и массивными медными уголками. В его движениях сквозила степенность и солидность.

— Считаю необходимым настаивать перед

кабинетом ея императорского величества о дальнейшей приписке крестьян к Колывано-Воскресенским заводам и рудникам для производства различных работ и перво-наперво перевозки руд. От главного месторождения серебросодержащих руд — Змеевского — до Барнаульского завода двести пятьдесят верст. По санному пути однолошадный воз в двадцать пять пудов такое расстояние прокочет в десять дней. Для перевозки двухсотпятидесяти тысяч пудов руды одновременно потребуется десять тысяч крестьянских подвод и потратить надобно сто тысяч дней...

Генерал перебил Христиани коротким нетерпеливым жестом руки.

— Не то говорите, ассессор! В здешней округе — малолюдье. Крестьян по прошлой ревизии значится чуть больше десяти тысяч, половина приписана к рудникам и заводам. Из свободной половины имеется в наличии всего одна десятая, остальные разбрелись кто куда. Небезызвестна обширность округи. На ней могли бы разместиться без мала все немецкие государства. Иной путь надлежит искать, господин ассессор!

Беэр поднялся из кресла, потянулся. Это означало конец аудиенции.

Христиани казалось, что его предложение, заранее продуманное со всеми выкладками, самое непогрешимое и единственное приемлемое. Выходило же совсем не так. Нескольким обескураженный, не в добром расположении духа, он поздно вечером заглянул в гиттеншрейберскую, когда Ползунов и Яков Беэр уже сверстали дневные записи. На приветст-

вие ответил молчаливым кивком головы. Широкий и неторопливым жестом усадил на свои места шумно восставших на ноги. К удивлению, Христиани не потребовал записей для просмотра. Его молчание казалось загадочным и необъяснимым. Оно настораживало гиттеншрейберов и рождало тревожное ожидание. Казалось, что на смену молчанию придет опаляющая вспышка гнева. И разразись она сейчас, гиттеншрейберы не нашли бы в том ничего необычного, восприняли бы ее за должное. Но Христиани оставался в прежнем состоянии. Его невидящий взгляд долго блуждал по блеклому окну, потом скользнул по высокой бумажной стопке на столике Ползунова.

Наконец Христиани прервал тягостное молчание, изрек:

— С сего момента гиттеншрейберу Ползунову иметь надежное смотрение за рудными плавками...

Услышанное приятно ошеломило Ползунова. Мысленно он тут же переместился на плавильную фабрику. Страстно захотелось быть возле Селезня, его товарищей, видеть горячие блики истекающего металла, слышать его сочный треск в остывающих изложницах.

Христиани же продолжал размеренными, скупыми словами:

— При том смотреии стараться познать искусство плавки металла. Отвращать плавильщиков от лености и нерадения в работе. Так продолжать впредь до поправки из болезни плавильного мастера Фридриха. Половину времени по-прежнему тратить на гиттеншрейберские записи.

Краткая летопись Барнаула

7. ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

4 марта 1917 г. газета «Жизнь Алтая» опубликовала телеграмму о революционных событиях в Петрограде. В тот же день был создан «Комитет общественного спасения», представлявший блок буржуазии с соглашателями.

5 марта создан Совет рабочих депутатов, 7 марта — Совет солдатских депутатов. 11 апреля оба Совета объединились. В Барнауле, как и повсюду в России, возникло двоевластие. Вернувшиеся из ссылки и фронта большевики развернули борьбу за массы.

16 апреля Барнаульский Совет принял постановление о введении 8-часового рабочего дня, 17 апреля об установлении минимума заработной платы.

2[13] мая грандиозный пожар уничтожил 53 квартала в лучшей части города. Тысячи людей остались без крова. Дело помощи пострадавшим взял в свои руки Совет рабочих и солдатских депутатов. Это еще больше укрепило его авторитет.

5 июня большевики порвали с меньшевиками и образовали самостоятельную организацию, избрав комитет, в который вошли И. В. Присягин, М. К. Цаплин, А. А. Селезнев. В момент разрыва большевиков было 15, к началу декабря стало до 300.

Душевный восторг Ползунова поубавился. Христиани, казалось, начинал обретать свою обычную форму. Протянул руку к столику Ползунова, чтобы взять журнал записей. Яков Беэр отпрянул в сторону. Его лицо выражало испуг, будто сейчас должно произойти что-то страшное, непоправимое. Глядя на друга, Ползунов угадывал его мысли:

«Говорил же тебе, Иван, не суй носа не в свои дела. Вместо журнала раскроет сейчас Христиани лежащие рядом планшеты и не миновать беды. Съест тебя без остатка и косточки облизет!..»

Христиани непонимающе пялил глаза на раскрашенные планшеты, испещренные густыми линиями. Они были то сплошными, то прерывистыми, то черными, то цветными.

— Не вижу ничего похожего на арифметику Магницкого. Что за планшеты, откуда появились, кто так усердно и ради чего приложил к ним руку? Здесь так густо от прочерченных линий, что между не упасть ничтожного чернильному пятнышку. Я не вижу экспликаций, пояснительных записок.

Голос Христиани не выдавал недовольства или гнева. В нем скорее проскальзывала скрытая любознательность. Линии на планшетах пролегли от рудных мест на левый берег реки Чарыша, к пристани, обозначенной в виде двух крошечных судов-коломенок. Такие строились из досок, плоскодонными, мелкосидящими в воде. На широких голубых лентах — отмывках рек Чарыша и Оби — на разных расстояниях друг от друга нарисованы якоря и стрелы.

Несомненно, автор планшета указывал таким манером возможные стоянки судов, речные перекаты. Все это рождало у Христиани предположения, еще неопределенные и смутные, о возможной связи увиденного сейчас с недавним разговором у генерала Беэра.

— Может, гиттеншрейбер Ползунов объяснит, что все это значит?

Тон у Христиани не настойчивый, скорее поощрительный и дающий время на размышление для спокойного и исчерпывающего ответа. Ползунов не спеша разглядел планшеты. Разговор начал совсем не с того, что интересовало Христиани.

— Сегодня, высокородный господин ассессор, мной занесено в журнал двести записей о приеме руд. В зимнее время их число доходит до трехсот и более.

— Мне хорошо известно то...

Но Ползунов вроде бы и не заметил удивленно поднятой брови ассессора, продолжал спокойно:

— Для перевозки руд для непрерывного заводского действия задолжаются работой

тысячи крестьян — и на немалое время. Только за один оборот со Змеевского рудника на Барнаульский завод крестьянин находится в пути пятнадцать суток: десять — с грузом, пять — порожняком. А ведь число рудных перевозок крестьянам можно сократить. Еще при Демидове на Чарыше действовала пристань Перво-Чарышская, она же Карпова, что в тридцати верстах от Колывано-Воскресенского завода. Пристань на Чарыше можно устроить в более удобном и глубоководном месте, скажем, у урочища Красный Яр или у Кабановой защиты. Прежде надобно отыскать самые выгодные и кратчайшие дороги от рудных мест. Возможные из них обозначены на планшете линиями.

Поняв мысль Ползунова, Христиани пытливо уставился в планшет. Ползунов пояснил:

— В иные годы Чарыш, по свидетельству сведущих людей, изрядно мелеет. К плаванию по нему способнее всегда дощаники-коломенки. Мной усмотрена коломенка грузоподъемностью три тысячи пудов при осадке днища около полутора аршин.

Ползунов развернул лист бумаги с аккуратно вычерченной коломенкой.

— Вниз по течению от чарышских пристаней до Барнаульского завода трое суток ходу, в обратную для подъема судов бечевой потребует месяц. За навигацию можно сделать четыре ходки. Одна коломенка, выходит, доставит двенадцать тысяч пудов, двадцать — двести сорок тысяч пудов руды. Коломенка — нехитрое и дешевое суденышко. Ежегодно для пополнения флота в двадцать коломенок требуется строительство всего лишь двух новых. Перевозки руд водой намного дешевле, для них понадобится крестьян в сотни раз меньше. От того выйдет великое облегчение крестьянам и выгода заводскому ведомству. Вот здесь, высокородный господин ассессор, самые точные расчеты.

На отдельных листах безукоризненно ровные, как по линейке, строки, стройные столбы цифр. От прочитанного непрестанно менялось выражение лица Христиани. Наконец оно стало радостно-восторженным, как от желанной находки. Яков Беэр никогда ранее не видел таким Христиани.

— Не скрою, гиттеншрейбер Ползунов, годы твоего дерзания, подкрепленного строгим языком цифр, выкладками.

Теплая вспышка на лице Христиани мгновенно и непонятно почему погасла и оно вновь стало по-обычному невозмутимым, непроницаемым и холодным. Христиани заговорил так, будто сам осуждал свою недавнюю откровенность и стремился умалить только что произнесенную похвалу:

— Сие предложение содержит неопределенные и непредвиденные обстоятельства, подлежащие выяснению. Надлежит произвести и самый строгий пересчет всего, что тобой написано. Прелюбопытно знать, откуда появились у тебя эти планшеты?

— Скопированы с тех, что хранятся у геодезиста Пимена Старцева.

— Нда-с! Геодезист не волен распоряжаться планшетами без команды на то. Впрочем, то не твоя вина, гиттеншрейбер!

Христиани ушел, забрав все документы с расчетами водных перевозок. Тотчас же отозвался Яков Беэр:

— Ты подобен красному солнышку, Иван! Растопил душевный лед Христиани! Я впервые увидел в нем нормального человека с тихой улыбкой на лице. Вторая похвала Христиани — великая награда тебе! Только боюсь, как бы это по-худому не обернулось. От Христиани можно ожидать всякое...

Против опасений Якова все вроде обошлось благополучно. Пимену Старцеву никто не сделал даже легкого внушения за своеволие. Христиани, казалось, предал прочному забвению предложение Ползунова. Бывая в гиттеншрейберской, он ни разу не заговорил о том. Яков не удержался от соблазна добродушно подтрунить над Ползуновым:

— Сколько ломал голову, потратил времени — и не впрок. Вроде кому другому, а не Христиани жарко толмачил о водных перевозках. Думается мне, Иван, что начальство подчиненного ценит за кротость и прилежание, а не за умные подсказки, до сути которых само порой не доспевает. Начальство-то себя считает умным. Потому подсказки подчиненных для него, что горячий уголек на голое тело.

Ползунов молча и неопределенно пожал плечами. Поведение Христиани действительно казалось несколько странным. В душу Ползунова, как бы в согласие с Яковым, робко прокрадывалось сознание никчемности. И все же он не был уверен в правоте Якова. Сказал неопределенно:

— Судья твоим словам — время...

Иоганн Фридрих считался опытным плавильным мастером и получал от начальства соответственно повышенное жалованье. Не в пример другим соотечественникам-саксонцам Фридрих пылливо присматривался, дотошно изучал и охотно воспринимал все русское. За короткое время, глубокими ночами (иной возможности не находилось) почти в совершенстве освоил русский язык. Проходил день-другой и сослуживцы Фридриха с искренним изумлением покачивали головами — в его устах чеканнее звучали русские слова, более послушно и быстро занимали свои места в предложениях.

Из-за превратного ли понимания русского, по иной ли причине Фридрих легко приучился пить крепкую хлебную водку совсем не в саксонской манере: свободно, по-ухарски, с покрыванием. Особенно по душе пришлась обильная русская пища. От мясных и рыбных блюд разных названий и приготовлений, жирных и сытных кулебяк, кудрявых и запашистых каш, крупяных запеканок Фридрих, что ни месяц, прибавлял в полноте.

При всем своем обрусении Фридрих, однако, сохранял в характере привезенное им с родины неразумное и спесивое высокомерие. Постоянно сталкиваясь с русской простотой,

Краткая летопись Барнаула

17 июня 1917 года образовалась Алтайская губерния с центром в Барнауле.

15 августа начала выходить газета «Голос труда» (ныне «Алтайская правда»).

Начало сентября. Председателем Барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов был избран М. К. Цаплин, член РСДРП(б) с 1905 г., позже — делегат II Чрезвычайного съезда Советов.

17 сентября барнаульские большевики направили в ЦК партии телеграмму: «Большинство рабочих и солдат идет за нами. Оборонцы теряют влияние. В Совете большинство наше».

2—3 октября губернская конференция РСДРП(б) избрала губком во главе с И. В. Присягиным.

3 декабря Барнаульский Совет принял решение о взятии власти в свои руки в городе и губернии.

В ночь на 7 декабря был образован военно-революционный комитет во главе с М. К. Цаплиным, осуществивший это решение.

Фридрих отождествлял ее с отсталостью и мысли не допускал о равноценности и тем более превосходстве русского разума над немецким.

Случилось так, что Ползунов, заменяя недужного Фридриха, сам неожиданно заболел. И тут на плавильной фабрике произошли события, вызвавшие тревожные пересуды и тайный ропот мастеровых.

Фридрих, стяхнув с себя болезнь, опередил Ползунова выходом на службу. Но то ли из-за не совсем прошедшей хвори, то ли по причине безмерного «принятия горячительного», у него стала заметно сдавать память. Сам он того не замечал и, как прежде, свои действия по службе считал безукоризненными. Подмеченную чем-либо со стороны промашку воспринимал с крайней болезненностью.

Правда, внешне Фридрих сохранял при том уверенное спокойствие, всеми силами стараясь доказать окружающим свою мнимую правоту. Но совершал это подчас в полную противоположность здравому смыслу.

После первичных плавок обогащенной серебросодержащей руды в плавильных печах — крумофенах — получался веркблей, серебро, содержащее свинец. Лишь из других печей — трейбофенов — истекал бликзильбер, серебро, очищенное от свинца. Перед загрузкой плавильной печи для плавки ее придирчиво осматривали. Обнаруженные неисправности — выгоревшие и вывалившиеся камни, трещины — тщательно забивались мокрым мусором, смесью белой и серой глины с толченым древесным углем.

Из-за нераспорядительности Фридриха вышла заминка с засыпкой трейбофена. Плавильный мастер стал торопить людей, чтобы наверстать упущенное время. Не ровен час в любую минуту мог появиться сам ассессор Христиани. Тогда какая угодно причина не в оправдание. Надсадный до визгливых срывов голос Фридриха перекрывал гул тачек, хлопанье лопастей водоналивных колес.

— Быстрее набивать печь! Даторопитесь же вы, окаянные!

Перед загрузкой внутренность печи полагалось набивать слоем мокрого пепла из березовых или осиновых дров с прибавкой извести. Пепел перед тем выщелачивался промывкой. С помощью пепла отделялось серебро от свинца, очищалось от сернистых и других вредных примесей, делалось вязким.

— Господин мастер! Печь нельзя набивать пеплом — в боках кое-где вывалились выгоревшие камни. Как бы беды не приключилось!

Фридрих вскипел: ему указывать! В ответ на предостережение Селезня отрезал резко-насмешливо, с угрозой:

— У русских говорят — яйца курицу не учат! Без промедления набивать печь! Не то в морду, по шеям! Понял?

При плавке свинец, окисляясь, превращался в глет, более легкий по весу, и по специальным лоткам выпускался наружу, через отверстие выше уровня расплавленного серебра. Так бывало обычно. Но на сей раз через брешь, образовавшуюся в боку трейбофена, внезапно ударила тугая, огнедышащая струя расплавленного серебра. Печь могло порвать в любое мгновение. Тогда беды не миновать: и пожар занялся бы мигом, и людей бы покалечили и погубили насквозь прожигаящие брызги.

Селезень с ломом наперевес кинулся к печи. Освобожденный металл ударил в выпускное отверстие бурным, с огненными отблесками потоком. Суетливо, взახлеб он растекался по изложницам и быстро остывал с сердитым треском и шипением.

— Накаркал, ворон! Накаркал! Да я тебя за это в угольный порошок изотру!

Невысокий кругленький Фридрих никак не мог подступиться к Селезню. Бегал вокруг, как на привязи, и всюду натыкался на непреодолимое — руки-ухваты Селезня, длинные и сильные, с пальцами, широко расставленными в стороны. Карусель остановил чей-то раздранный голос:

— Что здесь происходит? Что означает сие во время плавки?

Взопревший, раскрасневшийся Фридрих мгновенно застыл на месте, еле сдерживая учащенное дыхание, оторопело выкатив глаза на Христиани, внезапно и незаметно появившегося здесь.

— Ваше высокоблагородие, господин мастер меня безвинно наказать хотели, я же упорствовал.

Христиани перевел взгляд с заговорившего Селезня на продырявленную печь, на бугристую, неровную поверхность металла, тут же застывшего после быстрого и беспорядочного истекания из печи.

— Кто виноват?

— Рассудите по справедливости, ваше высокоблагородие! Единственно повинен я в дерзости господину мастеру, а ни в чем ином!

Селезень обстоятельно и быстро рассказал о происшедшем. Наступила продолжительная, тягостная тишина. Христиани, видимо, о чем-то думал, прикидывал в уме. Фридрих сделался еще ниже ростом и толще от того, что голова провалилась между плеч. Наконец Христиани заговорил размеренно и тягуче, словно не избавился еще от власти раздумий:

— Иоганн Фридрих доподлинно виновник происшедшего и будет наказан приличествующим образом с записью о том в формуляре.

Я отстраняю его от предстоящей плавки с вычетом из жалованья нанесенного ущерба.

И уже в своей обычной манере Христиани четко и решительно заключил, ткнув пальцем в сторону Селезня:

— Тебе вести плавку без какого-либо замешательства и промедления. Металл выдать в срок!

И удалился. За ним виновато семенил Фридрих.

Чтобы ускорить плавку, Селезень с мокрой тряпкой на лице полез в печь, мало остывшую от жара. Тряпка быстро высохла, и в груди Селезня занялся настоящий пожар. От прокаленного удушливого воздуха бешено стучало в висках, плясала мелкая рябь в глазах. Шершавая сухость шекотала во рту и горле. Селезень подолгу захлебывался затычным натужным кашлем. По лицу, спине неудержимыми струйками побежал пот. Взмокшая, прилипшая к телу одежда стесняла движения.

В утробе печи — густой полумрак. Селезень работал почти наощупь. Руки покрылись кровотокающими ссадинами, красноватыми ожогами. Но нужное плавильщик все-таки сделал.

С помощью товарищей Селезень еле вылез наружу через жерло печи, рухнул на дощатый настил. Тряпка на лице тяжелее и мокрее прежнего оказалась от пота. И тотчас по плавильной фабрике поползли сдержанные, скупые пересуды. В них и осуждение, и восторг.

— Вроде не сродни быку Селезень, а упрямопреупрям!

— Понапрасну так радеет — в угодные все одно не выйдет!

— Этак изжаришься, а зажаренный все равно на стол не попадешь!

Селезень поднялся на ноги неожиданно скоро, не пошатнувшись, подчеркнуто строгий, прямой.

— Чего стабунились-то? Вроде над упкойником! Пожарился до семи потов, зато печь стала крепче. А ну, пошел каждый к своему делу, да попроворнее!

Как ни усердствовал Селезень, а плавку к установленному сроку не выдал. Непосильное задал Христиани при неисправной печи.

— Почти на сутки опоздал. За такое тебе, плавильщик, в совокупности с дерзостью старшему по службе Иоганну Фридриху достойное наказание причитается.

Христиани резко повернулся и поспешно удалился. Вскоре явились два солдата и увели Селезня. А через три дня на площади, что у церкви Петра и Павла, от скопления мастеровых и посадских жителей создалась невиданная до этого теснота. Люди пришли сюда не по своей воли, с тайным предчувствием недоброго. Поэтому над площадью повисла устойчивая тишина.

Ее нарушил канцелярист Мартын Второй, начавший читать указ канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства, подписанный самим генералом Беэром. Бросалось в глаза, что канцелярист несказанно гордится поручением начальства — объявить указ «во всенародное известие». Голос у Второго громкий, торжественно-проникновенный, будто не указ, а церковную проповедь читает. Второй стоял на жидком дощатом возвышении и вер-

Краткая летопись Барнаула

8. ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1918 год

Январь. Вводится рабочий контроль на всех предприятиях с числом рабочих более 5 человек.

19 февраля на II губернском съезде Советов избран губисполком. Председателем его стал М. К. Цаплин, заместителем — М. К. Казаков. Для управления хозяйственной жизнью образован губернский Совет народного хозяйства (в марте).

Февраль, март. Национализированы Алтайская железная дорога, крупные пимокатные мастерские, речной транспорт, все отделения банков.

Барнаульский Совет развернул работу по оказанию продовольственной помощи Москве и Петрограду. Он направил также несколько десятков вагонов зерна и муки рабочим г. Шуи. Те в ответ прислали 32 вагона мануфактуры, обуви, строительных материалов.

7 апреля в Барнаул прибыл чрезвычайный комиссар по продовольственным делам страны А. Г. Шлихтер, в конце мая — председатель Петрокоммун А. Е. Бадаев — для ускорения отгрузки хлеба рабочим центрам страны. Хлеб решал судьбу революции.

телся, как сорока на колу, чтобы слова указа разлетались во все стороны. После того громко затрещали солдатские барабаны. Они заглушали тонкий пронзительный свист гибкой лозы, сочно полосившей спину Селезня. В полном сознании Селезень вынес немалое число ударов — более ста; этого вполне хватило бы на двоих, а то и троих. Потом окружающее утонуло в плотном кровавом тумане. Память и рассудок возвращались к Селезню всякий раз, когда солдаты из деревянной бадейки обильно кропили ледяной водой обнаженную спину. Но ненадолго — до очередных двух-трех десятков ударов. Селезень не дергался и не кричал истошно. Когда сплевывал кровавую слюну, то сквозь зубы цедил еле внятные слова угрозы:

— Подождите же, вдвойне отольется безвинное...

Дней через несколько после экзекуции Второй, восхищенно прищелкивая языком, тараторил каждому встречному:

— Крепкий камень-роговик и тот не выдержал бы такого числа ударов простым щелчком. Ей-ей развалился бы! А Селезень от лозы и трех дней не провалялся на лежанке. Ну и многожильный же!

До Селезня дошли надежные слухи, что Иоганна Фридриха, несмотря на произнесенные ассессором грозные слова, никто и не собирается наказывать. Стало очевидным, что через публичное наказание плавильщика Христиани задумал скрыть истинного виновника происшедшего.

Возмущенный до скрежета зубового, Селезень решительно направился домой к Ползунову накануне его выхода на службу. Поздоровался и без промедления начал было путаной скороговоркой рассказывать о случившемся. Ползунов перебил на первых же словах:

— Обо всем наслышан, и о твоей безвинности пуще всего. Достоин удивления это возмутительное наказание тебя! Ну а ты-то теперь с чем пришел? Надумал что или нет?

Приглашенный сесть, Селезень долго и боллезненно извивался всем корпусом. Когда коснулся стула, отер со лба густой пот и заговорил увереннее, четче. Ползунов слышал в словах Селезня веру в правду, в ее конечную победу:

— Так я думаю, что в здешней округе для Христиани не сыщется указчика, кроме самого генерала Беэра. Один выход вижу — принести жалобу на имя самой государыни-императрицы. Через все ступени. Иначе выйдет так, что пока до бога дойдешь, угодники шею ототрут. Одна беда только — в письменной части я мало искушен. Вот и пришел к твоей милости, барин, за помощью. Не откажи, ради бога! Не

кланяться же в ноги Мартыну Второму, которого я видеть не могу. Век буду тебе обязан!

По тогдашним правилам обиженный мог приносить только такую жалобу, которая написана с неукоснительным соблюдением многих требований: четкости стиля, логически последовательного изложения, правильности обращения к монаршей особе. Поэтому чаще всего жалобу писал не обиженный, а другое лицо, которое тоже обязано было сообщить свой чин, имя и фамилию.

— Обязательно напишу, Селезень, и в скором времени!

— Спасибо, барин! В надежде шел, что не откажешь. Кто-то должен же укротить лютого зверя. Житья нет никому от него. Не забыл подкатчика Мишку Белоусова, того, что за постоянное молчание Землею кличут?

— Как забыть! Помню.

— Так вот, дней через пять после того, как заболеть тебе, у Мишки вздутые живота и страшные колики произошли. Сам знаешь, барин, от темна до темна вертимся возле печей. Свету солнечному, листочку зеленому или ягоде какой радуемся, как малые дети. Не помню, кто принес из дому в мешочке ягоды боярышника. Крупная, спелая такая, вроде сама в рот просится. Не найти человека, более охочего на такую еду, как Мишка. Наглотался вдоволь той боярки вместе с косточками и ухватился за живот руками. Позже боль скрутила Мишку в калачик. По полу катается, воду холодную ковшами глотает. И все без пользы. Послал я за лекарем. Христиани тут как тут. Злым коршуном налетел на Мишку, приторщиком, празднующим обозвал. Слова Мишке, что о стенку горох. Тогда Христиани кулак в ход пустил. Изо всей силы хлестанул по шее, по спине не один раз. Раненым зверем заревел Мишка. В страхе ли, в боли ли тотчас обошелся от того вздутия. Без лекаря все обошлось. Только после у Мишки шея непослушной стала, голову поворачивать не дает. Сам лекарь засвидетельствовал. Мишку в колюхи перевели. На конюшне не то, что при плавке и засыпке, — полегче. Но Мишке-то теперь всю жизнь в калеках ходить!

Селезень недолго помолчал, робко и мечтательно произнес:

— Если про Мишку заодно прописать бы. А?

— Не могу. Жалобу надобно писать только со слов Белоусова. А одному писать сразу две жалобы — немилость начальства навлечь на себя...

Перед концом смены Ползунов как-то заговорил с Яковом Беэром недовольным тоном:

— Странно! У начальства безвинный виновным выходит. Иоганн Фридрих по-прежне-

му топает гусаком, а Селезня боль корежит, к земле гнет. Что же это такое?

Безр мельком взглянул, скупой и снисходительно улыбнулся:

— Ты, Иван, ищешь то, что другим безо всякого внимания. Сегодня Селезень, завтра другой, потом третий отведает лозы или кнута. Такое близко к сердцу брать — на свете не жить. Плюнь на все и обрети полный душевный покой! Ведь начальству не укажешь, что и как делать!

Ползунов помрачнел. Слова стали отрывистее и колющее.

— А я решил указать начальству! Считаю, что в праве.

— Каким же способом?

— Самым простым! От имени Селезня написал жалобу на высочайшее имя!

— Ты, видать, с ума спятил! Разве неведомо тебе, что любую жалобу вначале начальство обсосет и потом уже, если найдет мотивы и содержание уважительными, донесет кабинету ея величества. А на такое начальство не пойдет, чтобы себя отхлестать. Соображаю я, что жалобщику, что сочинителю круто придется от начальства!

— Правда священна и всегда побеждает!

— До желанного человеку — длинная дорога. Пока оставишь ее позади, и правда не в радость обернется.

— За себя я не тревожусь — писал не супротив указов.

— И-и, куда поехал! Указ-то, как перышко. Дунет начальство, в ту сторону и полетит. Так-то чаще бывает, Иван!

Сказанное Яковом Ползунов раньше не брал в расчет. Борьба с неправдой и самоуправством захватила, была на первом плане и заслонила все остальное. Сейчас, когда остыл пыл, минувшие события предстали перед ним уже в более реальном свете и стали волновать, пожалуй, еще сильнее, чем раньше. «Яков, пожалуй, прав. Жалоба, как и следовало, не минует канцелярии. Христиани ничего не стоит счесть меня виновником и наказать, как заблагорассудится. Против не восстанешь!»

Ползунов ни перед кем не выказывал охватившей его смутной тревоги. От этого на душе лежал тяжелый камень. И главное, что угнетало, — загадочное и необъяснимое исчезновение Селезня. Все предположения и догадки, рождавшиеся в голове Ползунова, казались весьма сомнительными и не утверждались.

Определенным было то, что Селезень не находился в бегах. О беглых всегда публиковались «во всенародное известие» указы, в которых расписывались приметы и изощренные наказания за укрывательство. Таких указов не значилось ни на заборах, ни на специальных будках. И перед раскомандировками мастеровых на работы канцелярские служители ни словом не обмолвились о побеге со службы.

Ко всему, что терзало Ползунова, прибавилось прожигающее чувство вины перед Селезнем. «Услужил!.. Надо было отговорить от приношения жалобы. Селезень наверняка послушал бы меня...»

Краткая летопись Барнаула

15 мая 1918 года в Иркутск, на борьбу с атаманом Семеновым, отправилась рота барнаульских красногвардейцев в составе 250 человек.

В ночь на 26 мая начался мятеж чехословацкого корпуса.

26 мая мятежники по телефону из Новониколаевска предъявили ультиматум Барнаульскому горсовету. М. К. Цаплин ответил:

— Мы до последней возможности будем защищать завоевания революции. Пусть знает об этом контрреволюция!

По призыву военно-революционного комитета красногвардейцы Барнаула, Бийска, Славгорода, Камня выступили к Новониколаевску.

26 мая—14 июня шли тяжелые бои с белочехами и белогвардейцами у станций Евсино, Черепаново, Тальменка, Алтайская. Они вошли в историю под названием «Черепановского фронта».

В ночь на 15 июня красногвардейцы оставили Барнаул и отошли на станцию Алейская. Отсюда, объединившись в отряд под командованием Петра Сухова, они двинулись к Омску на соединение с Красной Армией.

23 июня И. В. Присягин, М. К. Цаплин, М. К. Казаков и секретарь губисполкома С. П. Карев были захвачены кулаками в селе Луковка (ныне Панкрушихинского района) и отправлены в г. Камень, отсюда в Новониколаевск и наконец в Барнаул. Здесь в ночь на 26 сентября они погибли от рук белогвардейских палачей.

Илья Хлопин встретил Ползунова мягким упреком:

— Забыл путь-дорожку к моему очагу! Вроде друга-приятеля доводишься, а не показываешь глаз целую вечность. Куда такое годится? Не ожидал! Может, что случилось с тобой?

В домике Хлопиных — неизменная умиротворяющая обстановка: уют и опрятность. Вошла Евдокия. Поставила на пол подойник, укутанный чистой холстиной. Взглянув на Ползунова, долго и недоуменно терла переносицу, словно не верила своим глазам. И дружно понесла в тон мужу:

— Совести у тебя нет, Иван! Сколько дней утекло после болезни? Считаю, немало! А сколько раз тебя видели в этих стенах? А?

С полатей, как паучок, бесшумно спустился Мишутка. Долго топтался на месте в нерешительности — успел поотвыкнуть от Ползунова и не знал, как сейчас вести себя.

— Чего же ты, Мишутка, не подойдешь! Ай не узнал? И принес же я тебе в подарок штучку, которой нет ни у одного посадского мальчишки! Во-о! Смотри сюда!

Из рук Ползунова с частым тарахтением покатилося по полу, подпрыгивая, медное зубчатое колесико. Этого хватило, чтобы без остатка развеять ребячью застенчивость.

— От башенных часов колесико! Лови его!

Мальчик обеими руками ухватил драгоценный подарок, крепко прижал к груди. Восторженный и радостный, доверчиво уселся на колени Ползунова.

Верные хлебосольству, Хлопины сустились. Евдокия порхала по комнате с птичьей легкостью. Голос у нее стал певучим, призывным. Слушаешь такой голос и не смеешь возразить.

— Сейчас будет пирог с нельмой. Не похваляясь говорю — воеводский пирог! Нельма-жировка поймана по первому льду. Как восковая! Что жирна, что нежна — одинаково.

Не в придирку, а солидно Илья прервал словесную прыть жены деловым замечанием.

— Никак забыла! На вешалах в кладовой копченая дичь осеннего убоя!

— Как же так! И в самом деле не додумалась! Сейчас я мигом!

В отсутствие Евдокии разговор принял деловой характер. Собеседники стали сдержаннее, строже в словах. Хлопин спросил Ползунова, кончилось ли его смотрение за рудными плавками. Непонятно отчего, Ползунов резко вздрогнул. На мгновение посуровело, изрезалось морщинами лицо. И неожиданно сломалось, потеплело от широкой улыбки, ка-

кая рождается на лице, когда человека осеняет спасительная мысль.

— А ведь ты, Илья, как-то можешь помочь мне! Почему-то об этом мне не подумалось раньше? Бесплодные и тяжкие раздумья не распирали бы, пожалуй, мою голову, обратись я к тебе вовремя...

Илья Хлопин вел всю секретную переписку канцелярии. Знал такое, что невдомек не только Ползунову, но и тем, которые не на одну ступень выше по службе. Правда, Хлопин был скован страшным клятвенным обещанием о неразглашении служебных тайн. Случись что, из уст Хлопина тайна дошла бы до постороннего уха — быть великой беде. Немудрено тут заживо сгинуть в потасенных заботах Змеевского рудника, куда нет ходу не то что постороннему человеку, но и дневному свету, или прежде времени отдать богу душу на далекой каторге.

Вспомнил про такое Ползунов и заметно остыл в желании просить приятеля.

— Чего умолк? Вроде на меня какую-то тайную надежду имел. Говори, коли занкнулся. Может, чем и помогу.

— Прости, Илья, не тот разговор я начал. Расскажи лучше, что слышно о водных перевозках руд. Мне не без интереса.

— Не тяни в кусты, Иван! Без надобности такое затевашь. Выкладывай душу на ладонь, пока Евдокии нет. За сказанное тебя здесь некому плетью хлестать. Понял? Что не в моих силах — не таясь, отрежу напрямик!

— Ты, пожалуй, прав, Илья, твои доводы не опрокинуть. Ты наверняка знаком с историей плавильщика Селезня, что в формулярах значится Тагильцевым.

— Что такого в том? Каждый знает.

— А вот то...

Ползунов до последней мелочи рассказал, какое касательство имеет к злополучной истории.

— Вот и не посмел было спросить тебя, куда подевался тот Селезень.

— Только и всего? Чудной ты, Иван! Да я тебе о том сказал бы сразу же и без замочки. Знаю, что любая тайна в тебе сохраняется надежнее, чем под семью замками. Так вот, по предписанию генерала Беэра на руки и ноги Селезня недели смыки и в Змеевский рудник тайно свезли. Навечно, в секретные колдунки. Ты хорошо осведомлен, что это означает.

Вошла Евдокия. Разговор мгновенно переметнулся. Так что Евдокии совсем невдомек, о чем шла речь до ее прихода.

— Теперь не грех и за стол садиться!

Илья придвинул стулья, торжественно усадил Ползунова на почетное место. Евдокия ча-

сто наставила перед Ползуновым посуду, до краев наполненную разной пищей.

— Ешь на здоровье, Иван! При холостяцкой и одинокой жизни в еде ни достатка, ни вкуса.

— Спасибо, Дуся! Постараюсь в долгу не остаться... А догадываетесь вы или нет, зачем я пришел? Интересно услышать.

Наступила минута молчания. Озадаченные Хлопины не могли ответить на вопросы гостя. Рассмешил всех Мишутка, неожиданно вмешавшийся в разговор взрослых:

— А мне можно, дядя Ваня?

— Пробуй, Мишутка, выручай папку с мамкой!

— Ты по мне соскучился, дядя Ваня, вот и пришел! И колесико принес!

От съеденной пищи, вкусной и плотной, по телу разливалась необоримая тяжесть. Евдокия же без устали ставила на стол новые посудыны. Ползунов встал и вышел из-за стола.

— Бесчетное число раз спасибо! Но больше есть не могу! Глаза слипаются! Пощадите меня! А пришел я затем, чтобы пригласить к себе на новоселье. Вчера в казенную светлицу перебрался! За столом у меня не будет такого изобилия...

Евдокия осуждающе перебила:

— Да ты что, Иван! От этакой оговорки гостям только и сидеть у себя дома. Запомни — все, что на столе здесь, будет и у тебя!

Смеясь, Ползунов возразил шутливо:

— Э-э, Дуняша-голубушка! При таком уровне, что ты сказала, хозяин вправе не открывать двери гостям. Давай уж так говорить — чем богат, тем и рад! Найдется что-нибудь и у меня добренькое...

От Барнаульского сереброплавильного завода до деревни Запльвиной, что ведомства Чумышской слободы, санного пути на ямских перекладных выходило суток двое. В прошлые времена запльвинские мужики, особо те, что в расколе ходили, неоднократно и упорно понуждались властями к выполнению заводских работ. Нынешней же зимой в заводской наряд, как курам на смех, явился единственный мужичонка на захудалой кляче. На такой только и везти покойника на ближний погост — дотянет и не разнесет, а не по двадцать пудов руды или короб угля с дальних расстояний. От запльвинского непослушания мог случиться большой недовоз змеевских серебросодержащих руд. Заодно уменьшилась бы выплавка серебра на Барнаульском заводе.

Лютая злость обуюла Христиани. От нее потерял самообладание. Когда докладывал генералу Беэру, был бессилён унять дрожь и срывы в голосе:

— Б-б-б-унт, ваше превосходительство!

Краткая летопись Барнаула

9. В СУРОВЫЕ ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ

1918 год

15 июня в город вошли белочехи и белогвардейцы. Начались массовые аресты и расстрелы. За первые три дня только на Нагорном кладбище было расстреляно и замучено более 200 человек. Среди первых жертв были большевики Н. Д. Малюков, С. М. Сычев, Е. П. Дрокин, Н. А. Тихонов, С. М. Лучанинов, Т. А. Тяптин.

18—22 августа в Томске состоялась 1-я Сибирская областная конференция большевиков, призвавшая к вооруженной борьбе за восстановление Советской власти. В ее работе приняла участие представитель барнаульских большевиков Эмилия Алексеева.

В сентябре состоялось общее собрание большевиков Барнаула, избравшее подпольный комитет РКП(б) во главе с М. А. Сурновым (Максом). Комитет взял курс на вооруженное восстание. Для подготовки его был создан военно-революционный штаб во главе с М. И. Ворожцовым (Анатолием).

1919 год

В начале февраля по доносу провокатора часть членов подпольного комитета была арестована.

В конце февраля комитет был восстановлен. Его возглавил посланец томских большевиков А. А. Малиновский (Павел), член РКП(б) с 1904 г. В состав комитета вошли Э. А. Алексеева, М. И. Ворожцов (Анатолий) и др. Комитет условно разбил город на шесть районов, в каждом формировались «пятерки». Были созданы военно-революционный штаб, Красный Крест, паспортное бюро, типография.

61080350

Редактор И. П. КУДИНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. БАШУНОВ, И. И. БЕРЕЗЮК, П. А. БОРОДКИН,
Е. Г. ГУЩИН (зам. редактора), В. В. ДУБРОВСКАЯ, Л. И. КВИН,
В. Н. ПОПОВ, Н. М. ЧЕРКАСОВ, О. Н. ШЕВЧУК

АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» 1980 № 2

Художественный редактор. В. Еранкин. Технический редактор М. Сафонова.
Корректоры Н. Гарустович, Н. Тырышкина.

Рукописи не возвращаются

АГ 00077. Сдано в набор 7. 04. 1980 г. Подписано к печати 4. 06. 1980 г. Формат
84x108/16. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 11,185. Тираж 12000 экз.
Заказ № 644. Цена 40 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 76.
Производственное объединение «Полиграфист» управления издательства, полиграфии
и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, Г. Титова, 3.

Адрес редакции: 656056, Барнаул, Ленина, 8. Тел. 3—09—21

КР

С-с-самый настоящий-с! Вместо пятидесяти-с подво-о-од — разъединственная-я! Надлежит образумить-с сивобородых козлов!

Генерал Беэр, не задумываясь, повелел обычное в таких случаях:

— Всех ослушников при лошадях согнать на Барнаульский завод! Зачинщиков по военному артикулу пристойным образом наказать плетью принародно, издав о том в публичное известие надлежащий указ. В Запльвину послать надежного и исполнительного человека.

Христиани остановил выбор на Ползунове. Вызвал тотчас его, вручил указ канцелярии, список неявившихся на работу и напутствовал:

— Взять тебе из здешней воинской команды от капрала Беликова пять солдат, ехать в Запльвину в великом секрете и без малейшего промедления, дабы какого помешательства в делах не приключилось. Учинить все, как изображено в указе...

На третьи сутки проводник, тот самый мужичонка, тот явился на заводские работы, объявил Ползунову:

— Дальше нет мне ходу... До деревни рукой подать... Мужики увидят, скажут — солдат навел... Не сдобровать мне тогда...

Впереди хороводились высокие прямоствольные березы в самой близости друг от друга. Сквозь беспорядочные и густые сплетения заиндеветых ветвей, раскидавшихся в стороны, ровным счетом ничего не видно. Солдат, что старше других возрастом, с гренадерскими усами, уколол мужичонка:

— От страха мерещится. Где она, деревня-то? Одна пустошь вокруг!

Мужичонка злобно огрызнулся, отходя в сторону:

— Служивый ты вроде, а глаза не на месте! Где, где! Прокопай глазищи и увидишь, что вот за ентюй белой стенкой и есть Запльвина! Здесь мне каждый стебелек знаком. Понял? А слова твои мне не в укор. Как обернулся бы ты на моем месте — никем не узнано.

И он решительно повернул в обратный путь. Залаяли собаки, потянуло печным дымком.

Солдат, взглядевшись в редкие просветы между березами, согласился вслух:

— А ить тот мужичонка всамделишний праведник! Жаль — ушел!

Деревня встретила неприветливо-молчаливым безлюдьем. Даже в редких окнах, не прихлопнутых ставнями, ни единого любопытствующего взгляда.

Лишь в запертых дворах, чуя приближение незнакомых пришельцев, в злобном, испуганном лае захлебывались собаки. Ползунов по-

чему-то подумал, что деревня прежде узнала о его приезде, затаилась в тревожном ожидании. «А может, и так, что все жители съехали прочь от неминуемой расправы... Скажем, в горную и недоступную глухомань, именуемую в здешних местах Беловодьем. А есть ли оно в самом деле? Может, то красивая сказка?»

Тот же солдат, словно угадав мысли Ползунова, принялся уверять:

— Тута-ка они, вашкородь! Забились в щели, как тараканы перед ненастьем! Ишь кое-где из печных труб дымок струится. Еле приметный, как дух изо рта. Разумею так, вашкородь, что старосту наперво сыскать надобно. А это без труда. Против других староста всегда мужик прожиточный и изба у него отменная — обширная и с наружного вида богаче. Сдается мне, что он под той крышей с высоким коньком со слуховым окном и есть изба старосты — остальные в деревне помене и беднее выглядывают.

Солдат не ошибся. На стук без малейшей задержки выскочил простоволосый высокий и бородатый мужик. Лицо перевязано так, что одни глаза смотрят, да нос виден.

— Запльвинский староста Иван Павлов сын Забелин?

Мужик рухнул на строганое крыльцо. Заверещал пронзительно и тонюсенько, словно в ногах Ползунова валялась самая плаксивая баба.

— Не виноват я, высокородный господин! Истин крест господень не виноват! Мужиков к работе с должным внушением и усердием понуждал! Только они не ответствовали пристойным образом!

Впервые в жизни наделенный властью Ползунов испытывал смущение и замешательство. В его ногах валялся человек, годами подхаживший в деды, а он не знал, как с ним разговаривать, что делать. Выручила находчивость того же солдата:

— Ты, староста, встал бы на ноги, распутал свою рожу. Внятно растолмачил, что в деревне творится. Отчего дерзкое неповиновение законным властям получается. Да заодно и в избу пригласил бы. Мы, да и ты, чай, не деревнянные, чтобы холод нипочем.

Вошли в избу. Среди многочисленных домочадцев единственный мужчина — седовласый старик, остальные — женщины и девки. При виде солдат они заметались из угла в угол так, что от шелестящих юбок ветер по полу пробежал.

— Вот теперь, староста, расскажи, почему мужики в заводской наряд не явились. Сущую правду и без причетов. От заводской канцелярии мы. Понял?

Ползунов ощущал, как с каждым словом

его голос постепенно крепчает, набирает властную силу. От этого и уверенность в себе появилась.

Староста снял повязку. Под левым глазом большой синяк, густой, как свежий отпечаток сажи. Правую щеку пробороздил кровотокащий и рваный шрам. Заговорил своим настоящим голосом — басовитым и глухим:

— Взъярились мужики, высокородный господин, как после белены. Я им толкую — отработки не на меня и не на моей пашне, а на саму государыню, на ее собственных заводах. Они поначалу вычурно меня обругали. А когда припугивать стал, так рукам полную волю дали. Извольте видеть, как разукрасили. Приказал бы созвать мужичков-то, высокородный, господин, да внушение, какое надлежит, сделать. Эй, Манька, Дашка, Стюрка! Бегите по деревне, мужиков кликайте в наш двор! Мол, с самого Барнаульского завода власти выехали! А ну, живо!

Староста неприметно, в бороду, ухмыльнулся и принялся снова заматывать лицо. В оправдание бросил Ползунову и солдатам:

— Не обессудьте ужо! В таком виде пристойнее явиться перед мужиками — обидеть не будут, коли побои спрячу.

Девки прибежали в избу скопом, заполнив ее шумным дыханием, горластыми голосами.

— Все дворы обежали, оповестили! Закрылись в крайней избе, никого не пускают! Нас и слушать не схотели!

— Так жалобно воют песни, что мороз за спину хватает!

Староста соскочил со стула, вытянулся во весь рост. В голосе послышалась откровенная тревога:

— Уж эти мне двоеперстники! Нутром чую — недоброе затевают! Велел бы поспешать к ним, высокородный господин, во избежание какого-либо с их стороны неразумного и богопротивного поступка. Я здесь пока обожду. Эй, Дашка, проводи!

Крайняя изба обнесена палисадным забором из лиственничной однорезки высотой в два человеческих роста. Однорезка такая неподатливая, что от удара топора на ней оставалась еле приметная сечка.

Ворота во двор узкие, на толстых выгравированных столбах, заплывших смолой. Во дворе целая псарня. Она, стоило солдатам приблизиться к забору, неистово залаяла, злобно зарычала. Усатый солдат сокрушенно покачал головой.

— Такая крепость против джунгар выстоит! Э-э! Кто там заперся! Выходи на волю! Зычный голос дошел до слуха запершихся. Песнопение примолкло.

— Люди вы али нет — уймите собак и отоприте ворота!

В раскрывшемся окне, чуть выше забора, показалась мужская взлохмаченная голова:

— Не отопрем! Не желаем в антихристовом услужении быть! Заводская работа нас, нижайших, вконец измотала, ввела в великое

Краткая летопись Барнаула

В феврале 1919 года прошла забастовка рабочих шести типографий. В пяти из них рабочие добились победы.

В апреле состоялась забастовка водников.

В ночь с 8 на 9 июня в Причумышье, для обеспечения большевистского руководства партизанским движением, был направлен М. И. Ворожцов (Анатолий) с вооруженным отрядом в 25 человек из рабочих и распропагандированных солдат охраны железнодорожного моста. Еще раньше по направлению комитета ушли туда Я. П. Новиков, Н. В. Разницын, В. А. Зворыкин, П. Ф. Тиунов, И. М. Дрожжин. Комитет установил связь с зиминским большевистским подпольем, позже — с партизанской армией Е. М. Мамонтова.

2 августа началось Зиминское восстание. 7 августа Барнаульский уезд был объявлен на осадном положении.

В середине августа, схваченная колчаковцами, приняла яд пламенная революционерка Эмилия Алексеева.

9 декабря утром началось наступление партизан на Барнаул. Подпольный комитет поднял восстание. Белые бежали из города.

10 декабря 7-й партизанский полк «Красных орлов» первым вошел в Барнаул.

11 декабря в город вошли части 26-й Златоустовской стрелковой дивизии.

13 декабря. Временный ревком Барнаула преобразован в губревком во главе с В. В. Аристовым, бывшим политработником 5-й армии.

18 декабря начало свою деятельность губбюро РКП(б). В Барнауле насчитывалось в это время 466 членов партии и 180 сочувствующих.

оскуднение! Изыдите вон, слуги антихриста! Не мешайте свершать таинство!

Ползунов без труда узнал заплывинского раскольника, которого наблюдал на Барнаульском заводе при сдаче руд. Узнал Ползунова и раскольник:

— И тебе, барин, не отопрем! Все вы слуги антихриста едины!

Окно резко захлопнулось. Глухо, но сильнее прежнего, зазвучало песнопение. Вызов и обреченность, торжество и скорбь слышались в голосах запершихся. Неожиданно и мгновенно на стенах избы весело заплясало пламя. И изнутри избы, проев окно, забил огонь. Гибкими и длинными языками, словно дразнил тех, кто находился по ту сторону забора. Песнопение стало громким, надрывным. Вместе с огнем оно выплескивалось наружу предвозвестником скорой и неминуемой гибели людей.

— Ломать ворота и двери!

По приказанию Ползунова солдаты, набравшие мужики с трудом проломили брешь в воротах, открыли наконец засов. Собаки без зла на людей промчались мимо, зарываясь в снег с жалобным повизгиванием и фырканьем. Под ударами топоров с треском рассыпалась тлевшая избяная дверь. Получив свободу, рвануло упругое пламя, отбросило назад Ползунова, дерзнувшего заскочить в избы. Потом пожарище потонуло в дожде искр — обрушился потолок. Сквозь шум и треск пожара донесся последний сдавленный возглас, похожий на тяжкий предсмертный выдох: ы-ы-ы-х!..

Ползунов, а за ним все остальные обнажали головы. Огненное крещение раскольников произошло так быстро, что не было возможности его пресечь. На месте избы остались пепел и уголь. Среди них сторевшие трупы людей, до неузнаваемости маленькие, дунь — и разлетятся в стороны...

А заплывинский староста большим притворщиком оказался. Чтобы с себя сложить вину за бунт, искусно намалевал на лице мнимые следы страшных побоев. Заплывинские мужики про то рассказали, когда под конвоем явились на завод.

Ползунов умолчал перед начальством про хитрость старосты. Себя ведь от беды ограждал человек, никому зла этим не причинил.

При определении в гиттеншрейберы начальство обещало обучить Ползунова и Якова Беэра плавильному, приборному, маркшейдерскому делу, механическому действию рудников и заводов. Сам Христиани в подтверждение тому вроде бы приставлял Ползунова то к плавильному мастеру Иоганну Фридриху,

то к приборщику Попову, но на короткое время, чтобы не последовало какого ущерба гиттеншрейберской службе. Выходило так: Ползунов только начинал прикипать к тому или иному делу, постигать премудрости, как указом канцелярии его отзывали к гиттеншрейберским запискам. Постоянное дерганье изматывало душу, рождало чувство неудовлетворенности и неопределенности. Гиттеншрейберская служба становилась все в большую тягость.

Ползунов неоднократно писал в рапортах по команде, чтобы ему беспрепятственно позволяли практически освоить — «изучить своими руками» — одинаково и горное дело, и металлургию.

Расчетливый Христиани действовал не в ущерб заводским нуждам. Соответственно тому и Ползунова использовал. Об учебе рассуждал так: годы Ползунова молодые, времени еще хватит на все. Прочно убедившись в добропорядочности, осведомленности и исполнительности Ползунова, Христиани давал ему самые разные поручения: то проверку состояния офицерских светлиц на предмет ремонта, то осмотр лодок или разных припасов и материалов, закупленных заводским ведомством. Только за один год Ползунов запомнил до десяти таких поручений. Исполнение большинства из них требовало довольно продолжительных поездок в разные места Кольвано-Воскресенской округи. Время проходило впустую. Терялась возможность чтения книг, взятых из богатой на удивление библиотеки отца Василия, занятий черчением и рисованием, изучением математики, механики.

Не успел Ползунов возвратиться на Барнаульский завод из очередной поездки, а его ожидала новая, более продолжительная. Мысль о водных перевозках руд заново засела в голову Христиани. В тот памятный день генерал Беэр, придирчиво рассмотрев планшеты, принесенные Христиани из гиттеншрейберской, восторженно отозвался:

— Я вижу, господин ассессор, сие как раз то, что необходимо для безостановочного действия Барнаульского завода. С наступлением первого тепла надлежит дать полный ход водным перевозкам. Прежде того надобно послать людей для разведывания выгодных и кратчайших путей от рудных мест к берегу Чарыша. Вам, господин ассессор, превеликая благодарности! Немало и не без пользы потрудились. Угадываю — не одну бессонную ночь провели за этими планшетами.

Христиани чуть повел плечами, на миг опустил голову, однако против незаслуженной похвалы не восстал.

— Есть ли у вас, господин ассессор, на при-

мете человек, способный возглавить предстоящее предприятие?

Христиани без промедления ответил и тем немало удивил генерала:

— Есть, ваше превосходительство! Гиттеншрейбер Ползунов!

— Опять Ползунов!

— Его знания, исполнительность и усердие, ваше превосходительство, не подлежат малейшему сомнению!..

Весна выдалась дружная и ранняя. К пасхе солнце согнало снега с открытых равнинных мест. В Барнаульском посаде дороги просохли так, что конские копыта на них взбивали темные сгустки пыли. Совсем как летом. О весне напомнили лишь ручьи, тонко отзванивавшие в пойме реки Барнаул, да воздух, густо напоенный влагой. На редких деревьях еще не распустилась листва. Но полнотелые, набухшие почки вот-вот готовы были раскрыться и обнажить клейкие ярко-зеленые побеги.

Пасхальная неделя в Барнаульском посаде прошла неприметно и тускло. То определялось предусмотрительностью начальства. По его указу винные целовальники навесили на двери своих заведений пудовые замки. Открой их — и навлечешь на себя тяжкие кары. Лишь немногим посчастливилось выпить по-христианскому обычаю в светлейший праздник: тем, кто пользовался неограниченным доверием целовальников и долгое время брал в кредит хмельное. Однако и они провели праздник без драк до скуловоротов, громких песен и излишнего шума. Пили скромно, и бесшумно падали в постели.

Христиани вызвал Ползунова, как только кончилась пасхальная неделя. Пытливо и долго всматривался в лицо. Будто хотел заметить хотя бы малейшие следы хмельного праздничного разгула. К удивлению Ползунова, Христиани впервые заговорил о том, что не имело и малейшего касательства к службе:

— Как здоров, гиттеншрейбер? Доволен ли казенной светлицей, в которой ныне имеешь жительство? Не намерен ли обзавестись семьей?

Не ожидая ответов, Христиани открыл дверку массивного шкафа и достал ползуновские планшеты. Тем самым как бы дал понять, что задал вопросы отнюдь не из интереса к жизни Ползунова, а из стремления расположить к себе собеседника и соблюсти общепринятый этикет.

— Ну-с, гиттеншрейбер, мне весьма нравится широта твоей любознательности. Иные на твоём месте не дерзают дальше интересов возложенной на них службы. Ты же горазд на большее. Не скрою, что главный командир здешней канцелярии его превосходительство генерал-майор Андрей Венедиктович Беэр при рассмотрении твоих планшетов выразил немалую похвалу и полное одобрение перевозок руд водным путем. Поздравляю, гиттеншрейбер!

Не успев опомниться от услышанного, Ползунов ощутил поспешное и короткое пожатие жесткой и костлявой руки Христиани. Ползунов никак не мог понять, что требуется от него, как вести себя в таком случае, и выжидательно молчал. Христиани удобнее разместился в кресле. Продолжительно и изучающе по-

Краткая летопись Барнаула

10. И МОЛОТ, И ВИНТОВКА

...Не беда, что наши раны не зажили,
Что перчатки у нас из мозолей.
В нас бушуют несметные залежи
Сил, способностей и железной воли!

Из стихотворения рабочего А. Королева «Мы победим!»
(Газета «Красный Алтай» от 7 января 1921 г.)

3 января 1920 г. по инициативе губбюро партии проведено первое собрание молодежи, желающей вступить в комсомол. Записалось 40 человек. Был избран городской комитет. Через месяц в организации насчитывалось уже 500 человек.

9 февраля состоялось первое общее собрание городской организации РКП(б).

25 апреля начались выборы в Барнаульский Совет.

25 мая объявлена запись добровольцев на польский фронт. 26 мая опубликовано обращение Е. М. Мамонтова о формировании добровольческой бригады.

смотрел на ошеломленного Ползунова. Сухие щеки Христиани чуть тронула скрытая улыбка. Ассессор испытывал внутреннее удовлетворение воздействием произнесенных им слов на Ползунова. Стараясь не придавать своему голосу обычной жесткости и бесстрастности, Христиани заговорил доверительно:

— Так уж заведено, гиттеншрейбер, — предводитель, зовущий вперед войско, первым делает шаг. Подающий мысль должен первым доказать ее пользу для себя и других! Вот и тебе предстоит первому изыскать дороги от рудных мест к берегам Чарыша — с планшета переложить линии на местность. Как и что тебе делать, с подробностями рассказывает письменная инструкция. Места тамошние лежат возле самой джунгарской границы. Предприятие твое небезопасное. Помимо людей, кои надобны при поисках дорог, взять тебе потребное число солдат при ружьях и боеприпасах. А для сбора в путь дается тебе три дня за вычетом сегодняшнего...

В необходимости предстоящей поездки Ползунова убеждали не столько слова Христиани, сколько собственные рассуждения и выводы. Ведь в самом начале предприятия стоял он, Ползунов, а не кто-либо иной. Правда, прокладывая линии на планшетах, он не задумывался, кто прошагает по намеченным дорогам. От сознания, что затеянное исходит почти целиком от него, Ползунов внутренне испытывал гордость...

Места, где проходили поиски, самые разнообразные, но больше — безлесные. Глубокие и кругобокие увалы, в которых еще безумно гремели ручьи, сменялись открытой, чуть всхолмленной и совсем без кустика степью. Лишь изредка на крутых склонах холмов черными гривами теснотился пихтач. Одному не было конца и края — пестрому цветению. Марьины коренья вперемешку с дикими маками сбегали вниз по склонам. Белоснежные ромашки как бы преграждали им путь в низины, где безраздельно господствовали огоньки. Белое и огненно-рыжее, ярко-красное и желтое, нежно-лиловое и бледно-розовое беспорядочно расплескалось, смешалось. Казалось, чья-то щедрая рука обильно полила разноцветными красками воспрявшую от зимнего сна землю. Ползунов любил наблюдать яркое цветение с вершины склона. Безграничный восторг от любования природой согревал его душу, навевал пылкие и призрачные мечты, Ползунов поспешно спускался по склону, почти не разгибая спины, без усталости и с жадностью рвал цветы, укладывал в тугие объемистые букеты — и вдруг ловил на себе тревожно-любопытные взгляды подчиненных. Кончалась власть мечты. Ползунов аккуратно

складывал цветы на землю. Теперь на лицах подчиненных — полное недоумение. И в самом деле, зачем так рьяно рвать цветы, чтобы тут же выбросить их?

Ползунов с командой разведкал и вымерил кратчайший путь от Змеевского рудника до берега Чарыша. Он равнялся восьмидесяти пяти верстам. На всем его протяжении не встретилось ни одной деревеньки. Сама деревня Тугозвонова, что на берегу Чарыша, насчитывала десяток дворов.

Особо тщательно Ползунов выбирал место для будущей пристани. У Тугозвоновой Чарыш оказался недостаточно глубоким и бурным.

Выше деревни Тугозвоновой, в двух верстах, у места под именем Красный Яр река оказалась намного глубже. Здесь стоянка для судов была бы удобнее — крутая излучина защищала суда от течения и ветров.

Ползунов приказал забить четыре кола, обозначив тем место пристани. Позже ему стало известно про такое же предложение солдата Костылева, бывавшего в этих местах ранее. Из-за безлюдья Ползунов отметил кольями и три будущих зимовья на рудовозной дороге.

Странствуя по незнакомым местам, Ползунов не раз мысленно благодарил крестьянина Лариона Тупицына за сообщение о рудных дорогах. Их предстояло открыть и проложить еще немало. Кроме Змеевского, давали руду и другие месторождения. Четко и аккуратно Ползунов наносил на планшеты жирные линии дорог, то по-струнному прямые, то изломанные, с объездами неудобных мест. Делалось это во время стоянок и отдыха команды. От Красного Яра Ползунов пошел параллельно Чарышу и вверх по его течению, чтобы промерить расстояния между намеченными дорогами. Это было последнее, что предписывала инструкция.

Стояла теплая и безветренная июньская погода, когда кончилась пора буйного цветения. От мысли о скором возвращении на Барнаульский завод Ползунов находился в приподнятом настроении. Казалось, вовсе и не было изматывающих силы дорожных неудобств, напряжения и усталости.

В жаркий полдень команда остановилась на отдых на приречной возвышенности под развесистыми и корявыми ветлами. Место удобное: ветерок и прохладная тень. К тому же — скрытое. А отсюда, сверху, по безлесной равнине глаз доставал на несколько верст.

Только расположились, как дозорный солдат, всматриваясь вдаль, негромко и неуверенно оповестил:

— Вроде бы какие-то черные букашки движутся...

Ползунов взглянул в подзорную трубу. Букашки оказались медленно передвигавшимися конниками. Их было около пятидесяти. Конники перешли на стремительный галоп, такой, что вскоре стали хорошо различимы невооруженным глазом.

— Джунгарский разъезд! — дико завопил дозорный.

Капрал, что возглавлял десяток солдат, приданных Ползунову, подал команду изготовиться.

Ползунов обратился к нему.

— Силы наши, капрал, слишком слабы. Без крайней необходимости баталии не открывать. Так смекаю, через баталию наше предприятие погубим. Наиважнее всего добрым словом обезоружить джунгар и пролития чьей бы то ни было крови избежать.

Ползунов слышал о жестоких и опустошительных набегах джунгар на русские поселения, особенно же на крепости, форпосты и иные укрепления, на рудники и заводы. Еще при Демидове скопища джунгар напали и разрушили Чагирский рудник, а крепость при нем сожгли дотла.

Отряд джунгарских конников остановился шагах в ста от лагеря Ползунова. Из них выделялся тот, что горделиво восседал на гривастой гнедой лошади. Шапка на нем круглая, из темного меха с яркой белой оторочкой по низу и обрезком конского хвоста на остроконечной вершине. Одет конник в безрукавую телогрейку из белой, блестящей на солнце кожи, отделанную по бортам и подолу пушистыми дорогими мехами.

Среди солдат, затаившихся за ветлами, пронеслось негромкое:

— Ентот, с хвостом на голове, видать, самый главный у них...

— На мушку бы его, и вся кумпания по полю ветром!

— Но-но, рассказывай басни! Я-то уж знаю ентих — не робкого десятка. Не смотри, что оружных среди них мене половины, а остальные с луками. Их благородь давеча верное сказывал: уговором надо баталию отвести...

От отряда джунгар отделились два конника, среди них тот, который, по мнению солдат, был главным. Приблизившись шагов на пятьдесят, остановились. Над притихшими людьми Ползунова пронеслось пронзительно громко и по-русски:

— Э-э! Кто такие будете, куда и зачем путь держите? Отвечайте без заминки могущественному и воинственному хану Абаку!

Тотчас джунгары дали понять, что настроены далеко не миролюбиво. Где-то рядом с головой Ползунова тонко и пронзительно пропела стрела, пущенная из лука, с цоканьем воткнулась в ветлу. Ползунов понял сложность своего положения. Промедли он минуту-другую с ответным действием, и джунгары с диким гиканьем устремятся вперед. Тогда наступил бы страшный конец для Ползунова и его людей — смерть или унижительный и позорный плен. В голове Ползунова мелькали короткие обрывки мыслей. Ни одна из них сейчас не казалась достаточно надежной и спасительной. Между тем отряд джунгар придвинулся к своим посланцам. За спиной Ползунова послышался горячий солдатский полусшепот:

— Что смотрим, высокородь?

Краткая летопись Барнаула

В июне 1920 года в связи с вооруженными выступлениями кулачества началось военное обучение коммунистов и формирование из них коммунистических отрядов. Из коммунистов Барнаула был создан в марте 1921 г. Коммунистический полк.

В сентябре была объявлена пятипроцентная мобилизация коммунистов для пополнения войск Западного фронта. Всего с Алтая на борьбу с панской Польшей и Врангелем ушло шесть кавалерийских эскадронов и конно-артиллерийский дивизион.

20 февраля 1922 года в селе Власихе, под Барнаулом, кулаки убили Е. М. Мамонтова.

В апреле 1922 г. газета «Красный Алтай» сообщила о разгроме банд Кайгородова и Семенка в Горном Алтае. В сентябре с политическим бандитизмом в губернии было покончено.

11 марта 1923 г. в школе имени III-го Коминтерна создан первый в городе пионерский отряд.

24 ноября 1924 г. объявлена неделя траура в связи со смертью В. И. Ленина. В дни ленинского призыва сотни рабочих вступили в партию.

С мая 1925 г. Барнаул стал окружным центром Сибирского края.

— Посекут ни за что, окаянные, наши головушки!

— Ежели дружно и враз пальнуть, бог даст, спужаются басурманы...

Не оглядываясь, Ползунов, как можно тише, но отчетливо приказал:

— Не слушничать у меня...

Всю дорогу Ползунов носил старое партикулярное платье. В нем намного удобнее и свободнее при работе. Ползунов решил на то, что сейчас казалось ему более разумным и возможным. Медленно пошел навстречу к джунгарам с одним бергайером. Ветхая одежда бергайера изрядно поистрепалась в пути и пестрела от множества заплат разной формы и величины. Оба они никак не походили на служивых людей, на чем и строил Ползунов весь свой расчет. Позади него слышались полные решимости слова капрала, почувствовавшего себя единоначальником:

— Чуть что, солдатухи, пальнем из мушкетов по нехристям! Не терять же голов впускаю!..

«Не дай бог, если дойдет до этого!» — молнией пронеслось в голове Ползунова.

У хана Абака злой, пронизывающий взгляд раскосых глаз. От таких, казалось, не угаять не то, что злого умысла, но и самой ничтожной неправды. При виде двух русских, коленапреклоненных, в обтрепанной одежде, кончики жидких обвислых усов хана тронула довольная улыбка. Переводчик, русский мужик в молодых годах, после полученных ответов на заданные вопросы, принялся часто и, как показалось Ползунову, сочувственно толмачить хану:

— Сказывают эти людишки, могущественный и воинственный хан, что вольным промыслом себе пропитание добывают, от заводских властей хоронятся в потаенных местах и считают тебя большим другом, потому как ты эти места своей защитой ограждаешь от белого русского царя. Числом же этих людишек не более десятка.

В презрительной ухмылке, прищуре и без того узких глаз Ползунов угадал противоречивые чувства хана — горделивое самодовольство и неверие в правдивость услышанного. Вновь заговорил толмач, выполняя волю хана:

— Могущественный и воинственный хан требует подтверждения вашего уважения к нему, ибо слова подобны дыму, который исчезает с первым ветром.

Ползунов поднялся на ноги и, насколько умел, спросил с торжественностью в голосе:

— Зрит ли могущественный и воинственный хан раскидистое дерево, что растет вон там, где красавец Чарыш изгибается локтем и уходит вправо?

Удивленный хан повернул голову в указанном направлении. Отрицательно покачал головой и что-то процедил сквозь зубы.

— Слишком далеко, — перевел толмач. — Человечьему глазу не увидеть.

— Могущественный и воинственный хан может прозреть и увидеть то, что недоступно даже соколиному оку, если пообещает быть другом и защитником бедных и обездоленных людей и отпустит их восвосяи с миром.

При этих словах брови хана упали вниз, лицо помрачнело и взбугрилось. Он заговорил часто и раздраженно. Переводчик еле успевал за ним:

— Могущественный и воинственный хан еще не стар годами, но достаточно мудр, чтобы не понять насмешки над собой. Небесный творец, создавая хана по образу и подобию своему, наделил его в достатке силой, умом, зрением и слухом. Превыше этого достатка не может быть ничего на свете.

Настал решающий момент в затее Ползунова. Приложив руку к сердцу и низко, до земли, поклонившись, он затем протянул хану подзорную трубу. Тот, недоверчиво косясь, все же взял незнакомый предмет, повертел в руке недоуменно.

— К глазу, к глазу приставить надобно! — Ползунов сопроводил слова выразительным жестом. — Тем концом, который поуже... Во-во!

Из груди хана вырвался сдавленный прерывистый крик, по-мальчишечьи восторженный. Потрясенный увиденным, он обернулся к Ползунову. Лицо хана, растопившееся в улыбке, казалось, никогда прежде не было надменным и непроницаемо-строгим. Он что-то часто говорил Ползунову, но в непонятных словах вместо настороженности и недоверия слышалось теперь одно только восхищение.

Переводчик принялся пояснять:

— Могущественный и воинственный хан никогда не видел так далеко и отчетливо, как сегодня через эту трубу.

Ползунов понял, что план его удался. Он великодушно предложил:

— Пусть хан всегда видит так же далеко и отчетливо, как сегодня. Буду рад, что подарок придется ему по душе!

В ответ на слова Ползунова хан спрыгнул с коня, снял с себя шитый бисером кушак, на котором красовались изогнутые ножны в дорогой металлической оправе, и опоясал им Ползунова.

— Мой хан выражает тебе, безвестный человек, по обычаю своего народа самую глубокую дружбу, опоясывая тебя собственным кушаком! Еще хан говорит, что его рука всегда защитит тебя от недруга!..

Опасность, казавшаяся грозной и безысходной, миновала. Все облегченно вздохнули, когда джунгарская ватага скрылась из виду.

После встречи с джунгарами все, происшедшее вокруг и предстоявшее по службе, показалось Ползунову незначительным, мелким. С возвращением на Барнаульский завод Ползунову предоставили двухдневный отдых. О том торжественно объявил сам Христиани, не скрывший удовлетворения исходом закончившейся экспедиции.

— Успех предприятия, гиттеншрейбер, во многом обеспечен тобой, твоим благоразумием. Особенно отмечу твою находчивость в обращении с джунгарами. Сему счастливому действию позавидовали бы самые мудрые послы. Одно лишь вводит в смущение...

По лицу Христиани скользнуло кислое выражение — признак, совсем не предвещавший чего-либо доброго и приятного. Ползунов насторожился.

— Ущерб ея императорскому величеству! — И, видя непонимающее выражение на лице Ползунова, пояснил: — По преискурантам комиссарского правления подзорная трубка расценивается в пятнадцать рублей... Да уж ладно, гиттеншрейбер! Я самолично попытаюсь дать обстоятельное изъяснение по команде, дабы каких вычетов из твоего жалованья не последовало. Дерзаю тешить себя надеждой, что мое мнение разделят их превосходительство генерал-майор Беэр...

Услышанное неприятно покорибило, вернуло Ползунова к действительности. Невольно подумалось: «Случись худшее при встрече

с джунгарами, Христиани, да и сам Беэр, наверняка не упомянул бы об ущербе, отнеся его на счет хана Абака. Вышло же все по-иному — я и моя команда остались живы. В таком разе начальству не резон умалчивать о подзорной трубке. Знай, дескать, Ползунов, и на ус себе мотай!..»

На другой день Ползунов пошел на Обь с намерением съездить на займку к Прихожеву, с которым продолжал поддерживать добрые отношения.

Лодка оказалась ходкой. Не прошло и часа, как Ползунов выпрыгнул из нее на лоснившийся от сырости песок и стал пробираться вперед кромкой густой тальниковой забоки.

Вот и выгон. Но что это? Где же Прихожев, его дочь, работники? Ни людского говора, ни лая собак, ни мычанья. Одна лишь тишина.

Безлюдными оказались зимняя изба, в которой жили работники, ухаживавшие за скотом, обширный и вместительный сарай с сеновалом.

Ползунов стоял в нерешительности, раздумывая, что предпринять.

Может, Прихожевы другой выпас открыли? Но где же его искать?

Размышления Ползунова прервали странные звуки, захлебывающиеся, прерывистые. Ползунов прислушался. Непонятные звуки переросли в ровный храп. Кто-то спал на сене, сметанном на жердевой настиле, чуть не под самой крышей сарая.

— Э-э! Кто там! Проснись, человек!

От громкого окрика Ползунова кто-то зашевелился наверху. Храп сменился коротким

Краткая летопись Барнаула

11. БОЙ С РАЗРУХОЙ...

Продукция сибирской промышленности в 1920 г. составляла 24,8 процента к уровню 1912 г.

В 1920 г. в Барнауле были национализированы крупные предприятия, в 1921 г. — все остальные.

1 мая 1920 г. состоялся первый коммунистический субботник. В нем участвовало 25 тысяч человек.

В 1921 г. восстановлен лесопильный завод.

В 1923 г. завод «Молот и серп» выпустил первую партию молочного инвентаря. Дала ток Барнаульская ЦЭС. 17 декабря 1924 г. в газете «Красный Алтай» сообщалось: «Электростанцией в скором времени предполагается установить подачу электроэнергии до утра...»

В 1925 г. зарплата рабочих повысилась в среднем на 18 процентов. Для них было построено 20 жилых домов. К концу года выпуск валовой продукции промышленности Барнаула достиг довоенного уровня.

охающим зевком. Потом послышался полусонный голос, скрипучий и хриплый:

— Кого надобно?

Ползунов ответил.

— А-а, Прихожевых, стал быть! Были да вышли. Вчера вечером весь скот угнали. А ты-то кто будешь, мил-человек? А ну, взгляну-ка с высоты!

Зашумело, задвигалось пересохшее, ломкое сено. Сверху упал человек, но мгновенно вскочил на ноги, стряхивая сенную труху.

— Здоров бывай, барин! Я тебя сразу же по голосу распознал, но подумал, может, ты не один. В моем деле осторожность да выдержка надобны.

Ползунов стоял недвижим. То, что сейчас увидел и услышал, казалось сном или ошеломляющим видением. Перед ним стоял Селезень.

Ползунов смутно угадывал какую-то связь между появлением Селезния и побегом секретных колодников, о чем ему вчера при короткой встрече поведал Илья Хлопун. Но почему он здесь? «Работный люд бежит с рудников и заводов, чтобы укрыться в потаенной, недоступной глухомани. Появление же Селезния поблизости Барнаульского завода — сущая дерзость и безрассудство...»

Угадав думы Ползунова, Селезень вразумительно пояснил:

— Кто дальше и скопом убегает, того быстрее ловят, барин. Вот я и решил попытать счастье в одиночку. Казачьи разъезды рыскают вдали от заводов и рудников. Им и в голову не придет, что беглый колодник шастает под самым носом Христиани.

Селезень закатился затылком ухающим кашлем. Да так, что слезы выкатились из покрасневших глаз. Когда утихомирился кашель, с тревогой спросил:

— Не выдашь, барин, а?

Ползунов посмотрел на него недоуменно. Вместо ответа спросил:

— Кто-нибудь тебя здесь видел?

— Никто, кроме дочки Прихожева.

— Знает ли она, откуда ты?

— Нет. Я сказал, что рыбаку на протоке и попросил займы кое-какого провианта. Набила мне целую сумку.

— Не приглядывалась ли, как одет, чем приметен?

— Нет. Только вот про это спросила.

Селезень указал на расплывчатое черносинее клеймо на лбу, натертое порохом. Внутри неровного круга неотчетливо проступали начальные буквы Змеевского рудника «З. Р.»

— Сказал, что это следы ушиба при падении в шахте рудника, когда выполнял отра-

ботки. Такой же указной знак, барин, имеется на моей левой руке ниже локтя. Там буквы пояснее видать, зато не на виду, под рукавом.

— Ты должен знать, с какими подробностями расписываются в указах приметы беглых. Поймают, заставят тебя снять рубаху и увидят.

— Пошто, барин, не спрашиваешь, как я сумел бежать с рудника?

— Для чего мне то? Убежал — это одно. А вот как после того на воле остаться — другое. Поймают тебя — не увидишь больше света белого, земной благодати. Понимаешь?

— Понимаю, барин, очень хорошо даже, да вот пока еще не надумал умом своим, как надолго схорониться от властей... Все ж таки скажу тебе, барин, как я ушел. Не через убийство кого-либо, а через великое терпение и хитрость. Нас несколько таких было, что ножные и ручные железы не один месяц об острые каменные выступы втихомолку шоркали. Пока не толще бумажного листика в тех железках звено сделалось. А тут счастливый случай привалил — в наружные работы ночью выгнали. Темень — в двух шагах непроглядно. Тряхнул я железом и легкость непривычную в руках и ногах ощутил, беги — никто не догонит. А стражникам совсем невдомек, что я свободен, — другие-то колодники погромычивают своими железками. Всех нас было человек около ста, кое-кто еще — знал я это — бежать вознамерился. За рудные сараи мимо стражников на брюхе уполз. Там лошадь стояла. Неоседланная. К рассвету верст сорок отмерял. Лошадь бросил и пихтачами стал пробираться. Побегам черемши питался, провонял ею насквозь. Потом в крайние избы деревень осторожно стал заглядывать. Хоть и не в полном достатке, но все же добывал провиант. Мир не без добрых людей. Так вот и добрался до здешних мест...

Ползунов стоял в раскрытых дверях, щурясь от бокового света. В рассказе Селезния он не услышал ни горделивого бахвальства удалю, ни плаксивого сетования на судьбу. «Видно, только сильные духом люди могут говорить обо всем одинаково ровно. У Селезния выходит так, будто не в подземных потайниках, а в гостях у незнакомых людей побывал и, возвращаясь домой, малость сбился с дороги. Таким людям по плечу самые тяжелые испытания. Как же и чем помочь Селезнию? Справедливость обязывает меня к тому. Ради нее можно поступиться служебным долгом, пойти против присяги...»

— Вот что, Селезень, я уезжаю сию же минуту обратно. Пойдем на берег, отдам тебе свой провиант. Ты же останешься здесь. При-

хожевы скоро сюда не вернуться, коли угнали скот. Будь осторожен! Днем прячься на сеновале, оттуда можно видеть далеко. Что-нибудь постарайся придумать для тебя. Жди в воскресенье поутру.

На берегу протоки, прощаясь, Ползунов передал Селезню полоску холстины.

— Будешь выходить куда днем, перевяжи лицо так, чтобы знак на лбу закрыть.

Обнимая Ползунова, Селезень почувствовал, как неровно дрожит голос:

— Ты, барин, прости меня, истукана, что давеча в вопросе к тебе сомнение высказал.

Долго и мучительно думал Ползунов над тем, как помочь Селезню. Время шло, близилось воскресенье, а в его голове не рождалось спасительных планов. С кем-либо советоваться Ползунов считал рискованным. Даже Илье Хлопину не сказал слова, хотя знал — Илья скорее сам пойдет в змеевские потайники, чем выдаст чужую тайну. Ведь история с Селезнем могла обернуться по-всякому. Впутать в нее Хлопина означало поставить на карту его благополучие, служебное и семейное. Яков Беэр и вовсе ни по каким статьям не подходил в единомышленники.

На службе Ползунов стал сдержаннее в разговорах, озабоченнее. Не зная истинных причин такого поведения, Яков донимал назойливыми поучениями:

— Эх, Иван, Иван! Побывал в гостях у того хана Абака и сделался как лист в знойное бездожье. Сник и в трубочку свернулся. Ни на лице, ни в душе ничего не узнать! Сколько раз вразумлял тебя — никогда не тяни носом против ветра! Дались тебе эти перевозки руд водой!

Мысль, которую долго и мучительно искал Ползунов, осенила совсем внезапно. Как-то нечаянно глаз остановил внимание на листе добротной гербовой бумаги. На такой обычно писали документы поважнее и подолговечнее. «Пожалуй, единственное, чем могу помочь Селезню. Правда, не без риска, но иного способа не вижу. Зато один буду замешан в истории. А одного всегда труднее уличить в чем-либо...»

Несколько ночей подряд в квартире Ползунова почти напролет горели свечи. Хозяин вроде колдовал. Низко склонясь над столом, длинным и тонким острием ножа глубоко ковырял углубления в свинцовом кружке. Потом по ним выбирал канавки, тщательно зачищал. Так на кружке пролегли буквы, получилась печать. Ползунов смазал ее стойкими чернилами, приложил к обрывку бумаги. С нее глянул отчетливый оттиск — белые буквы на черном фоне — «Канцелярия Кольвановоскресенского горного начальства». Точь-точно такой, каким скрепляли строго деловые бумаги. Сейчас рядом не хватало лишь размашистой и с наклоном вправо подписи: «А. Беэр».

Быть может, в тысячный раз Ползунов по памяти выводил хорошо знакомую подпись. Она вроде удавалась. На своих местах стояли росчерки и закругления. Жирные нажимы плавно и без видимой фальши переходили в тонюсенькие линии-волоски.

Предстояло самое трудное. Почерк Ползунова знали многие, в том числе те, в чьи руки мог волею случая попасть документ. Нужно было изменить его так, чтобы самый строгий канцелярский придира не заметил бы сходства. Начертание отдельных букв, совершенно не похожих на ползуновские, удавалось поч-

Краткая летопись Барнаула

БОЙ С ГОЛОДОМ

20 июня 1920 г. в Сибири введена продразверстка. Доля Алтайской губернии составила 31 млн. пудов хлеба — треть сибирского задания. На продработку было направлено более 500 коммунистов, значительная часть их — из Барнаула.

26 ноября 1920 г. с агитпоездом «Октябрьская революция» в Барнаул прибыл Председатель ВЦИК М. И. Калинин. Он выступил с докладом в Народном доме о продовольственном положении страны и необходимости усиления темпов продразверстки.

В июле 1921 г. создана губернская комиссия помощи голодающим Поволжья, а также уездные, волостные, городские, сельские комиссии. Повсеместно начался сбор средств.

18 сентября 1921 г. состоялся общегородской воскресник в пользу голодающих Поволжья.

В июне 1922 г. в губернию прибыло 6 тысяч детей из Поволжья.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

**Беседа с первым секретарем
Барнаульского горкома КПСС М. М. СИДОРОВЫМ**

Во время подготовки к юбилею Барнаула в печати появлялось много публикаций, посвященных истории краевого центра. Для пропаганды пути, пройденного барнаульцами за годы Советской власти, многое делают музеи, комнаты и уголки боевой и трудовой славы на предприятиях, в учебных заведениях. Нынешний облик города, содержание его жизни — на глазах у всех его жителей. Теперь хотелось бы заглянуть в день грядущий, дать барнаульцам и всем жителям Алтая представление о будущем нашего города, нарисовать картину ближайших и более отдаленных перемен в нем. С этой целью редакция альманаха «Алтай» обратилась к первому секретарю Барнаульского городского комитета партии Михаилу Марковичу Сидорову с просьбой ответить на несколько вопросов, связанных с этой темой.

Вопрос. Хотелось бы знать прежде всего о масштабах будущего. Сейчас, как известно, в Барнауле живет около 600 000 человек. Как будет расти население дальше, чем оно будет заниматься?

— Численность населения нашего города в последние годы росла несколько быстрее, чем рассчитывали проектанты, разработавшие генеральный план города в 1964 году. Стоит отметить, что рост произошел за счет так называемых градообразующих кадров, то есть людей, привлеченных к труду на промышленных предприятиях. Удельный вес этой группы населения увеличился с проектовых тридцати двух до тридцати девяти процентов. Дальше будет происходить следующее. Население города к 1985 году вырастет до 650 тысяч человек, к 2000 — до 800 тысяч. Но при этом трудовая его структура изменится: больше чем сейчас людей будет занято в сфере обслуживания. Удельный вес градообразующей группы снизится. Что это значит?

Свежи в памяти горожан огромные строительные площадки, на которых возводились корпуса совсем новых промышленных предприятий или новые корпуса старых, действующих. Росли такие химические гиганты, как комбинат химического волокна, шинный завод. Развивал мощности и стал ведущим в своей отрасли Алтайский моторный. Неузнаваемыми стали и другие предприятия машиностроения. Расширяясь, они требовали все новые и новые кадры. Ныне генеральным направлением становятся реконструкция и техническое перевооружение на имеющихся производственных площадях. Дальнейшая механизация и ав-

томатизация производственных процессов позволит высвободить часть рабочих в таких отраслях, как машиностроение и металлообработка. И прежде всего в них все меньше и меньше будет использоваться женский труд.

Большой чем теперь процент населения будет занят в сфере обслуживания, потому что вырастет сеть детских учреждений, предприятий торговли, бытового обслуживания, учреждений культуры и им потребуются дополнительные кадры. Процесс этот закономерен: чем выше уровень цивилизации, тем больше специалистов трудится в сфере обслуживания.

Вопрос. А теперь о том, где, что и как будет строиться. Каким мы увидим город, как говорят, в обозримые сроки?

— Разговор о будущем предполагает если не мечтательный характер, то некие романтические нотки. Любому человеку свойственно думать о будущем с приподнятым настроением. Не лишен такой «слабости» и я, так же, как и другие, влюбленный в свой город и желающий видеть его как можно быстрее прекрасным во всех отношениях. Но положение и жизненный опыт обязывают придерживаться реальных позиций, строго следовать конкретным фактам. Всему свое время. Потому постараюсь дать читателям прежде всего возможно больше точной информации. Остальное будет зависеть от способности каждого вообразить, увидеть, пофантазировать. Почвой для этого служат проекты уже утвержденные или находящиеся в стадии разработки, развивающаяся материальная база строи-

ти безукоризненно. Однако стоило их связать в цепочку, в одно слово, как нарушалось однообразие письма. Рядом с ровными и округлыми соседствовали вытянутые и острые, с зазубринами буквы. Неровными и неодинаковыми были наклон букв и высота строк. Это тоже не годилось: могло вызвать подозрения.

После долгих проб Ползунов избрал наконец округлое написание букв, без наклона. Такое письмо выглядело натуральнее. В ночь перед воскресеньем на гербовую бумагу легли строки спасительного документа — отпускного билета. Он выдавался тем, кто по болезни или старости признавался непригодным к горнозаводским работам. Мастерские и рабочие люди эту заветную бумагу во сне видывали: с нею обреталось право на вольное поселение. Живи, где хочется! Занимайся, чем угодно: землю ковыряй, рыбу лови, зверя бей! И никаких, считай, над тобой начальников. Правда, билет настрого предписывал отпускникам «...никого не обижать, ссор и драк не начинать, содержать себя в чистоте, бороду брить, платье носить немецкое, по миру и рынкам не шататься, милостыни не просить...»

Ползунов прочитал написанное, улыбнулся. Слишком невесомым показалось назидание, исходившее от лица начальства: вряд ли какой отпускник желанную волю предпочел бы вредному задиральству или чему другому, прописанному в билете.

Селезень сидел на берегу протоки. Темная полоска на воде — тень от удилища стала совсем коротенькой. Был полдень, а Ползунов не появлялся. Селезень невидящими глазами смотрел на воду и совсем, казалось, не замечал, что лесу отнесло течением. В другое время сразу догадался бы, что окунь или щука в жадной поклевке оторвали крючок вместе с грузилом.

«Почему же так долго нет его?..» Тревожный вопрос возникал все чаще и чаще. От невозможности точно ответить на него Селезень охватило смятение. Он мысленно старался найти причины задержки Ползунова, но ни в одной из них не утверждался. Однако при всем этом у Селезенья и отдаленно не мелькнула мысль, что Ползунов не сдержит своего слова. Случись такое — и у Селезенья навсегда утратилась бы вера в человека и в смысл самой жизни.

Лодка неожиданно вынырнула из-за берегового мыса. Она шла против течения. Вскоре лодка с шорохом и скрежетом причалила к берегу. Ползунов передал Селезенью груз.

— Извелся, поди-ка, ожидаючи?

Селезень ответил как можно спокойнее и увереннее:

— Зачем же так-то? Очень понимаю: раз задержка выходит — значит, не без причин. За то, барин, спасибо, что слова не нарушил, приехал.

Без излишних рассуждений Ползунов перешел на деловой тон в разговоре:

— Бери. Это отпускной билет. Обозначено в нем, что увольняется от работ по причине непригодности из-за застарелой болезни поясницы и ног Илья Семенов сын Крохалев, отроду сорока двух лет. Кто тебе билет дал — не должен говорить никому.

— Не скажу, барин, будь спокоен! Под самыми страшными пытками не скажу!

— Из этого пузырька не раз плеснешь на клеймо, разотрешь до боли и покраснения кожи, снова плеснешь, приложишь кусок сырого мяса, холстиной завяжешь. Постепенно порошок вытянет из кожи, останется красное пятно, как от ожога. Возьми мясо, храни его в сырой прохладной земле или песке, чтобы не испортилось. В узелке одежда, какая полагается, и бритва. Зеркала — нет. В спокойную воду смотришься. Провианту тебе на неделю и полтину денег на всякий случай. Понял?

— Понял, барин!.. Спасибо тебе! Кто другой разве сделал бы для меня такое? Ежели случай подвернется для тебя что сделать — головы не пожалею!

Лицо Селезенья посветлело от широкой улыбки. Нельзя было не поверить его искренности. Ползунов положил руку ему на плечо:

— Душа твоя — клад! От того и пекусь, чтобы не погибла понапрасну. Слушай дальше. Немедля надлежит тебе пойти в верховья Чарыша. Места там обильные и укромные. Осядешь где-нибудь на жительство. Протянешь года три—четыре, дальше видно будет. Не ровен час, за это время, может, повстречаемся. Ну, с богом и с удачей тебя! Мне пора в обратную.

— Постой, барин, — остановил его Селезень. — Одно разрешение попрошу у тебя — позволь задержаться здесь на несколько дней.

— Зачем это?

— Долг с меня причитается.

— Кому?

— Самому Христиани!

Поняв, куда клонит Селезень, Ползунов сухо и строго отрезал:

— Не вздумай глупости творить! Не разрешаю!

— Что ж, быть так, как ты велишь, барин! Не могу ослушничать. Ну, прощай!..

Лодку, не подгоняемую веслами, медленно несло течением. Изредка ее прибывало к берегу или на мель. Тогда Ползунов брался за

весла, долго еще чувствуя боль в правой руке, — так крепко стиснул ее Селезень на прощанье.

Как-то Илья Хлопин заглянул в гиттеншрейберскую после обеденного роздыха. Такого раньше не случалось. Немое оцепенение сковало Ползунова. Илья, как ни в чем не бывало, шумно поздоровался и тотчас выразил удовлетворение отсутствием Якова Беэра, который принимал руду в заводском дворе.

— У меня сегодняшний день — сплошные удачи! Первая та, что до ухода на службу побывал на Оби и с переметной снасти снял полупудового осетра. Вторая и, думаю, не последняя — тебя застал в полном одиночестве. Идучи сюда, того желал больше всего.

— Ты, Илья, одни загадки задаешь. И сейчас в толк не возьму, к чему клонишь в посторонних словах.

— Совсем без загадок, а с добрыми вестями к тебе. Иного времени, как сейчас, не имею. А вести такие, что не сказать тебе терпения нет!

— Коли так, чего тянешь, безвестностью душу прожигаешь?

— Вот про это ты зря. Нельзя же прямо с порога брякнуть то, с чем пришел. А теперь слушай! Сегодня сам Беэр подмахнул указ из канцелярии комиссарскому правлению о списании в расход со всех учетов подозрительной трубки. Пятнадцать рублей с тебя долой!.. Ну, каково? Выходит, не мимо ушей твоих такая весточка. А вторая и подавно!

Единственный раз за весь летний день в гиттеншрейберскую заглянуло солнце, минуя угол фабрики и рудные кучи. Светлели, теплились легким дымком стены, набухшие от сырости. Обычно в такой миг Ползунов улыбался, мягко щурил глаза, радуясь солнцу. Сегодня же само солнце не тронуло его лица. Он смотрел на друга широко раскрытыми и немигающими глазами вопросительно и недоуменно, бессильный угадать, о чем пойдет разговор. Солнце высвечивало сияющее лицо Хлопина.

— Поздравить тебя, Иван, надобно! Дай же руку! Вот так!

В голосе Хлопина затрепетали торжественные нотки. Ползунов вспомнил, что так не раз говорили с церковного амвона отец Василий и другие священнослужители.

— Отныне и вовеки нет гиттеншрейбера Ивана Ползунова! Есть унтершихтмейстер Ползунов! Да, да унтер-шихт-мейстер!

Ползунов не успел сообразить, шутка или правда коснулась его ушей, как оказался оторванным от земли в крепких объятиях друга. Освобождаясь, бросил упрек:

— Все-таки не годится так, Илья! Наверняка раньше знал, что такое затевалось.

— Знал, что ты и Яков Беэр представлены к новому чину. А вдруг представление начальства в Петербурге не уважили бы? Излишние переживания для тебя совсем не нужны. Теперь все на месте! Мое время вышло, Иван. До свидания...

На другой день обоих гиттеншрейберов вызвали в канцелярию. Генерал Беэр в парадной

Краткая летопись Барнаула

...С ВЕКОВОЙ ТЕМНОТОЙ

3 марта 1920 г. издан приказ губревкома о ликвидации неграмотности среди взрослого населения Барнаула. Школы и пункты ликбеза были открыты на каждом предприятии, учреждении. К 1926 г. процент грамотности в городе поднялся до 58,2.

16 марта 1920 г. открыты курсы красных учителей.

В апреле 1920 г. в Барнауле работали 33 начальных школы. В них обучалось 2000 детей. На десятилетия был один учебник.

17 августа 1921 г. открылся рабфак от Томского госуниверситета. В первый год на нем училось 155 человек, из них 62 рабочих, 83 крестьянина.

1 октября 1921 г. начались занятия в педагогическом техникуме.

27 ноября 1921 г. спектаклем «Трильби» начал работу государственный театр драмы.

В 1922 г. объединение барнаульских писателей «ЛИТО» выпустило сборник рассказов и стихов «Сноп», передав весь гонорар в пользу голодающих Поволжья. В «ЛИТО» начинали творческую деятельность А. А. Караваева, А. Л. Коптелов, Г. М. Пушкарев, И. А. Мухачев. В разное время в Барнауле работали И. И. Тачалов, А. С. Новиков-Прибой, Е. Н. Пермитин, С. П. Залыгин и др.

форме выглядел торжественным, нарядным. Сам зачитал указ кабинета ея величества. Христиани, другие канцелярские начальники вместе с гиттеншрейберами стояли навтыжку, не шелохнувшись. Беэр читал умышленно медленно и торжественно, делая ударения на словах указа: «за радение, любознательность и непорочность в службе... за уповательные надежды в оном на предбудущие времена... наградить унтершихтмейстерскими чинами и жалованьем против гиттеншрейберского двадцатичетырехрублевого по тридцати шести рублев в год...»

Генерал Беэр заключил собственными словами:

— Помните, господа унтершихтмейстеры, впереди вас ожидает низший чин горного офицера-шихтмейстера со всеми привилегиями. Успеха вам в службе!

Генерал пожал руки вновь произведенным. Сейчас Ползунов впервые разглядел высокого начальника по-настоящему. Подметил полноту лица, болезненную до одутловатости, набрякшие мешки под глазами. «Видно, вся сила генерала во власти, данной ему...»

Потом приводили к присяге. Ползунова — в церкви Петра и Павла, Якова Беэра — у лютеранского пастора.

Торжественно-напыщенное посвящение в унтершихтмейстеры чем-то напоминало напутствие перед дальней дорогой с неведомыми трудностями. И идти по ней следовало только вперед и прямо. Шаг назад мог стоять больших и непредвиденных неприятностей. От этих мыслей на душе становилось тревожно и холодно.

Первые дни ничего не менялось в положении вчерашних гиттеншрейберов. Те же записи, отупляющие мозг, с утра до вечера. Та же неуютная гиттеншрейберская. Через некоторое время, однако, стало известно, что Яков Беэр поедет на Змеевский рудник для прохождения практики горного дела. Предстоящая поездка мало радовала его.

— Как же получается? Писали рапорт вдвоем, скрепляли двумя подписями, а ты, Иван, остаешься при гиттеншрейберских записках. Не годится так-то!

Ползунов молча и неопределенно пожал плечами. На душе скверно-прескверно, вроде бы кто незаслуженно обделил его. Он прекрасно знал, что Яков Беэр совсем не дерзал в в горном деле, служил предметом постоянных замечаний и нападок Христиани по службе. И вот итог: Якову долгожданное назначение, одному ему! Конечно, нет у Ползунова такой высокой руки — сам генерал Беэр, шутка ска-

зать! Но от этой мысли не было облегчения. Наоборот, еще темнее становилось на душе. Выходит, не идет в зачет ни прилежание, ни старания, ни дерзания Ползунова.

— А хочешь, Иван, я не поеду без тебя! Вместе просились, вместе и поедем!

Ползунов горько и молча усмехнулся:

— Как же это так?

— А вот увидишь! Сказал, значит, сделаю!..

Поздним вечером черной, бесшумной тенью в гиттеншрейберскую вошел Христиани, как обычно, сухо поздоровался. Но не сел, однако, на стул и не стал проверять записи в журналах. Это свидетельствовало о скоропалительности визита.

— Унтершихтмейстер Яков Беэр, завтра утром сдайте ваши записи начальнику комиссарского правления. Он же примет от вас наличие руд и припасов. После того зайдете в канцелярию и получите предписание начальнику Змеевской рудной конторы Эйсфельту о прохождении вами обучения практике горного дела. Срок будет определяться вашими успехами.

Христиани смолк. Воцарилась тишина. И чем дольше продолжалась она, тем становилась тягостнее. Христиани полагал услышать что-нибудь в ответ. Постепенно его лицо вытягивалось от удивления. Он не слышал слов благодарности, частых и восторженных. Яков Беэр упорно молчал. Лишь выражение его лица выдавало, что он усиленно подбирает нужные слова.

Христиани резко повернулся, направляясь к двери.

Тогда Яков Беэр, словно спохватившись, остановил его:

— Высокородный господин ассессор! Благодарствую за назначение. Но почему унтершихтмейстер Ползунов оставлен при прежней должности? Изъявляли желание ехать вдвоем. Еду же я один.

Ползунов заметил, как передернулся Христиани. На его лице появилось смешанное выражение гнева и злой иронии. Он не сказал, а прохрипел в ответ слова, от которых сразу же убавился наступательный порыв Якова Беэра:

— Будь моя воля, я вас не послал бы совсем!

И тотчас вышел. Так хлопнул дверью, что от стены гиттеншрейберской отлетел кусок штукатурки, часто замигал настольный фонарь. Яков Беэр весь как-то съёжился, словно в ожидании неминуемого удара.

Ползунов испытывал сейчас смешанное чувство жалости и удовлетворения. Ведь только что Христиани не назвал вместо Якова

Беэра имени Ползунова. Это ободряло. И вместе с тем на Змеевский рудник поедет все-таки не он, Ползунов, а Яков Беэр.

— Слышишь, Яков, а ты ведь так и не сказал Христиани, что не поедешь один... Ну да ладно, успокойся! Начальству виднее, кому ехать, а кому оставаться и торчать здесь. Завтра я тебя могу не увидеть, а если и зайдешь сюда, то с Аболтиным. Давай лучше попросимся сегодня, без свидетелей! А?..

Немного дней спустя Христиани вызвал к себе в кабинет Ползунова. Сухо, но вежливо усадил в кресло:

— Садитесь, унтершихтмейстер. Вот сюда, поближе!

Христиани продолжал стоять, выказывая тем уважение к собеседнику. Заметив это, Ползунов вскочил было на ноги. Христиани с неудовольствием махнул рукой:

— Ну что там еще! Сидите, коли вас посадили!

Сосредоточенное выражение лица Христиани показывало Ползунову, что предстоит важный разговор. Но мог ли он предполагать, что ассессор начнет с таких лестных для него слов:

— Дошла и до вас очередь, унтершихтмейстер, покинуть Барнаульский завод. Скажу откровенно — жаль отпускать такого человека, как вы. Ничего не поделаешь!

Христиани на мгновение прервался, затем торжественно, с подъемом произнес одно слово:

— Служба-с! — И продолжил после красноречивой паузы. — Человек с вашим прилежанием и способностями нужен в другом важном для нас месте. Туда не пошлешь Якова Беэра или кого другого, кроме вас!

Ползунов чувствовал, как лицо и шею обжигала горячая краска.

— Вы, видимо, догадываетесь, о чем пойдет речь. — Христиани словно не замечал, какое воздействие оказывает разговор на Ползунова. — Вы подали мысль о перевозках руд водой. Ездили на розыски подъездных путей от рудников к пристаням. Вам и надлежит сейчас возглавить строительство пристаней, чтобы без помешательства обеспечить рудные плавки на заводах. Ну как?

Христиани смолк, ожидая ответа. Его предложение льстило Ползунову. Приняв его, Ползунов становился самостоятельным начальником, присяжным человеком. К черту канцелярию! Не нужно больше корпеть над гиттеншрейберскими записками, быть на положении чуть ли не мальчика на побегушках.

— Я согласен, высокородный господин ассессор.

— Хорошо! Я не ожидал от вас иного ответа.

Христиани достал из стола тетрадь, испиленную мелким, убористым почерком.

— Прежде хорошо изучите инструкцию. И немедля — в путь.

Склонением головы Христиани дал понять, что аудиенция закончена, а со всеми вопросами можно обратиться к нему дополнительно, лишь подробно ознакомившись с инструкцией.

После сдачи гиттеншрейберских записок Ползунову два дня отводилось на изучение инструкции, получение необходимых припасов, провианта. Предстояло ехать туда, где весной он наметил построить селения. Наперво — ниже урочища Красный Яр, на Чарыше, построить пристань, которая получит название

Краткая летопись Барнаула

12. ГЕРОИКА ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

В 1928 г. построен канифольно-терпентинный завод. Уже в 1930 г. он стал одним из главных в стране поставщиков канифоли и терпентинного масла, покупавшихся до этого за границей.

Вступил в строй завод металлоширпотреба.

В 1929 г. на базе железнодорожных мастерских создан вагоноремонтный завод.

В августе 1930 г. открыто педагогическое училище.

В 1933 г. открыт учительский институт, первое на Алтае высшее учебное заведение (с 1941 г. — педагогический институт).

21 июля 1932 г. состоялась торжественная закладка первой очереди меланжевого комбината. Строительство его стало всенародным. Только за 20 месяцев трудящиеся города отработали здесь 28500 человеко-дней. 6 августа 1934 г. вступила в строй прядильная фабрика, 1 сентября — ткацкая. В этот день лучшая ткачиха комсомолка Аня Яковлева сняла со станка первый рулон ткани, выполнив три дневных нормы.

Красноярской. Инструкция определяла Ползунову получить в комиссарском правлении судно или шербот, со всеми снастями и парусом к нему и плыть на место. К управлению рулем судна назначался барнаульский плотник Петр Бадьин, гребцами — шесть солдат местной воинской команды. Предписывалось ехать Ползунову до деревни Усть-Локтевки. Там команда дожидалась генерала Безра, который ехал для освидетельствования новых мест. Затем путешествие надлежало продолжить на обывательской лодке.

В инструкции Ползунов познакомился с широким кругом обязанностей, которые возлагались на него. Основные из них были: записи о приеме руд, судовое хозяйство, откомандирование больных, неспособных к службе работников, постройка новых судов, снабжение команды всем необходимым, денежные расчеты, руководство сплавом груженых судов, разбор и определения по мелким преступлениям подчиненных...

Да мало ли дел, непредвиденных и не встречавшихся ранее, предстояло теперь решать Ползунову?

Ползунова захлестнули повседневные заботы присяжного человека. На новом необжитом месте пришлось сначала заняться и вовсе непривычным делом: строить жилье для себя и команды, для крестьян, приписанных на поселение при Красноярской пристани, а также суда и рудные сараи, пристанские строения и казенные светлицы.

Все лето Ползунов прожил в палатке. Днем и ночью около нее стоял усиленный караул. Ползунову часто приходилось рассчитываться за работу и припасы, привезенные крестьянами. Для того требовалась разменная монета. Две бочки, наполненные ею, стояли опечатанными в палатке. Караул состоял из четырех солдат. Каждый из них, прежде чем стать на пост, принимал клятвенное обещание. Во время несения службы солдатам настрого запрещалось разговаривать, приближаться друг к другу. Все было предусмотрено, чтобы у солдат не появилось дерзкого соблазна, чтобы они службу несли беспорочно и исправно.

Дни у Ползунова так заполнялись делами, что не оставалось ни минуты свободного времени. Стоило чуть отвлечься, хоть даже мысленно, как тотчас неслись слова докладов:

— Ваш благородь! Куда прикажете сваливать привезенный лес?

— Ваш благородь! Бийские крестьяне привезли провиант!

— Ваш благородь! Какой крутизны гнуть носовые шпангоуты для судов?

Вопросов, на которые необходимо было дать ответы немедленно, за день набегало не один десяток.

Поздней осенью Ползунов вселился в готовый дом. Он состоял из обширной горницы, отделенной перегородкой от черной избы, служившей кухней. Восемь окон со ставнями располагались так, что солнце, пока светило, не уходило из дома. Печей в доме имелось две: простая и железной вышкой в трубе. Внутри дома навешены семь дверей, во дворе — три. С северной стороны к дому прилажены просторные сени и чулан или кладовая.

Деревни на Чарыше являлись пограничными. Ползунов построил на Красноярской пристани караульную избу и сарай из необмазанного плетня. Сооружения, рассчитанные не на длительную оборону. Тем не менее Ползунов полагал, что с их помощью удастся сдержать неприятеля в несколько раз большего по числу, чем гарнизон пристани.

Помимо строительства и множества хозяйственных дел, Ползунову поручалось управление подчиненными людьми, поддержание должного порядка среди них. Поэтому он вершил суд над виновными и наказывал их. И делал это с великими колебаниями души: за каждым его действием в надежде на справедливость внимательно смотрели живые люди.

По неопытности Ползунову приходилось много думать над выбором правильного решения по тому или иному проступку. Он долго вчитывался в корявые строки жалоб, вызывал истцов, ответчиков, свидетелей, с каждаго отбирал письменные объяснения под страхом клятвенных обещаний.

А дела попадались всякие: и сложные, и немудрящие, заставляющие то удивляться, то гневаться, порой даже смешные — словом, самые разнообразные житейские дела.

...Пятеро крестьян поставлены были возить с лесосеки лес на строительство пристани. Снег в ту зиму выпал рано, глубокий и плотный. Крестьяне ехали до лесосеки намного дольше обычного. У них прежде времени закончился провиант. Евсей Бугров, веселый и здоровый мужик, стал подшучивать над товарищами:

— А что, Андрюха, поел бы ты сейчас доброй говядины, истушенной в масле, с ситным хлебом и запил бы кваском! А?..

— Тебе, Иван, как я погляжу, самое по вкусу гусь жареный с гречневой кашей.

Вначале товарищи слушали Евсея молча. Потом, когда тот начал досажать, зло прыцкнули:

— Перестань душу изводить! Без тебя тошно! Слышишь?

Вечером Андрей Загородников увидел, как Евсей Бугров тайком раскрыл сумку, извлек харч и съел. После того, как ни в чем не было, подошел к работающим товарищам и принялся снова травить рассказами о вкусной пище. Андрей Загородников обрезал Евсея:

— Перестань! Сытый голодному не товарищ. Лучше поделился бы харчем.

Евсей вспылал:

— Чем делиться-то! Сам опояску на животе, как супонь на хомуте, затянул! — И совсем миролюбиво добавил: — Время уже идет на ночлег.

Пошли в землянку, разожгли печь, занимавшую половину ее. Евсей затеял снова разговор:

— Вот бы хмельного сейчас испить! Землянка сразу в царский терем превратилась бы. Эх, да где наша не пропадала! Давай сюды ко мне, ребята!

Евсей достал из сумки объемистый глиняный кувшин с узким горлышком.

— Смотри-ка, он не шутит, взаправду!

Андрей Загородников первым протянул руку с жестяной кружкой. Убрал ее, когда бульканье стало глухим. Выпил единым махом, растирая рукавом губы. Потом каждый по очереди.

— От-то здорово Евсей сделал!

— Зажгло, вроде бы потроха на печку вернули!

— Вот хорошо бы сейчас какого-нибудь харчу пропустить!

Евсей тотчас и участливо отозвался:

— А что, можно попытаться! У меня ружьишко есть. Пока не совсем темно. Я, братцы, мигом вернусь. Огонь в печи держите!

Минут через тридцать вернулся Евсей, довольный и улыбающийся, с двумя свежими лытками в руках. Весело сказал:

— Ну, вот и мясо! Давайте-ка на угли посадим! Вначале посолим малость! Молодая коза, пальчики оближешь!

Теперь пили смелее и заедали непрожаренным мясом. Ели с жадностью. В землянке стоял хруст костей, громкое чавканье. Все наперебой хвалили Евсея:

— Ну ж удружил, Евсеюшка!

— Как Христос, одной просвирой накормил толпу страждущих!

— Сто грехов тебе отпустится, Евсеюшка!

— Шутка ли: от голода спас, души хмельным развеселил!

Легли спать далеко за полночь. На другое утро проснулись поздно. Головы болели от выпитого с вечера. В обратный путь собирались с неохотой и медленно. Каждый сейчас думал о том, как быстрее избавиться от хмельного угара. Первым выехал на узкую дорогу Андрей Загородников. Не успел отъехать и десяти сажений, как остановил лошадей: «Тпру-у!».

Мужики заворчали. В глухих, скрипучих голосах слышалось недовольство.

— Чего там еще? — спрашивали они у проходящего в конец обоза Андрея.

— Как же так я про Шайтана позабыл! Шайтан! Шайтан! Иди сюда!

Краткая летопись Барнаула

В 1935 г. вступила в строй обувная фабрика.

1 октября 1935 г. ткачиха меланжевого комбината Александра Козлова перешла работать с 8 станков на 24, положив начало стахановскому движению на Алтае.

Уже к 1 ноября 1935 года в Барнауле насчитывалось 458 стахановцев и 15 тысяч ударников. В 1940 г. более 40 процентов рабочих города были стахановцами.

28 сентября 1937 г. Барнаул стал центром вновь образованного Алтайского края.

12 декабря 1937 г. состоялись первые после принятия новой Конституции выборы в Верховный Совет СССР. От Барнаульского городского избирательного округа была избрана лучшая стахановка меланжевого комбината комсомолка Е. А. Рудакова.

В 1940 г. организовано Алтайское отделение Союза художников РСФСР.

К концу 1940 г. выпуск промышленной продукции в Барнауле в 40 раз превышал уровень производства предоктябрьского периода.

На 1 января 1941 г. в Барнауле проживало 172180 человек, из них в промышленности было занято 24300 человек.

Продолжение летописи на стр. 65.

— Поехали! Чего раскричался! Не придет твой Шайтан, — пояснил Евсей.

— А тебе кто такую весть принес?

Усмехаясь в бороду, Евсей передразнил:

— Кто-кто!.. А кто вчера от пуза мясо ел? Ты наперво! Так вот вчера и съели задок твоего Шайтана! И никто не подавился! Понял? Остаток Шайтана в шкуре на съедение волкам да лисам в лесу валяется.

Мужики переглянулись. Каждому из них сейчас показалось, что изо рта несет псиной. Однако драться Андрею с Евсеем они не позволили. Садясь на бревно, Андрей со злостью в голосе сказал:

— Не думай, что так оставлю твою шутку!

Ползунов допрашивал Андрея Загородникова:

— Как же вы не узнали, что ели собаку? Видать, пьяны были?

— Точно, ваш благородь, выпимши были в немалой мере! Как говорят, водка из человека двенадцать болезней выгоняет, а тринадцатую — душу!.. Э-эх, Шайтан, Шайтан!

— Чем же твой пес отличался от других собак, коли ты так убиваешься по нему?

— Как же, ваш благородь, такого пса не пожалеешь? Весной, когда шабаш от заводских работ выпадал, с Шайтаном медведя из берлоги подымал или на завертах подстергал. Шайтан, царство ему небесное, рабочий пес был. Медведя за штаны уцепит, а я тем мигом рогатиной или из ружья его, когда заряды были! Через то имел в немалом достатке пропитание мясом. Обидел меня, ваш благородь, Евсей — и крепко!

— Правду говоришь ты? Может, цену набиваешь Шайтану?

— Истин крест! Сущую правду говорю! — Загородников широко перекрестился, пытаясь стать на колени.

— Перестань! Тебе здесь не церковь! Кто может подтвердить твои слова о Шайтане?

— Вся деревня, ваш благородь! Прохор Наседкин, Иван Звягин, Зот Поднебесный!

— Ладно, ступай!..

По делу о съеденном псе Ползунов вынес определение: крестьянина Евсея Бугрова подвергнуть наказанию — двадцать пять плетей. Да еще взыскать с него в пользу потерпевшего три рубля денег. Жители Красноярской пристани одобрительно отозвались на приговор:

— Поделом ему!

— Не будет насмешничать!..

Весна в тот год выдалась дружная. Быстро лысели прибрежные крутолобые яры. В логах немолчно и бурно звенели ручьи, торопливо сбегали в Чарыш. В самой малой скоро-

сти снег растаял на открытых местах и оставался лишь в глубоких логах да в тени причерных кустарников. В небе все чаще плыли караваны перелетных птиц, оглашая криками просыпавшуюся землю. Лед на Чарыше с треском выпирало.

Однажды ночью жителей Красноярской пристани разбудил грохот, похожий на взрыв. Поутру они поняли причину грохота. На речной зыби качались, поблескивали на солнце изломами прозрачные льдины. В тонком звоне слышалась таинственная радость весны.

Ползунов с нетерпением ждал конца ледохода. На третьи сутки по реке поплыли остатки мелкого льда, или сала. Люди торопливо спускали на воду со стапелей коломенки, построенные за зиму, крепко швартовали их канатами к берегу. Не умолкая, от зари до зари, кипела работа на берегу. Время не ждало. Плотники налаживали широкие трапы, как двум человекам разойтись, с нашивными ограждениями по бокам. Возчики сваливали последние возы с рудой в сараи.

За зиму Ползунов полностью обеспечил всем необходимым водные перевозки руд. Предстояло загружать коломенки рудой.

Какую же дневную норму установить для грузчиков? От рудных сараев до коломенок двадцать сажень. Сколько же можно сделать ходок от сараев к коломенкам с рудой весом в два с половиной пуда?.. Ползунов долго думал, подсчитывал. То у него выходило восемь, то десять ходок за час. Умножал на количество рабочих часов в сутки. Получались разные результаты, не удовлетворявшие Ползунова. Тогда он решил устроить опытный хронометраж. Работник в сарае засыпал мешки с рудой. Другой в течение часа носил и ссыпал из них руду в коломенку. В среднем работник сделал восемь ходок в час. «В первый час работник перенесет два с половиной пуда. Умноженные на восемь, они дадут двадцать пудов. Во второй — меньше, в третий — того меньше. За двенадцать часов работы, предположим, в среднем получится пятьдесят ходок. Дневная выработка грузчика составит сто двадцать пять пудов руды. Итак, норма сто пудов на день вполне посильна». Ползунов понимал, что однообразная работа утомляет человека и потому несколько снизил выработанную опытным путем норму.

Все коломенки сразу могли поднять пятьдесят тысяч пудов руды. «Таким образом, — думал Ползунов, — сто человек работников в состоянии загрузить имеющиеся в наличии коломенки за 7—10 дней».

Работа сначала не клеилась. От того, что под погрузкой стояли две коломенки, грузчики, успев ссыпать руду, встречались на трапе

с другими, шедшими за тем же. Поневоле создавались пробки и простои в работе. Тогда Ползунов приказал вырубить кусты на берегу Чарыша и построить причал еще для двух коломенок. Работа сразу же пошла дружнее и податливее. К исходу второго дня Ползунов подсчитал, что время, затраченное на устройство нового причала, компенсировано вдвойне. Дня через три от пристани отчалил первый караван судов на Барнаульский завод.

Стояли погожие ночи. Щедро подсвечивала луна. Ползунов решил использовать благоприятное для погрузки время. Последовал его приказ увеличить рабочий день на два часа, а после, когда загрузят суда, уменьшить его на столько же и сделать десятичасовым.

Ранним утром Ползунов завтракал в своем доме. Завтрак был холостяцким и состоял из холодного жареного рябчика. Не успел Ползунов покончить с едой, как вошел целовальник Никифоров, из местных крестьян.

— Грузчики, ваш благородь, отказываются работать по четырнадцать часов в сутки! Сидят, сучьи дети, не робят!

— Как же это так! Договорились ведь!

— Так точно, отказываются, ваш благородь! Сказывают, нет резона на два часа в день больше робить, потому как вас могут завтра убрать, новый же начальник скажет: «Я ничего не знаю» — и заставит опять робить по четырнадцать часов в сутки. А воду мутят, ваш благородь, Спирька Ермаков да Васька Кочетов, приписаны к работам из Бийской крепости.

Ползунов порывисто вскочил с места, начал хватать обмундировку.

— А ну пошли, Никифоров! Да, вот что! Пока я одеваюсь, зайди к воинскому начальнику, чтобы выслал солдат при оружии.

С караваном судов по вешней воде Ползунов думал приплыть в Барнаульский завод. Первая ходка должна была показать начальству благополучие предприятия, в чем сам Ползунов никогда не сомневался. Были прямые основания к тому, что и на будущие времена не последует каких-либо осложнений или препятствий в перевозках водой. Запасов руд на пристани, считай, хватит на весь сезон. Ползунов в точности выполнил наказ Христиани о строительстве укреплений. Опоясал ими пристань по суше. На караульных вышках дено и ночью дежурили солдаты. И теперь вдруг Ползунова обожгла мысль, что царство порядка, которое он так старательно создавал в течение зимы, зашаталось.

У рудных сараев на берегу в тесные кучки сбились грузчики, засыпщики. Среди них шел сдержанный приглушенный разговор. Которые стояли на берегу, бросали каменные плитки в

воду. Те, ударяясь о поверхность воды, со звоном отскакивали. Сколько раз плитка коснется воды, прежде чем утонуть, столько считалось «испеченных» блинов.

Появление Ползунова с солдатами вызвало растерянность среди работников. Одни поспешно хватили мешки с рудой, бежали к коломенкам, другие укрывались в рудных сараях. Ползунов сделал вид, что не замечает переполоха среди работников. Как ни в чем не бывало Ползунов с солдатами расселись самым мирным образом на круглый лес, оставшийся после строительства. Закурили, завели непринужденный разговор. Мало-помалу исчез переполох среди работников, и когда настало время малого роздыха, они стали прекращать работу, нисколько не подозревая об истинной цели появления Ползунова с солдатами. Громко, чтобы слышно всем, Ползунов крикнул:

— Подойдите ближе, работные! Слушайте меня неукоснительно! Робить будете впредь сегодня без трех малых роздыхов. За это время надлежит вам выполнить упущенную работу из-за вашего нерадения и лености, допущенных перед этим! Откуда такой слух пополз, что впредь будете робить по четырнадцать часов в сутки? Погрузим суда и будем робить шесть дней по десять часов в сутки! Об этом раньше договорились. Понятно?

— Оно как не понять, ваш благородь! Только по-всякому может обернуться. Возьмут вас, ваш благородь, да в другое место переведут. Кто тогда нам пересчет вести станет?

— А сказать по откровенности, ваш благородь, так чижело робить по четырнадцать часов. К концу дня шагаешь, как в крутую гору с непосильной ношей на плечах. Язык изо рта чуть не до пояса вываливается!

Ползунов обвел собравшихся изучающим взглядом. Словно выскивал, кто еще собирается говорить. Желаящих не оказалось. Ясно, что на непослушание рабочих подбивали те самые Ермаков да Кочетов, только что высказавшие обиды. Сотни глаз смотрели на Ползунова, ожидая, что он скажет. От этих вопрошающих взглядов Ползунову делалось не по себе. Он долго молчал. «Лучше бы они галдели о чем-нибудь, просили или что-либо отрицали. Тогда было бы свободнее отказывать или уважить в просьбе. А так...»

Спокойно и неторопливо, словно по принуждению, заговорил Ползунов:

— Мыслью я, работные, что за ущерб, нанесенный интересу ея императорского величества, надлежит вам достойное наказание. Только на первый случай я оставлю вас впусе, кроме Ермакова и Кочетова, которые своими злонамеренными речами отвергли вас от рабо-

ты. Приказ мой таков: сегодня выработать выше против нормы!

По приказанию Ползунова Ермакова и Кочетова солдаты под ружьем увели на гауптвахту, которая размещалась в караульной избе.

— Слава тебе, господи! — широко перекрестился и с видимым облегчением вздохнул Филимонов. — Теперь, ваш благородь, точно говорю, что будут робить без лености и без оглядки!

Целовальник было сам принялся таскать руду, чтобы подать пример работным.

— Не надо, — остановил его Ползунов. — У тебя дела поважнее есть. Каждый сверчок знай свой шесток!

Ползунов весь день неотрывно наблюдал за работой. Поощряемые одобрительными взглядами Ползунова, грузчики работали без малых роздыхов и азартно. Таскали по три, которые посильнее по четыре пуда руды. К семи часам вечера, полностью загружены, тяжело калыхались на воде две коломенки. Ползунов не скрывал торжества: дневная норма выполнена. Вскоре он бодро скомандовал:

— Кончай робить! На роздых до утра!

Ермакова с Кочетовым он на радостях решил не наказывать, а, подержав для остротки на гауптвахте еще ночь, утром же поставить на работу вместе со всеми.

Грузчики и засыпщики стали расходиться, как вдруг примчался верховой караульный солдат и доложил Ползунову:

— Ваш благородь! По приказу начальника гарнизона капрала Беликова докладываю: в степи, вверх по течению Чарыша, замечено продвижение неизвестных всадников, человек этак двести. Капрал Беликов приказал гарнизону приготовиться к защите.

— Стой! — закричал Ползунов работным. — Занять места в укреплениях! При появлении противника каждому показывать готовность к бою — высовываться из укрепления и кричать, чтобы противник убедился, что нас много числом!

Ползунов поспешил в укрепления. Христиани увеличил гарнизон пристани до пятнадцати человек. Считал, что такой силы, опирающейся на хорошие укрепления, вполне достаточно, чтобы отразить нападение противника, превосходящего в четыре-пять раз по численности — именно такими ордами обычно и передвигались джунгары.

Капрал Беликов смотрел в бинокль с караульной вышки. С появлением Ползунова немедленно опустил вниз.

— Слышь, Иваи Иваныч! Джунгары, как я понял, к нам идут. Придется бой принять.

Ползунов не ответил Беликову. В бинокль хорошо было видно, как конные джунгары не-

престанно перестраивались на ходу, отчего для наблюдателя оказывалось затруднительным выделить кого-нибудь из них. Такой маневр джунгары совершали перед боем, чтобы противник не мог определить их предводителя.

Неожиданно джунгары закончили перестроение и остановились. Ползунов, смотревший в бинокль, радостно воскликнул:

— То же мой старый друг хан Абак! Митрофанов, принеси-ка мне подарок хана да побыстрее!

Надев пояс, Ползунов вышел навстречу хану. Тот радостно заулыбался. Подзорную трубу, подарок Ползунова, хан без надобности поправлял рукой, стараясь показать, что он не забыл о ней. Потом заговорил через переводчика:

— Твой подарок, друг мой, помог мне увидеть то, что раньше казалось недостижимым моему глазу. Подъезжая к здешним местам, я издали увидел на берегу Чарыша укрепления, которых никогда раньше здесь не было. А в тех укреплениях, как я сейчас понял, сидят твои люди, друг мой. Только знать надобно, что земля эта испокон веку джунгарским ханам подвластна!

И вдруг голос хана сделался резким и пронзительным. В нем отчетливо послышались обида и угроза:

— Зачем в прошлую встречу бродячим русским человеком назвался, который выказал смирение и лесть хану? А сам людей привел в мои края, укреплений накопал. Обманывать великого хана никому не дозволено!

Разгневанный хан, не ожидая ответа, бешено пришпорил коня и умчался к отряду. Джунгары тотчас скрылись в прибрежном логу.

— Ишь, какой шустрый! — сказал капрал Беликов и добавил: — Я сразу заприметил, как он закипел. Ну, думаю, полонить зачнет Иваи Иваныча. Ан нет, видно, крепка старая дружба. Улетел, как стрела из лука...

Ползунов же продолжал испытывать тревогу. Какое-то тайное предчувствие подсказывало, что этим дело не кончится. Ползунов долго не мог заснуть, беспокойно ворочаясь с боку на бок. Старался отвлечься посторонними мыслями. Перебрал их сотни, но ни одна из них не оттеснила на задний план тревожные мысли о большом отряде джунгар, рыскавшем поблизости.

Где-то за полночь послышался несмелый стук в окно. Ползунов не обратил внимания на него, подумав, что на улице поднялся ветер. Но стук повторился настойчивее прежнего. Не было сомнения, что стучал человек. Ползунов вышел в сени, громко спросил:

— Кого носит в столь поздний час?

— Открой, барин! — слышался осторожный шепот. — Это я — Селезень!

— Селезень?!

Ползунов широко раскрыв двери и, удивившись, что перед ним действительно Селезень, принялся тискать его в своих объятиях, приговаривая:

— Вот это встреча! Заходи же, дорогим гостем будешь!.. Рассказывай, где обитаешь, как нашел меня?

— Не время, барин, объяснять долго. Скажу только, что живу у впадения ключа Безымянного в Чарыш. Там за буйными зарослями пихтача скалы нагромождены с пещерами в них. К тебе же, барин, пришел с недоброй вестью. Слушай! Перед зарей хан Абак со своими конниками начнет переправу через старицу Чарыша, которая подходит к твоим укреплениям и не охраняется солдатами. Намерен внезапно нарушить твою оборону и сжечь пристань, как Чагирский рудник во времена Демидова. Надо предупредить Абака, выставить в месте переправы заслон солдат, которые залпом из ружей отпугнут джунгар. А сейчас прощай, иначе джунгары могут заметить мое отсутствие.

— Ты разве с ними? — спросил удивленный Ползунов.

— Нет же, барин! Нет! Потом объяснюсь!

— А как пройдешь наши посты? Дать тебе провожатого?

— Не беспокойся, барин! На старице твоих постов нет. Там у меня на берегу, в кустах, лодочка привязана. На ней и переправлюсь благословясь!

И исчез в темноте...

Солдаты во главе с капралом Беликовым побежали к переправе через старицу. Собственно не к переправе, а к броду. При лунном свете брод хорошо заметен по отлогим и голым песчаным берегам. Ширина старицы здесь не более тридцати пяти саженей. Беликов разместил солдат в двойную цепь. Сам же укрывшись за толстой ветлой, откуда хорошо просматривался противоположный берег старицы. Давал наставления солдатам полусшепотом:

— Как взмахну шпагой, первая цепь открывает прицельный огонь, вслед за тем вторая.

Время тянулось мучительно долго. «Экая благодать! Тишина. Природа спит, как младенец. Кто ее посмет нарушить или разбудить? — думали умиротворенные солдаты и про себя проникались тайным сомнением: — А может, все эти разговоры о возможном появлении джунгар чья-то досужая выдумка?»

Но прошло чуть более часа, и за черневшим изгибом забочки слышался приглушенный топот конских копыт. В разрывах прибрежных кустов замелькали черные силуэты

всадников, ехавших на малых рысях. Потом опять все стихло. Видно, всадники остановились за выступом густого кустарника, что подходил к самому броду. Беликов видел, как качались кусты. «Наверное, перестраиваются, чтобы выйти на открытое место в полной готовности. Даже разведки не выслали. Значит, уверены полностью в успехе своего предприятия».

Джунгары выехали из-за укрытия по пять конников в ряд и стали спускаться к реке. Когда на берегу осталось менее половины орды, Беликов дал сигнал — в воде лошадь намного теряет скорость, да и пугливее делается. Ударил залп, за ним второй. Лошади без всадников бешено колотили ногами по воде, которая от этого, казалось, чернела. Следовали новые залпы, строй джунгар совсем нарушился. Люди, сраженные пулями, падали в реку. Поднялась суতোлка. Джунгары поспешно отступили...

На другой вечер к Ползунову вновь явился Селезень. Коротко, с восхищением в голосе пояснил:

— Изрядно потрепал ты, барин, джунгар! Больше носа не сунут. Потому как сам хан Абак убит на переправе. Когда хоронили его, проклинали ту минуту, когда тайно решили напасть на вас.

— Хана Абака убили? — переспросил Ползунов. Лицо его заметно построжело.

— Точно, барин! Сам видел, как опускали его в могилу с оружием, как приносили жертву у сопки Высокой.

— Жаль! Кто мог подумать, что смерть стоит у него за плечами. — Ползунов на минуту печально задумался. — Ну а ты... Надеюсь, скажешь теперь, отчего пользовался милостью джунгар?

— Затем и пришел, барин! Есть у джунгар переводчик. Сын мастерового Кольвано-Воскресенского завода беглый Василий Злобин. Когда впервые обнаружили меня джунгары, потащили к хану. Злобин переводил вопросы Абака ко мне, а узнав, что я был секретным колодником на Змеевском руднике, проникся участием и упросил хана, чтобы меня джунгары не трогали. Так мы стали друзьями со Злобиным. От него я и узнал о тайных замыслах хана напасть на вас с тыла.

— Спасибо, Селезень! Выручил и немало, — поблагодарил Ползунов и спросил, улыбаясь: — Как там мой отпускной билет? Не потерял еще в своих пещерах?

— Что ты! Храню его пуше глаза!.. Ну, будь здоров! До будущей встречи!

— До свидания, Селезень! Жди к себе в гости в середине лета!

тельства и другие реально существующие условия.

Начнем с того, что в 1977 году институт «Ленгипрогор» разработал «Технико-экономические обоснования развития Барнаула до двухтысячного года», а спустя год выполнил новый генеральный план застройки, в том числе и на правобережье Оби. Перспективы внушительные и захватывающие. Пока же главное внимание городских партийных и советских органов сосредоточено на создании законченных архитектурных ансамблей, важнейших градостроительных узлов в существующей части города, создании в ней новых площадей, расширение магистралей.

Многие, возможно, и не заметили, как постоянно, день ото дня все четче прорисовывается современный облик нашего города. Это и не удивительно, потому что элементы этого облика существуют пока что в разрозненном виде, без законченного оформления и по достоинству могут быть оценены только специалистами. Однако некоторые моменты не должны, на мой взгляд, остаться без внимания горожан. Назову лишь два из них. Первый: все жилье строится микрорайонами. Второй: резко возросло сооружение домов повышенной этажности. Причем блок-секции (а Барнаул первым в Сибири перешел на них) позволили более гибко решать планировку микрорайонов.

Не все, как я полагаю, заметили и те процессы, что происходили в связи с реализацией генплана 1964 года. Привели же они к тому, что в Барнауле наметилась определенная система общегородского центра, а в ней — определенная ряд архитектурных ансамблей и градостроительных узлов, завершение которых придаст краевому центру целостный характер, черты индивидуальности.

Ближе всего к завершению ансамбли площади Советов и Обского бульвара, проспектов Ленина, Социалистического, Красноармейского, улицы Новой. Вот как они будут выглядеть. Обской бульвар «повернет» город лицом к Оби. В районе краевого театра музыкальной комедии вырастет крупный общественно-культурный центр, его продолжат шестнадцатизэтажные жилые дома с большими магазинами. «Замкнется» все это 24-этажной гостиницей и монументом в честь хлеборобов Алтая.

Интерес, на мой взгляд, представляют работы, которые уже ведутся в начале Ленинского проспекта: там строится красивый мост через Барнаулку. Таким образом, главная улица нашего города продлится до речного вокзала.

Ансамблю Привокзальной площади назна-

чено быть связующим звеном двух частей города, разделенных железнодорожной станцией. В ансамбль войдет транспортный путепровод, цирк на 1700 мест, крупные жилые и административные здания и комплекс, состоящий из авто- и железнодорожного вокзалов. Последний, разумеется, будет основательно реконструирован.

Проспекты Ленина, Социалистический, Красноармейский украсят уникальные здания лабораторного корпуса политехнического института, Дворца бракосочетаний, Дома быта, двенадцатизэтажной гостиницы «Турист» и другие. Индивидуальные проекты для них выполнены проектными организациями Барнаула, Новосибирска, Москвы и Ленинграда, готова уже и проектно-сметная документация.

Из неизвестных широкому кругу городской общественности событий хотелось бы рассказать еще об одном. При проектировании новых жилых микрорайонов Барнаула осуществляются важные эксперименты, цель которых проверить новые формы расселения, новые функциональные связи, противозумовые, санитарные условия.

Вопрос. А что будет с теми улицами и целыми массивами, застроенными стандартными домами еще в 60-е годы, придающими унылое однообразие некоторым микрорайонам?

— Разделяя отношение многих барнаульцев к этим зданиям, все же хочу напомнить о том, что мы должны быть им в определенной степени благодарными. За то, что они позволили в сравнительно короткие сроки если не решить, то значительно облегчить жилищную проблему в таких бурно развивающихся городах, как Барнаул. При той строительной базе, какой мы располагали в те годы, иначе и поступить нельзя было. Что же можно сделать теперь, чтобы скрасить впечатление от скучного однообразия пятиэтажек, кроме того, чтобы встроить кое-где здания по индивидуальным проектам? Над этим проектанты тоже работают, следы их усилий кое-где уже видны. В такие типовые застройки вводятся индивидуальные элементы: парапетные панели с рельефным рисунком, ограждения балконов и лоджий, лестничных клеток, входов и так далее. Должен сказать, что жильцы многих таких домов сами немало стараются, чтобы украсить дворы зеленью и цветами. И надо надеяться, что эта самодеятельность тоже примет новые размеры и формы. Посмотрите, как эффектно выглядят в южных городах иные дома, которые без зеленого оформления ничего интересного из себя не представляют...

Вопрос. И все-таки, что может придать нашему городу особое своеобразие, стать той

Геннадий ПАНОВ

Геннадий Петрович Панов родился в 1942 году. Автор поэтических книг «Доброта», «Застава», «Июнь» и «Отрада», изданных на Алтае. Окончил Высшие литературные курсы при СП СССР, член Союза писателей, лауреат премии Ленинского комсомола Алтая.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

ПОЭМА В СКАЗАХ

250-летию г. Барнаула посвящается

ВСТУПЛЕНИЕ

В ночь апрельского новолуния
вместе разом, потом враздробь
гулко ухнут Бия с Катунью —
и проснется, встряхнется Обь.

Вековечное бесподобье
(Русь всегда жила у воды!):
на рассвете стоять над Обью
и смотреть, как несутся льды.

Сколько силы, свежести, солнца —
вот, что значит в судьбе река! —
у начала Большой Олонской
заввучала в душе строка.

Я люблю наш утренний город:
вязь карнизов и эту связь,
что кует неустанный молот,
сам историей становясь.

Город наш — молодые руки
и седые виски-века...

И плывут, как древние струги,
современные облака.

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛИ ОЛОНСКИЕ ДА ТОБОЛЬСКИЕ УЛИЦЫ (1730 г.)

...Первые купцы, земледельцы,
посадские, ямщики, казаки... все
это приливало в Сибирь с се-
вера.

В. И. Даль. О наречиях
русского языка

...И покинули море Белое
и окатыши-лешаки
работящие да умелые
наши русские мужики:

и олбнецкие брательники,
и артельный тобольский люд.
От напасти — кресты-нательники,
что в земле новгородской льют.

Не серчай-скачай, речка Сухона,
укрепите дух, Соловки!
Там, за Камнем, земляца — ух, она! —
широка до Оби-реки.

Хороша, черноземна пахота —
посади весло и взойдет!
Говорят, облепиха-ягода,
золотея, тает, как мед.

А береза белей часовенки,
а сосна — стройна, как собор.
Бор возвышенный, бор диковинный,
на угор бежит, на бугор.

А в бору смолевой излукою
вьется-льется обской приток.
Повстречаешься там со щукою —
захолонет нутро, браток!

...Шли на лодьях, как деды исстари,
долгим волоком пехом шли.
И однажды пристали к пристани
незнакомой досель земли.
И ударили враз топорники,
под бухтинушку лег венец.
Разберутся потом историки,
где начало, а где конец.

Быль сплелась, будто грива конская.
Мастерам поклон за труды,
коль в согласье живут
Тобольская

да Олонецкая—Олонская
третий век у большой воды!

СТАВЛЕНЬЕ ЗНАМЕНСКОГО ХРАМА [1748 г.]

Народ, подаривший миру «Слово о полку Игореве», бессмертные творения Андрея Рублева, сумел поднять архитектуру сельской церкви и крестьянской избы до мировых шедевров.

А. В. Ополовников. Кизи

Огонек в окне потух,
темь сошла по сходям скользким.
И олонецкий петух
состязается с тобольским.

Бабы — хваты по ухватам,
мужики — по топорам.
Голь на выдумки богата,
коль всем миром ставит храм!

Лес отборный вполобхвата
тем под силу, кто не квел.
Неспроста старик Курбатов
сына Якова привел.

Видно силушку медвежью —
пусть левша и ряб с лица! —
по всему правобережью
нет достойнее бойца.

Брызжет яростно щепя,
Яков бревна — на попа,
подает на верхотуру,
не жалеючи пупа.

Тихобаев Семка — раж:
топором хватает краж,
ловко рубит угол «в лапу»,
подавай еще, уважь!

А Григорьев Гришка — тот
пота лишнего не льет:
он окошко окосячит,
будто песенку поет.

Золотым смолевым духом
дышит вся округа сплошь.
Липнут взглядом молодухи
к мужикам — не оторвешь!

На шатровый четверик
ставлен дивный восьмерик,
барабан резьбой украшен —
тут потешился старик...

И парила по-над Обью,
звон творила и плыла
сказка, коей нет подобья —
солнечные купола.

Мастер знал, касаясь неба,
что живут впотьмах кроты,
что никак нельзя без хлеба
и нельзя без красоты!

Примечание автора. Приведенные в сказе фамилии мастеров подлинные, взятые из архивных материалов.

СКАЗ О ИВАНЕ ПОЛЗУНОВЕ И ЕГО ОГНЕДЕЙСТВУЕМОЙ МАШИНЕ [1764—1766 гг.]

Дабы сей славы (если силы допустят) Отечеству достигнуть... облегчая труд по нас грядущим. Так что я должен все возможные труды и силы на то устремить, коим бы образом огонь слугов к машинам склонить.

И. И. Ползунов.

1.

Плюнет в реку надменно с моста
иноземец — и совесть чиста.

Он за плату готов нашу речь
канцелярским шпигрутенем сечь,

самородную мысль растереть, как плевков,
и крахмальным платком отереть свой сапог...

Два столетия прошло, а читать невтерпеж,
как ходил Ползунов на духовный пражеж.

Тараканьим усом шевеля над губой,
немец-канцелярист упивался собой.

Унижая талант, педантично, с листа
он читал, как вбивал гвозди — лично! — в Христа:

«... при литье в стеклянном заводе, у механикуса Ползунова к машине, из горну в выпуск медь несколько не пошла... И видно, что оное производитца от несмотрения ево, Ползунова, а особливо от нерачения плутов мастеров...»

Тяжко слушать булыжно-облыжный приказ,
будто мчится с горы на тебя тарантас:
поздно вспять отступить,
только грудью вперед.
«Пусть уж лучше меня,
а машина живет!»

«...господину механикусу Ползунову приказать, чтоб сего ж июня 24 числа у той трубы, как дело балвана и литье, производить на мастерской кошт, которые при том будут работать...»

«Пусть уж лучше меня,
но станется нить,
чтоб огонь к той машине
слугою склонить!»

«...и сколько они проработают дней к выдаче по окладам их денежного жалования в документ не показывать... о чем господину Ползунову прикас для исполнения объявить незабыточно...»*

«Пусть уж лучше меня —
колесом! — тарантас,
но облегчится труд
грядущим по нас!»

Ради дела стократ
стоит сжаться в комок
и принять, как Сократ,
яд язвительных строк!

Не сдаваясь, терпеть —
все труды впереди!
Лишь бы только успеть...
И кольнуло в груди!

2.

Час бессонных свечей.
Чертежи, чертежи.
Ад плавильных печей.
Сквозняки-крутежи.

Раскаленная медь.
Молот мал, да удал.
Это надо суметь:
расковать в лист металл!

Выгнуть сферу котла.
Камнем выложить печь.
Жить, сгорая дотла,
и себя не беречь!..

Горлом хлынула кровь.
А потом — забытье.
И, уже отходя,
он увидел ЕЕ!

3.

И машина огнем задышала [пора!],
пар в движенье привел [молодцы, мастера!]
поршень, вал-кривошип [взад-вперед, вперед-вперед!].
Пот волненья прошиб любопытный народ.

И вздохнули большие меха для литья.
Серебристым потоком хлестнула струя.

У Стеклянного взвоза, у самой реки,
помянули механика ученики,
осенили перстами творенье его...

Он не дожил до пуска неделю всего!

СКАЗ О СТЕПАНЕ ГУЛЯЕВЕ И ШУБЕ, именуемой «барнаулкой» [1868 г.]

Выходец из низов русского народа, он всю свою жизнь посвятил благородному делу распространения научных знаний и внедрения их в человеческую практику.

П. А. Бородкин, С. И. Гуляев

1.

Ночь глуха и заборы глухи,
но едва заря полыхнет —
из тенет выползают слухи,
обыватель на слухи льнет.

— Слышал!

— Нет!

— Под навес зайдем-ка...

А еще в соседях живешь:
шубник Лапин, который Семка,
окрутил Гуляева.

— Врешь!

— Да пойми ты, Иван-голуба,
в толк возьми, голова гуся:
ну откуда на Семке шуба —
жуковая, живая вся!

Шел намедни, как туз, к обедне,
выхвалялся в ней, вертопрах.
А Степан Иванович, бедный,
в краске весь, овчиной пропах!

— При его-то должности-чине
я бы кукиш казал овчине
и не тер бы ногами лоб,
а деньгу бы лопатой греб!..

Петр — Ивану, Иван — Илюхе,
тот — жене, а жена — куме.
Ночи глухи, заборы глухи,
каждый дом — себе на уме.

Барнаулка к Оби спешила,
как с повинной гулена-дочь.

* ГААК. Ф. 1. оп. 1, д. 421, л. 81.

И горчила в чану крушина,
И отвар клокотал всю ночь.

2.

Не скупы на слова хозяева,
да цена-то словам — алтын.
Шубник Лапин обвел Гуляева
вокруг пальца (вот сукин сын!).

На коленях стоял, страдалец,
слово дал — не иметь корысть.
А пошел барыш-капиталец —
за целковый готов загрызть!

Взгляд тяжел — что в два пуда гири,
брови — даже в праздник — в навес.
Гонит шубы по всей Сибири,
далеко за Урал пролез.

Чай внакладку пьет — не вприкуску,
а Гуляев живет внатяг.
В тихом домике на Иркутской
честь не меряется в рублях!

3.

Здравствует крот в подземелье,
хвалит сверчок свой шесток.
.....
Злой, как урядник с похмелья,
шастает ветер жесток.

Ставни срывает и крыши,
ломится — сила сама!..
Только Гуляев не слышит —
строки нейдут из ума,

русские строки до боли,
вздохом народным дыша:
«Буря бы грянула, что ли!» —
вольно открылась душа.

Лампа ослепла от света,
ночь беспросветно длинна.
Как это там у поэта:
«Чаша с краями полна!»

Горе на дне отстоялось,
зреет, как истина, страсть.
.....
Может, всего-то осталось —
маленькой капле упась!

СКАЗ О ЯМЩИЦКОЙ ДОЛЕ (1900 г.)

Степь да степь кругом.
Путь далек лежит.
В той степи глухой
Замерзал ямщик...
Русская народная песня

Мой прадед на тройке ямщину гонял,
ямщину гонял — в дрожь прохожих вгонял!

И чудом держался треух на затылке
на тракте Ребриха—Большие Бутырки*.

Случалось: фартило, орел выпадал —
и прадед Трофим в Барнаул попадал.
Ждала ямщика при деньгах вся родня:
копейка с версты и копейка с коня!
Вернется с мошною — да как бы не так! —
трактир за спиною, а прямо кабак.

Едва оклемается с водки Трофим,
а тут целовальник, как коршун, над ним:
«Что думаешь? От мыслей болит голова!
Изволь-ка пивца братьев Ворсиных, а!»
Селечка к пиву, к водке рубец —
и вновь головою поник удалец!

Напиток хмелен, целовальник умен:
отпустит — не впустит до лучших времен.
От века всевышним означено так:
кабак, дом, работа и снова кабак.
И царь-самодержец, и прочая власть
довольны: гуляйте, ребяташки, всласть!

Карманы пусты... Черно на душе...
И надо бы думать, да нечем уже...
И песня, как будто о помощи крик,
терзает — в степи замерзает ямщик!

СКАЗ О ИВАНЕ ПРИСЯГИНЕ, УЧЕНИКЕ ШКОЛЫ ЛЕНИНА (1905—1918 гг.)**

Запомнилось... тут был один из учеников парижской школы Присягин, смотревший на Ильича сияющими лучистыми глазами... Присягин хорошо знал жизнь самых отсталых слоев рабочих, рассказывал о ней Ильичу.

Н. К. Крупская

Кровь Девятого января
запятнала мундир царя.

Переполнилась чаша терпения,
поднялся народ на штыки.

* Большие Бутырки — ныне с. Мамонтово.

** И. В. Присягин родился на Рязанщине, член РСДРП с 1904 г. Первый председатель Алтайского губкома РКП(б).

И окончили школу Ленина
молодые большевики.

Коротка их судьба — как песня,
и прекрасна — как жизнь сама.
За плечами — Красная Пресня,
одиночка, ссылка, тюрьма.

Но в нарымских глухих болотах
и в мороз, по-сибирски лют,
продолжалась, велась работа,
что партийной у нас зовут.

Каждый тезис ленинской речи
и пожатые его руки
разнесли после личной встречи
по России — большевики!

* * *

Ночь глуха и заборы глухи,
но едва заря полыхнет —
дышит город октябрьским духом,
да и люд в нем —
уже не тот.

Прокламации, выступленья!
— Говорить Присягни горазд!
— Башковит! Учился у Ленина.
Этот спуску в речах не даст!

— Братцы, слышал его наемднн,
не хотел, а запел, глупой:
«Это есть наш последний
и решительный бой».

И стоит и дивится малый —
подхватил кружок слободской:
«С Интернационалом
воспрянет
род людско й!»

...Мел февраль небывало скользкий,
но на тысячи лет вперед
над Олонецкой и Тобольской
стяги взвил поющий народ.

Стяги — крылья Советской власти,
и, как будто провидя нас,
как сияло, лучилось счастьем
половодье рязанских глаз!

ЭПИЛОГ

В ночь апрельского новолуния
вместе разом, потом враздробь
гулко ухнут Бия с Катунью —
и проснется, встряхнется Обь.

Вековечное обновление:
нежен весь и душою чист,
на весеннем проспекте Ленина
молодой тополевыи лист.

И смеется, солнышку рада,
длинноногая ребятня...
Помолчу с ветераном рядом
возле Вечного свет-огня.

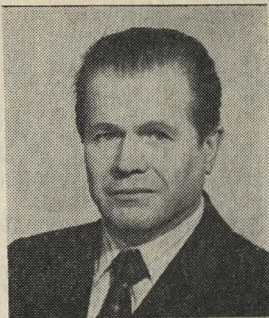
Бьется пламя, гудит, кружится —
на века оно, на века!
— Помоги, сынок! — и ложится
на плечо, вся в узлах, рука.

И понятно мне с полуслова,
что сказала этим рука.
Историческая основа
рвется, ежели нет утка.

Славлю я молодые руки,
шту, как сын, седые века.
И плывут, словно лодьи-струи,
современные облака!

Василий Федорович Гришаев родился в 1926 году в селе Верх-Бобровка Алтайского края. С 1944 по 1973 гг. служил в Советской Армии. В настоящее время — работник краевого госархива.

Читателям альманаха знаком по очеркам «Любовь любовью отзовется» и «Чоноуцы Алтая».

Василий ГРИШАЕВ

ТЕТЯ ТОНЯ, МАТЬ БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ

РАССКАЗ АРХИВИСТА

1.

Несколько лет тому назад судьбе угодно было сделать меня барнаульцем, да еще и архивистом, сотрудником краевого госархива.

Учитывая мою подготовку — а она равнялась нулю — меня нагружали немудреной, скучной, но необходимой в архиве работой: нумерацией страниц, составлением каталогизационных карточек на годовые отчеты МТС и колхозов, картонированием.

Так я проглотил первый пуд архивной пыли, но не сбежал, потому что вскоре наряду с нумерацией и каталогизацией мне доверили сбор документов личного происхождения. Так на архивном языке называются бумаги, которые с годами накапливаются в каждой семье. Наиболее желанная для нас, но — увы! — редкая добыча — это рукописи литературных и научных работ, дневники, воспоминания. У большинства же смертных «домашний архив» составляют письма, открытки, фотографии, газетные вырезки, отслужившие свое справки, удостоверения и прочий бумажный хлам, рассованный как попало по тумбочкам, ящикам стола, книжным шкафам, а то и по чердакам. Однако в этом хламе пытливым исследователем нередко находят жемчужные зерна фактов жизни и быта минувших лет, великолепно дополняющих сухие официальные документы.

Раза два в неделю я ходил к престарелым ветеранам революции и гражданской войны, ударникам первых пятилеток, фронтовикам, краеведам и уговаривал их сдавать документы в наш архив, доказывая, как умел, что только у нас им будет обеспечено практически вечное хранение, и они сослужат службу истории родного края.

Надо сказать, что большинство этих людей охотно откликнулись на мою просьбу. Они не только сдавали документы, оставляя себе лишь самое-самое дорогое, но и охотно рассказывали о своей жизни, рассказывали с такой благожелательной откровенностью, какой я, случайный гость, может быть, и не заслуживал.

Я слушал их с жадным любопытством, и прошлое начинало для меня оживать, наполняться голосами и криками, а люди, которых я раньше знал только по книгам да стендам музеев, представляли теперь передо мной, как говорят, во плоти и крови.

Словом, эти рассказы были для меня школой. И я терпеливо нумеровал дела давно отживших контор и артелей, чтобы иметь возможность хоть изредка послушать повесть жизни еще одного интересного человека, порыться в его бумагах.

2.

Так познакомился я с Петром Александровичем Поповым.

В краевом музее, где я частенько выискивал «нужных» людей, мне рассказали, что это, пожалуй, единственный из оставшихся в живых строителей железнодорожного моста через Обь, бывший красногвардеец, в восемнадцатом воевал с белочехами и белогвардейцами на Черепановском фронте, потом до самой пенсии,

включая и годы Великой Отечественной войны, работал котельщиком в Барнаульском паровозном депо. Награжден орденом Ленина. Теперь ему за девяносто, но он еще бодр, читает без очков, но больше любит смотреть телевизор, хотя на уши стал тугой и стучать к нему надо посылнее. Живет он один в однокомнатной благоустроенной секции на улице Профинтерна, дочери за ним ухаживают — у него их трое, все давно сами пенсионерки.

Стучаться мне действительно пришлось долго, я отбил руки и, наверное, отступил бы, если б не грохотавший за дверью телевизор, включенный на всю катушку, — когда-то должен ведь он примолкнуть! Наконец послышалось тяжелое шарканье, щелкнул замок, дверь открылась.

За ней стоял богатирского сложения, но уже согнутый годами старик с седыми, вразлет, усами и коротким, на удивление густым ежиком седых волос на крупной голове.

Я поздоровался, назвал себя. Старик со сдержанным любопытством оглядел меня блекло-серыми, утонувшими в морщинах глазами, кивнул головой, жестом пригласил войти.

В скромно обставленной комнате было чисто, на окнах — белые занавесочки, на полу — половичок, на столе и старенькой этажерке — салфеточки, словом, чувствовались женские руки; видно, дочери и впрямь не забывали отца. Вот только воздух был спертый, застойный, с печальным запахом старости.

Петр Александрович выключил телевизор, вернулся, шаркая шлепанцами, к столу, пододвинул мне стул и сам сел на другой, положив на скатерть большие, со вздувшимися жилами руки. С таких рук — хоть картинку пиши. Только сила из них ушла. Это видно было и по усталой согнутой, с выпирающими лопатками спине, и по беспомощно детскому, со слезой, взгляду старика.

С доброжелательной полуулыбкой оглядев меня, он спросил слабым, глухим голосом:

— Не из собесу?

Я снова назвал себя. Он поморгал всеми морщинами, улыбнулся виновато:

— Ты погромче говори. Слышу я плохо. Наверно, от работы. Работа у меня была... это... шумная.

— Слышал, вы мост через Обь строили?

— Строил, как же... Я на мостах-то с двенадцатого году. Сначала на Амурской дороге строил. Реку Зея слышал?.. А когда там закончили, на Алтайскую дорогу переехал. Через Чумыш мост строил, у Тальменки. Видел, небось?.. То-то. На бийской ветке строил. Потом через Обь. Этот — махина. И я везде на клепке был. Сколько их, моих заклепок-то, на тех мостах! Не сосчитать, хе-хе... А после гражданской в депо перешел, котельщиком. Котельная работа ведущей была в цехе, горячая, опасная. У нас один котельщик в эту, последнюю войну, контрольные пробки стал переставлять, его паром обдало. И выскочить не успел: вылезать-то узко... Я тоже бесстрашный был, прямо в топку лез. От жары дух захватывает, а ждать некогда. В эту войну знаешь как в паровозах нуждались! Ночевали в депо. Все для фронта...

Петр Александрович вздохнул, пригорюнился.

— Да, было, было...

Кивнул на смятую постель.

— А теперь вот прихварываю. Да и то сказать, пятьдесят годов отработал на транспорте. И пожил, слава богу... Ты по какому делу-то ко мне?

Внимательно выслушал, не сводя напряженного взгляда с моих губ, как это делают глухие.

— Дык откуда они, бумаги-то? Какие были, деповской музей забрал, остальные школьники растащили. Приходят, просят, мы, говорят, красные следопыты. Как не дать?.. Кажись, автобиография где-то осталась от пенсионного дела, карточек штуки три да газета. Писали в ней обо мне... Есть, правда, кое-что от покойницы-жены. Все берег. Не знаю, интересно ли вам. Вот, глянь...

Он достал с этажерки старенькую ученическую папку, протянул мне.

— А кто она была, ваша жена?

— Тоня-то? А с беспризорниками работала.

— Интересно!

— Теперь-то ее уж мало кто помнит, а тогда, почитай, весь город знал. Особенно беспризорники. Стихи об ней писали. Да ты заглянь в папку-то.

В папке было несколько пожелтевших, истертых газетных вырезок, с десяток стихотворений, написанных на разномастных листках и небольшая фотография, наклеенная на картон. С нее смотрели пятеро скромно одетых парнишек лет по тринадцать-четырнадцать, девочка того же возраста с косичками и в темном берете. А сбоку от них, легонько положив руку на плечо мальчика в шинели и буденовке, сидела средних лет женщина в черном костюме со светлым воротником, с широкоскулым, несколько суровым лицом, обрамленным прямыми, коротко остриженными волосами. Вверху на фотографии была надпись: «Тетя Тоня и ее воспитанники».

— Беспризорники? — спросил я.

— Они самые, — ответил Петр Александрович своим глухим, слабым голосом. — После той войны их было — страсть. Сироты, безотцовщина. Хлебнули, сердешные, горя не меньше взрослых. А может, поболее. Когда Колчака-то прогнали, Советская власть стала их по детдомам определять, к ремеслу пристраивать. Последний, можно сказать, кусок им отдавали, хоть сами ходили голы-босы... У нас в те годы на станции, на запасном пути, вагончишко стоял старый, подборник назывался. Вот, Тоня им и заведывала. Выдавливала беспризорников в проходящих поездах, на вокзале, на улицах, приводила в вагон. Стригла, мыла, потом в детдом определяла или на производство, если возраст позволял. А некоторых домой приводила. Среди них и воры попадались, и похуже. Иной — того гляди — ножом пырнет, а она возится с ним, как с родным дитем, хотя своих четверо было.

— Четверо?

— Да... Старшая, Мальвина, еще за мамину юбку

держалась, седьмой годик шел, а Антонина только родилась.

— Что же ее заставляло возиться с беспризорниками?

— А сердце у нее было такое. Не могла по-казенному, когда ребенок голодный, в грязи, во вшах. Да еще обозленный, как волчонок. С ними трудно было, не каждый справлялся. А она умела.

— И как ей это удавалось?

— Что тебе сказать... Думаю, добротой брала. Они ведь, маленькие-то, настоящую доброту, ох, как чувствуют. Их не обманешь. А Тоня чужую беду всегда, как свою, принимала. Что с кем случится, она, бывало, себе места не находит. Может, оттого и не дожила свой век...

— Дом-то большой был у вас?

— Откуда?.. Комната да кухня. Еще сенцы. А за стол редко меньше десяти человек садилось.

— Как же вдесятером в одной комнате помещались?

— Ничего, — улыбнулся Петр Александрович. — Кто на лавке, кто под лавкой. В тесноте да не в обиде, как говорится.

— А хозяйство какое было?

— Обнаковенное. Коровенку держали, курей штук пять-шесть. Огород небольшой...

— Может, она сама сирота была, что так жалела беспризорников?

— Тоня-то? Не-ет. Мы родом оба из Чердыни. Там и поженились. Отец у нее пильщик был, мать повариха. Ходила по богатым купцам, готовила. На именины, на свадьбы. И Тоню с собой брала. Ее этому делу тоже обучила. Тоня цветы хорошо делала... Шила... Рукодельница была, царствие ей небесное...

Петр Александрович сладко зевнул и красноречиво посмотрел на кровать. Старик явно устал. У него слипались глаза. Но любопытство мое было крайне возбуждено. Наклонившись к его уху, я продолжал спрашивать:

— А много жило у вас беспризорников?

— Да всех-то, наверно, и в три десятка не уложишь.

— И фамилии помните?

— Забыл уж многих. Мало их осталось. Которые разъехались, которые померли уже... Многие с войны не вернулись... Кондюрин Иван Александрович долго жил у нас. Потом хорошим машинистом стал. Сейчас уже на пенсии. Меня отцом зовет. Холоднин Глеб... Иванов Маруся... Пролетарский Ваня.

— Интересная фамилия.

— Тоня придумала. Подобрала его на улице Пролетарской. Подолгу жили у нас Ваня Пугачев, Глеб Грибоедов, Пушкин Ваня. Тоже ее крестники. Она книжки любила читать. Вот из книжек им фамилии и брала. Своих-то они не помнили. Кличка у них имя и фамилию заменяла: Кобчик, Шпаер, Тарзан, чего только ни придумывали.

Петр Александрович снова зевнул, провел рукой по глазам.

— Да тебе дочки об этом больше моего расскажут. Они, как подросли, все помогали ей. Антонина с матерью даже в Москву ездила, к Надежде Константиновне Крупской.

— К Крупской?

— Да. О строительстве нового дома для беспризорников хлопотать.

— Петр Александрович, последний вопрос. Из воспитанников пишет вам кто-нибудь? В гости приезжает?

— Раньше много писали. Этих писем у нас целый ящик был.

— И где они?

— После смерти Тони сложили мы их в мешок и отнесли на чердак. А когда стали переселяться, забыли. Школьники его там нашли и сдали в макулатуру.

— Какая жалость!

— Теперь уж не вернешь. А приезжали тоже многие. Особенно после войны, как стали с фронта возвращаться. Тони уже не было, она в сорок четвертом померла. А Ваня Пролетарский, почитай, каждый год ездил. Он на Украине живет. Только последние два-три года не показывается. Стар стал, на сердце жалуется.

— Адрес его есть у вас?

— Где-то был. Счас посмотрю.

Взяв адрес Пролетарского и дочерей, я наконец оставил уставшего старика.

3.

Вернувшись к себе, я первым делом прочитал соержимое тети-Тониной папки. Здесь были воспоминания-исповеди бывших беспризорников, их стихи. С полной откровенностью, безыскусно рассказывали они о своей нелегкой жизни и о том, какую роль сыграла в ней тетя Тоня. Приведу лишь одно из этих воспоминаний, наиболее полное. Внимательный читатель увидит, сколько труда, терпения, настойчивости, душевных сил тратила тетя Тоня на своих воспитанников. Вот это воспоминание, опубликованное в газете «Гудок Алтая» за 24 октября 1934 года:

«Пролетарское спасибо тов. Поповой за то, что она вывела меня в люди. (Письмо бывшего беспризорника.)

Я, Леонов Яков, в 1922 году шестилетним попал в Бардетдом, где прожил 6 лет. В 1928 году я уехал в Новосибирск, где продолжал беспризорничать. Из Новосибирска ездил по разным городам, бродяжил, занимался воровством. В 1930 году меня в Барнауле встретила тов. Попова. Тетя Тоня стала меня убеждать в том, чтобы я бросил свою беспризорную жизнь и взялся за общественно-полезную жизнь. Убеждения тов. Поповой на меня повлияли. Она меня устроила работать в Барнаульскую ремонтно-тракторную мастерскую, где я стал учеником слесаря.

Спустя некоторое время приходит как-то раз ко мне тов. Попова и говорит:

— Хочу устроить тебя в комбинат рабочего образования, чтобы из тебя вышел человек, полезный социалистическому обществу.

На это я, было, пытался возражать:

— Тяжело мне будет, тетя Тоня. Стипендия там всего 28 рублей и существовать мне будет нелегко.

Тов. Попова и здесь меня убедила, заявив:

— Давай, учись и работай, а я буду тебе помогать, чем только возможно.

Тут вскоре ко мне приехали друзья по беспризорничеству и стали манить меня уехать с ними из Барнаула на Украину. Я уже, было, совсем согласился. Больших трудов стоило тете Тоне уговорить меня остаться и продолжать учебу. Ни на минуту не оставляла меня тов. Попова без внимания, следила за каждым моим шагом, интересовалась моими успехами в учебе, делила со мной радость и горе.

Учился я успешно. По окончании шестой группы тов. Попова стала хлопотать о том, чтобы меня приняли в школу ФЗУ. В ФЗУ я учился хорошо. Прочитавшись полтора года, овладел слесарным делом и меня перевели на работу в цех текущего ремонта паровозов.

Одно время ко мне и к моим двум товарищам (Немыкин и Никифоров) цеховая администрация стала придирается и хотела даже выгнать с работы. И тут на помощь нам, как всегда, явилась незаменимая тетя Тоня, которая в любую минуту могла нас поддержать и постоять за нас.

Когда мне дали очередной отпуск, я поехал со своими старыми друзьями в Среднюю Азию и там поманило меня на старую «работу». Я стал беспризорничать, занимался воровством и другими нехорошими делами. Тов. Попова стала нас разыскивать и нашла нашу группу в Семипалатинске.

Опять те же уговоры, материнское увещевание достигли своего. Тетя Тоня устроила нас на работу в Березовскую МТС. Я сдал норму на слесаря 6-го разряда.

Краткая летопись Барнаула

13. ВОЙНА НАРОДНАЯ

22 июня 1941 г., узнав о вероломном нападении фашистской Германии, 800 барнаульцев, из них 474 женщины, подали заявления об отправке на фронт. Поток заявлений не прекращался и в другие дни.

Тысячи барнаульцев влились в сформированные на Алтае 74-ю и 42-ю добровольческие бригады [74-я бригада вошла в состав 56-ой гвардейской стрелковой дивизии], 107-ю [позже 5-ю гвардейскую], 178-ю, 372-ю, 315-ю, 298-ю [позже 80-ю гвардейскую], 232-ю, 380-ю стрелковые и 73-ю [позже 15-ю гвардейскую] кавалерийскую дивизии. На фронт ушло 40 процентов коммунистов Барнаула.

Сформированные на Алтае дивизии освободили 38 советских городов и 30 польских, болгарских, чехословацких, венгерских, румынских.

38 жителей Барнаула за боевые подвиги удостоены звания Героя Советского Союза. Летчик П. А. Плотников стал дважды Героем Советского Союза.

12728 барнаульцев погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

В 1941—1942 гг. в Барнаул были эвакуированы и в кратчайший срок наладили выпуск продукции для фронта заводы «Трансмаш», котельный, мехпрессов, аппаратно-механический, станкостроительный, радиозавод; фабрики спичечная, табачная, швейная. За образцовое выполнение заданий правительства заводы «Трансмаш» и станкостроительный были награждены орденом Ленина, вагоноремонтный завод — орденом Трудового Красного Знамени. Орденом Ленина был награжден эвакуированный из г. Горького трест «Стройгаз».

Работа шла хорошо, я зарабатывал в месяц свыше 250 рублей. Немного поработав, уволился и уехал в Барнаул, чтобы повышать свою квалификацию.

В Барнауле я обратился за помощью к той же тете Тоне. Тов. Попова устроила меня на текстилькомбинат, а потом на курсы шоферов, которые я успешно заканчиваю.

Кончая этот маленький рассказ о своей жизни, я хочу выразить большую благодарность от себя и от имени десятков других бывших беспризорников, которых тов. Попова, наша дорогая тетя Тоня, подобрала с улицы и вывела на широкую дорогу жизни...»

4.

Под стать воспоминаниям — стихи.

Тетя Тоня, близкая, родная,
Я не знаю, как тебя назвать.
Почему-то тетей называю —
Матерью тебя я должен звать!
Если б ты меня не подобрала
На вокзале, в мусорной пыли,
Про меня давно бы уж сказали,
Что достоин я иной земли.

*Лейтенант Глеб Холоденин,
586-й стрелковый полк, рота ПВО.*

Менее чем через год 107-я стрелковая дивизия, в состав которой входил 586-й полк, убыла на фронт. В кровопролитных боях с немецко-фашистскими захватчиками под Ельней дивизия стала 5-ой гвардейской. Командиру 586-го полка полковнику И. М. Некрасову было присвоено звание Героя Советского Союза. А как сложилась судьба лейтенанта Холоденина?

К сожалению, об этом я пока не знаю и никто из тех, кого спрашивал, не знает. Горвоенкомат на мой запрос ответил: «По учету боевых потерь лейтенант Холоденин Глеб Иванович не значится».

Не значится. Стало быть, есть надежда, что он найдется...

Я встретил тетю Тоню,
Когда этапом шел,
При первом же взгляде
Защитницу нашел.
С тех пор я стал учиться,
Стал слушать Топо-мать
И бросил грязное дело,
Конечно, воровать.

Н. С. Бушмакин, 1928 г.

Бушмакина никто не мог припомнить: ни Петр Александрович, ни его дочери.

Неизвестный автор написал:

Мы без отцов и матерей
Росли и стали воровать,
И мы обязаны лишь ей
Тем, что другую жизнь могли начать.

Стихи, конечно, далеки от совершенства. Но вряд ли их авторы всерьез считали себя поэтами. Просто они были убеждены, по-моему, что если хочешь сказать что-либо от самого-самого сердца, то лучше всего это сделать стихами.

5.

Конечно, я сразу же написал в Чернигов Ивану Григорьевичу Пролетарскому. Вскоре получил от него ответ — четыре тетрадных листочка, исписанных не очень грамотными старческими каракульками.

Мне не хочется сокращать письмо, хотя в чем-то оно повторяет воспоминания Якова Леонова.

«...Тетя Тоня меня подобрала в 1921 году и устроила в приют, и я жил во многих приютах до 1930 года. После 1930 года тетя Тоня устроила меня в 63-й полк воспитанников в муззвезд, и я выучился играть. Вскоре наш полк перебросили на Дальний Восток. Я там пробыл до 1932 года, потом встретился со старыми ребятами, ушел из полка и вернулся в Барнаул. И меня увидела тетя Тоня и спросила, почему я обратно стал бродяжить. Подошла ко мне и давай убеждать словами. Потом она меня взяла и устроила воспитанником в стрелковую охрану. Но я там не захотел и стал просить тетю Тоню устроить меня в паровозное дело, и она устроила меня учеником токаря. Поработал я, получил разряд, захотел на паровоз. И опять тетя Тоня сделала, чтобы меня перевели на паровоз. И я честным трудом проработал на паровозе с 1934 по 1971 год. И сейчас нахожусь на пенсии. Вспоминаю тетю Тоню, какими мы были в то время. А теперь стали старыми...»

Я попал на Украину с паровозами в 1943 году, и меня оставили здесь работать. Я женился, жену взял из Барнаула. Ее первый муж был машинист паровоза, я с ним работал вместе, а потом он поболел и умер. И я решил взять его жену. Правда, у нее было четверо детей, но я взял и живу с ней. Сейчас дети уже все взрослые. Имею шесть внуков, три внучки и три правнука. Все живут хорошо...

Помню, у тети Тони был сундук, а в нем лежало много писем и фото с разных городов. Ей писали бывшие беспризорники.

Извините, что плохо написал. Пишу, а слезы о тете Тоне так и льются...»

6.

Слушая стариков, читая документы двадцатых годов (в них для меня, архивиста, недостатка нет), я часто пытаюсь представить, каким был наш город в ту пору. Деревянный, пыльный, с огромным пустырем в центре, образовавшимся после страшного пожара 2 мая 1917 года.

С наступлением вечера он погружался во мрак. Электростанция вступила в строй лишь в ноябре 1923 года и первое время давала свет лишь на несколько часов в сутки.

Днем на неприглядных улицах — редкие извозчики, красноармейцы в краснозвездных буденовках, прошагавшие от Волги, милиционеры с берданками и в полушубках, прожженных у партизанских костров. Плохо одетые прохожие с суровыми лицами. С Колчаком война кончилась, началась другая — с разрухой, голодом, вековой темнотой...

Много нищих, калек и особенно беспризорников. Они всюду: в поездах, толчее вокзалов, на базарах, улицах, в заброшенных домах. Оборванные, грязные, готовые на все в борьбе за существование.

Тысячи и тысячи их бродяжили по стране, попрошайничали, воровали, скатывались в уголовщину. Советская Республика принимала решительные меры по ликвидации беспризорничества, однако быстро одолеть это социальное бедствие не хватало ни сил, ни средств. Немало добрых людей — ими богата Русь — оказывали в эти дни посильную помощь сиротам, делясь последним. Одной из них была тетя Тоня...

Пытался я представить и барнаульские детдома, но после того как нашел один документ, понял, что фантазия моя бедна.

Вот этот документ.

«Доклад о жизни дома дошкольников № 3 за 1921 г. Помещение мало. Внизу живут инвалиды, которых дети ужасно боятся, а один из них, дурачок Андрей, наводит на детишек панический страх. Играть детям совершенно негде, ибо как двор, так и улица, представляют из себя зловонное болото, и редкие из детей не болеют малярией.

В доме 26 детей и 9 человек персонала. Последние, за неимением комнаты, ютятся по лестницам и коридорам.

Сначала дети спрашивали, скоро ли у них будут кровати с одеялами, простынями, белыми наволочками на подушках, но теперь уже не спрашивают... На 26 человек имеются девять обгрызанных ложек, два стола, три скамьи, комод без ящиков и ободранная этажерка.

Среди детей имеется один дефективный, который мало того, что кусается, щиплется, дерется, но совершенно не понимает, что ему говорят окружающие.

В хорошую погоду ребята ходят гулять, бегают, прыгают, играют в бабки, кубики, песок. Девочки имеют одну общую куклу Люду, с которой играют с утра до вечера. Старшие из мальчиков недавно поймали трех голубей, которые стали совершенно ручными. Поймали маленького соловья, но он у них отчего-то умер. В дождливую погоду лепят из белой глины, делают из бумаги гармошки, корзиночки и пр.

Из хороводных песен ребятам нравятся «Зоренька», «Пошла Оля в лес гулять», «Во саду-садочке». Любят играть в жмурки. Сказки слушают охотно, но предпочитают рассказы о животных и птицах.

Недавно один из мальчиков сказал:

— А что, тетя Вера, когда люди умрут, хорошо, если бы они превращались в голубей. Тогда у нас их было бы много-много.

И еще спрашивают:

— А что, если луна упадет на землю?

Любят дежурить по дому и вообще по натуре довольно аккуратные, но грязь улицы, двора, жизнь инвалидов отражаются на детях отрицательно. При таких условиях вряд ли можно создать из них людей духом

чистых, смелых и прекрасных, когда кругом они видят только грязь и недостатки.

Без сомнения, это не самый худший детдом в Барнауле. А виною всему была разруха...

7.

Положение усугублялось тем, что в связи с голодом в Поволжье летом 1922 года на Алтай прибыло оттуда шесть тысяч детей.

Идя по следам тети Тони, мне удалось встретиться с одной из бывших волжанок Александрой Дмитриевной Макаровой. Это оказалась маленькая сухонькая приветливая старушка. Услышав имя тети Тони, она охотно принялась рассказывать:

— Не помню, как привезли меня в Барнаул. Было мне годиков пять, к тому же я очень ослабла от голода. Очулась в больнице, увидела все белое и людей в белом, подумала, что я на том свете и сильно перепугалась. Больницы-то до этого ни разу не видала.

Подошла доктор с добрыми глазами, успокоила меня, стала расспрашивать. Я только имя свое помнила, остальное с голодухи забыла, а может, и не знала еще. Записала она меня на свою фамилию и отчество свое дала, а также примерную дату рождения в том списке указала. Так до сих пор и не знаю, где, когда я родилась, кто мои родители. Хуже сироты... Смутно, как в полубытом сне, припоминаю домик на берегу большой-большой реки, дерево во дворе, под которым я играла с братиком и сестренкой. Может, они и теперь живы, только я об этом никогда не узнаю.

На глазах Александры Дмитриевны заблестели слезы. Вытерев их ладошкой, всхлипнув разок-другой, она продолжала:

— Прожила я в детдоме тринадцать лет. Всяко было... Тетю Тоню хорошо помню. Она часто заходила к нам. То очередного беспризорника приведет, то просто так. Подойдет, обнимет, по голове погладит, в гости позовет. Ходили мы к ней охотно. Так хотелось нам, сиротам, побыть в семье...

Краткая летопись Барнаула

За 1941—1945 гг. меланжевый комбинат изготовил ткани для обмундирования 50 дивизий; овчинно-шубный завод и швейные фабрики пошили полушубки и обмундирование для 2,5 млн. бойцов; сапоговальная и обувная фабрики обуви 1,5 млн. воинов.

Труженики Алтая собрали на строительство танков, самолетов, судов 200 млн. рублей. Значительную часть этой суммы внесли барнаульцы.

К 7 января 1942 г. жители города отправили на фронт 3676 посылок на сумму 518387 рублей.

В годы войны в Барнауле было развернуто 15 эвакуационных госпиталей для раненых воинов.

В 1943 г. три тысячи барнаульцев, в основном женщины, были донорами.

В 1943 г. в Барнауле было 230000 жителей, из них 65 тысяч работало в промышленности.

К началу войны в барнаульской парторганизации состояло на учете 4410 членов и кандидатов партии, к концу войны их стало 11164.

В марте 1944 г. на базе Пушкинского сельхозинститута создан Алтайский сельскохозяйственный институт.

За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны награждено орденами и медалями Союза ССР 40240 барнаульцев.

Окончание летописи на стр. 77, 79.

«изюминкой», которая Иркутск делает непохожим, допустим, на Омск, а Томск — на Кемерово? И что, к слову сказать, прежде всего привлекает внимание гостей города, туристов?

— Этот раздел планов на будущее действительно заслуживает особого внимания. В центральной части города особняком стоит охранная историческая зона — памятник градостроительному искусству XVIII—XIX веков. Институт «Алтайгражданпроект» уже разработал ее проект (авторы архитекторы А. Долнаков, Н. Вдовин, С. Боженко, В. Никитин). Воплощение идей этого проекта восстановит историю города, основанного, как все знают, и развивавшегося как центр горнозаводского округа на Алтае. Именно заводской комплекс определил характер Барнаула, отличивший его от других городов Сибири.

Музейно-историческое развитие получит прежде всего район: улицы Ползунова—Гоголя—проспект Красноармейский—Пионерская (бывшая Коюшенная или Демидовская) площадь с обелиском в честь столетия горного дела на Алтае. Проектанты предложили вынести за пределы этой зоны спичечную фабрику, убрать малоценные дома. Словом, очистить набережную Барнаулки до улицы Ядринцевской для того, чтобы оставшиеся архитектурные памятники, по обоим берегам объединились в одно целое. На этой территории продуманы пешеходно-экскурсионные связи, специальное озеленение.

Вторая часть проекта охранной территории — создание зоны деревянного зодчества по улицам Анатолия и Интернациональной — уже осуществляется. Некоторые здания перенесут сюда с других улиц взамен тех, которые не представляют в этом смысле интереса. Любопытно также будет выглядеть после реконструкции еще один комплекс охранной зоны: задумано в пределах проспекта Социалистического и улицы Мало-Тобольской восстановить торговые ряды. Так что в сравнительно недалеком будущем мы можем в полный голос сказать: «Добро пожаловать, туристы!»

Вопрос. Вы упомянули застройку правобережной части Оби. И хотя это дело достаточно отдаленного будущего, хотелось бы по мечтать о нем, представить подробности. Ведь это же такой этап, который будет означать «новый Барнаул».

— В географических справочниках сказано, что Барнаул расположен на великой сибирской реке Оби. С освоением правобережья это утверждение будет целиком соответствовать истине. Что же касается мечтаний, то для них и в этом случае существует реальная база — «Технико-экономические обоснования

развития Барнаула до двухтысячного года». Их рассматривает Госплан СССР.

Для освоения правобережья Оби, как должно быть ясно компетентным людям, непременно одно условие: размещение там крупного промышленного объекта. Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР, рассматривая варианты размещения в Западной Сибири крупнейшего комплекса «Сибхимнефтемаша», пришел к выводу о целесообразности построить его на Алтае, в частности, в Барнауле. Оснований для этого немало. Во-первых, близость нефтеносных районов, для которых планируется выпуск оборудования, а также сырьевых ресурсов для этого. Во-вторых, здесь есть развитый железнодорожный и водный транспорт. Учтено и то обстоятельство, что, несмотря на сложность демографической обстановки в одиннадцатой и двенадцатой пятилетках, Алтай все же будет иметь большие в сравнении с другими областями Западной Сибири возможности для привлечения рабочей силы. Наконец, Алтай располагает сельскохозяйственным потенциалом, способным полностью обеспечить проектируемый комплекс продуктами питания.

К слову сказать (раз уж речь зашла об участии в судьбе нашего города большой науки), СО АН СССР вместе с Алтайским и Новосибирским государственными университетами разрабатывает планы социального и экономического развития Барнаула.

Возвращаясь к правобережной застройке, хотелось бы подчеркнуть, что она связана с огромными материальными затратами и большими техническими сложностями. Достаточно сказать, что для начала необходим коммунальный мост через Обь. ТЭО уже разработаны. В заречье надо соорудить очистные сооружения, построить ТЭЦ, намывать около шестидесяти миллионов кубометров грунта — ведь это же речная пойма.

Ну а потом, когда все это будет сделано и построены жилые дома, культурно-бытовые учреждения... тогда в окружении прекрасной природы, «лицом» к нашей красавице Оби, здесь будут жить около двухсот тысяч человек, — четверть всего населения города.

Вопрос. Вернемся на обжитой левый берег. С вашей помощью читатели постараются представить и Обской бульвар, и экспериментальный жилой микрорайон, и историческую зону, и даже отдельные уникальные здания, созданные по специальным проектам. Однако этой картине будет не доставать красок, пока не освещена та часть градостроительной программы, которая включает монументально-художественное оформление и благоустройство...

Потом я сама стала воспитательницей, тридцать девять лет проработала в детских домах. Можно сказать, всю жизнь сиротам отдала. В эту войну их ведь тоже много было. И всегда во всем примером для меня была тетя Тоня. Господи, бывают же такие люди на свете!.. На других-то посмотришь, особенно сейчас, все к себе гребут, все им мало. А у той о себе никогда думы не было. Для людей жила...

8.

Познакомился я, конечно, и с дочерьми тети Тони. Все они уже в возрасте. Младшей, Антонине Петровне, уже под шестьдесят набежало. Говорят, она больше всех походит на мать.

Старшая, Мальвина Петровна, худощава, сдержанна, одета с завидным вкусом. Похоже, была и осталась модницей. Средняя, Александра Петровна, попроще. В ней есть что-то деревенское в самом хорошем смысле этого слова. Открытая душа. Полная, подвижная, громкоголосая.

Одинаковых и листьев на ветке не бывает. Однако роднит сестер и что-то общее, тети-Тонино, как я полагаю. Это природная, идущая от сердца доброта, ненавязчивое гостеприимство, заметное в речи и даже в выражении лиц, но отнюдь не выпячиваемое сознание честно прожитой жизни.

Немало времени провел я с ними в разговорах, немало исписал листов в своем блокноте. Здесь же, чтобы не утомлять читателя излишними подробностями и повторениями, передаю лишь самую суть.

Вот что рассказала Александра Петровна (начнем с нее):

— В моей памяти мама осталась такой: идет по улице, невысокая, плотная, на вид суровая, в кожаной куртке, красной косыночке, и ведет за руку оборванного грязного мальчишку или девчонку. Приведет, спросит:

— Шура, у тебя там рубашка в полоску была, ты, поди, без нее обойдешься?

— Конечно, обойдусь.

— Ну и ладно.

Нагреет воды, вымоет, переоденет приведенную, за стол посадит, а на столе уже чугуны с картошкой. И все это без лишних слов, без сюсюканья, без аханья. Только иногда смотрит-смотрит, как девчонка или мальчишка горячую картошку за обе щеки уплетает, и у самой вдруг слезы блеснут. Но она тут же встряхнется, сведет все к шутке.

Многие беспризорники оставались у нас на месяцы, а то и на годы. Иван Пролетарский уже и взрослым стал, кочегаром работал, а все не хотел уходить. Мама нашла ему квартиру, купила кровать, постель, а он вернется из поездки — хоть на стульях, но у нас переспит. Пока тепло было — в сарайчике жил.

Подолгу жили у нас в разное время Маруся Иванова, Шура Фоменко, Ваня Пушкин, Глеб Грибоедов, Коля Тилькунов, Саша Пугачев, Ваня Кондюрин, Глеб Холоденин, Миша Ольховский, Сережа Чугунов, Коля Страхов, Вася Чичулин. Всех-то уж не помню: времени сколько прошло! За стол действительно редко садилось меньше десяти человек. Мама полуверный чугуны картошки или щей поставит — мы его, как за себя кинем. Разносолов особых у нас никогда не бывало, родители зарабатывали немного, но, что имели, делили поровну. Обиженных не было.

Еще помню Ваню Четверкина. Хороший был парень, мама устроила его учеником составителя поездов. Он очень хотел стать машинистом паровоза, но как-то сплхнул на работе и ему отрезало поездом ногу. Вся наша семья переживала это несчастье. Мама поручила мне каждый день ходить к нему в больницу. Я, как могла, старалась помочь ему побороть отчаяние. Позже

он окончил медицинский институт, стал врачом, живет в Томске...

Долго жил у нас Степан Фролов. Это был очень трудный парень, школьник, сорвиголова. Ни детдом, ни колония не могли с ним совладать. Не знаю, какое терпение нужно было иметь, чтобы возиться с ним. И мама возилась, не отступала. С годами Степан наладился, стал бригадиром мехцеха, затем мастером инструментального цеха паровозного депо. В 1943 году вступил в партию. За добросовестную работу награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени. Воспитал со своей женой Марьей Яковлевной двух детей, оба высшее образование получили...

Мама, бывало, как Марью-то встретит, всегда спрашивает:

— Ну что, сноха, не обижает он тебя?

Умер Степан от астмы в 1975 году. Когда тетю Тоню вспоминал, особенно в пожилые годы, всегда плакал...

Она приводила не только детей. Помню, однажды привела с вокзала заболевшего красноармейца. Вымыла его, потом отвезла в больницу. А на другой день сама заболела тифом. Когда красноармеец вышел из больницы, он жил у нас, пока не набрался сил. Потом долго писал маме, называл ее своей спасительницей. Звали его Артемий Кириллов.

9.

Мальвина Петровна вспоминает:

— За столом мама часто рассказывала, как приходилось ей обивать пороги разных учреждений, чтобы устроить беспризорников на работу. Брали их с неохотой.

— С ними хлопот не оберешься, — отвечал на мамину просьбу иной начальник.

— Что ж, ему опять на улицу идти? — спрашивала мама.

— А при чем тут я?

— Вы, стало быть, ни при чем? Вас это не касается? А вы советский человек или нет? Если вы не протянете руку сироте, если я ему не помогу, подумайте, кем он будет?

— Ну, мать, у тебя не вывернешься. Ладно! Только уговор: приходи почаще. Вместе будем воспитывать.

— Это само собой.

Мама следила не только за своими воспитанниками. Бывало, услышит, из детдома отправляют кого-нибудь в исправительно-трудовую колонию, сейчас — туда.

— Отдайте его мне на поруки. Не верю, что он пропащий человек.

И отдавали. Знали: тетя Тоня не подведет.

Зато и любили же ее беспризорники! А уж они кого полюбят — в обиду не дадут.

Однажды нас обокрали. Сделать это было не трудно: дом наш никогда не запирался на замок. Я ревела (жалко наш нарядов, уже в невестах ходила), папа добродушно подшучивал над мамой, соседки судачили:

— Ну что, Антонина, отблагодарили тебя твои шармачи? Эх, из кого ты надумала людей делать!

— И буду делать, — спокойно отвечала мама. — Неправильных людей все равно нет. Вот увидите, вещи вернут.

Так и вышло. Вечером к нашей калитке подошла группа детдомовцев. Они вели, подталкивая, двух изрядно помятых подростков. В руках у них были узлы с нашими вещами.

После этого соседки, особенно вдовы, сами стали приходить к маме за помощью.

Со слезами просили:

Тетя Тоня и ее воспитанники

— Мой-то без отца совсем от рук отбился. Поговорила бы с ним. Они, дьяволы, тебя лучше родной матери слушают...

Помню такой случай.

Как-то маму премировали путевкой на курорт. Ехать надо было в августе, но как раз перед этим она раздала все свои деньги беспризорникам и теперь вынуждена была ждать, когда папа получит зарплату. Об этом узнали жившие у нас беспризорники. И вот через неделю мама получает перевод на 100 рублей из Свердловска, затем на 50 рублей из Москвы, на 50 рублей из Красноярска и — уж не помню откуда — мешок великолепных сухарей.

На вокзал маму провожала и усаживала в вагон целая толпа ребят. Перед отходом поезда прибежал Коля Страхов, бывший рецидивист, а теперь рабочий вагоноремонтного завода, комсомолец. Он стал чуть не со слезами просить маму, чтобы она взяла у него пять рублей...

Мы все помогали маме чем могли, а особенно много — папа. Он у нас большой души человек. В молодости это был настоящий богатырь, сильный, веселый, добродушный. Не помню, чтобы он когда-нибудь сердился или скандалил. Хорошо играл на гармошке, привез ее еще с Амурской дороги. Особенно любил революционные песни. Мы часто пели хором, временами це-

лые концерты устраивали — на балалайке, ложках, на губах. На губах особенно хорошо получалось у Александры...

10.

Младшая дочь, Антонина Петровна, является, насколько я понял, хранительницей семейной истории. По-моему, она даже ведет какие-то записи. У нее оказалось несколько групповых фотографий с матерью, две из которых она любезно уступила для архива.

Меня особенно интересовала поездка тети Тони к Крупской. С нее и начала Антонина Петровна свой рассказ:

— Мама ездила в Москву к Надежде Константиновне хлопотать о строительстве нового дома для трудновоспитуемых. И меня взяла с собой. Мне было тогда 13 лет.

Помню, когда в Кремле нам выписывали пропуск в Наркомпрос, одна женщина сказала маме:

— Какое большое дело вы делаете! Страна нуждается в таких людях, как вы.

К Надежде Константиновне мама вошла сначала одна, но через некоторое время вернулась, взяла меня за руку и ввела в кабинет. Помню, я ужасно растерялась, даже дыханье перехватило. Надежда Константиновна показалась мне против мамы старенькой-ста-

ренькой. Волосы у нее были совсем седые, а глаза добрые-предобрые. Этих глаз я никогда не забуду. Она ласково спросила, как меня зовут. Я ответила чуть слышно. Еще она спросила, в каком классе я учусь. Потом продолжила разговор с мамой. К стыду своему, я ничего не запомнила из этого разговора. Маленькая еще была, глупая.

Вскоре после возвращения в Барнаул мама сказала нам, что разрешение на строительство дома получено. Оно пришло почтой.

Шли годы. Старшие сестры вышли замуж, брат уехал учиться, я осталась одна. В 1936 году у мамы случился сердечный приступ. Этого никто не ожидал. Все считали ее человеком железного здоровья, может быть, потому, что она никогда не раскисала. Характер у нее был сильный, волевой.

Ей дали вторую группу инвалидности. Началась Великая Отечественная война. Трогательно было смотреть, как бывшие мамы воспитанники, уходя на фронт, приходили с нею попрощаться; укладывали свои вещи к нам в кладовку и бодро говорили:

— Ждите нас!

Мама, уже старенькая, согнутая болезнью, дарила кому носовой платок, кому кисет, наказывала:

— Ну, сыночки, войте со славою. Не забывайте писать. И дай вам бог скорее вернуться.

С Дальнего Востока приехала старшая сестра Мальвина с двумя малолетними детьми и поселилась у нас. Мужа ее, командира Красной Армии, незадолго перед этим перевели подо Львов. Он оказался в боях с первого дня войны.

Хлопот в нашем доме прибавилось. Однако мама пошла работать воспитательницей в общежитие железнодорожного училища № 2 (теперь ГПТУ № 2), Мальвина устроилась воспитательницей в школу ФЗО № 4. Детей ее определили в садик. Я заведывала узловой технической библиотекой и одновременно библиотекой железнодорожного училища. Папа сутками не выходил из депо. В общем, жили, как все.

Маме с фронта от бывших воспитанников часто приходили письма — солдатские треугольнички. Какие это были сердечные письма! Отвечать на все мама была просто не в состоянии. Она уходила на работу, в шесть утра, а возвращалась в двенадцать ночи, иногда и ночевала в училище. Пришлось эту задачу мне взять на себя, хотя свободного времени у меня тоже было мало. Кроме работы, участвовала, как и все, в субботниках, воскресниках, выезжала в колхозы на уборку.

7 декабря 1944 года у мамы случился новый сердечный приступ. Еле ее отходили. Директор училища Назаров Прокопий Дмитриевич достал для мамы путевку на курорт. 12 декабря маму под руки привели в училище. Она захотела перед отъездом проститься со своими воспитанниками.

Но уехать не успела. 14 декабря ее не стало. Она прожила всего сорок шесть лет...

Помню, в день похорон был жуткий мороз. Даже оркестр играть не мог. Но на похоронах было много людей. Мамыны воспитанники сварили надгробный памятник и на нем написали:

«Тетя Тоня — мать беспризорных детей».

11.

Бывший ученик железнодорожного училища, теперь мичман, Степан Кириллович Кучмай пишет из Киева:

«...В общежитии училища в комнате № 13 нас жило шесть человек, все сироты, мальчишки с покаленной судьбой. Подход к нам найти было нелегко, но тетя Тоня нашла его. С подъема и до отбоя находилась она с нами, вникала во все нужды, следила, чтобы в столовой давали полную норму. Рассказывала о положении на фронтах.

Иногда и ночевать оставалась. Ляжет на свободную койку и до поздней ночи рассказывает о трудных двадцатых годах, о беспризорных, прочитанных книгах...

С нею можно было говорить обо всем. Она всегда выслушает, поймет и, если надо, поможет. Ну, как родная мать!.. Никогда не ругала нас, даже голос не повышала. Если увидим: тетя Тоня сердится — это было для нас самым большим наказанием.

В годы Великой Отечественной войны беспризорников тоже было немало. Их снимали с поездов, задерживали. Тетя Тоня частенько заходила в привокзальную милицию, приводила в училище новое пополнение.

Ее, наверно, знал весь город. Бывало, идешь с нею по улице — то один здоровается, то другой. И не просто головой кивнул и дальше, а ласково, по-сыновьи. Иногда отойдем, она поясняет:

— Тоже бывший беспризорник. Машинистом работает. А тот, седой, теперь в начальниках ходит. А такой сорвиголова был — не приведи господь.

В войну с кормежкой неважно было, в семье тети Тони — тоже. Но она нередко приносила нам то пирожки, то ягоды. Выложит на стол, скажет со своей скупой улыбкой:

— Угощайтесь, ребятки. Надоела, поди, казенная каша?

Понимала, что скучновато нам, подросткам, на военной норме. Росли ведь.

В 16 лет я был назначен мастером и сам стал воспитывать людей. Тетя Тоня и тут не оставляла меня своим вниманием.

А в сентябре 1944 года пришел мой черед идти в армию. На прощанье мы сфотографировались с тетей Тоней. Мог ли я тогда знать, что жить ей осталось три месяца?..

Много лет служил я на кораблях Балтийского флота, теперь — в Киевском высшем военно-морском политическом училище. Работая с матросами, курсантами, часто с благодарностью вспоминаю тетю Тоню. Ее доброта, безграничная любовь к людям, честность и прямота — всю жизнь самый лучший пример для меня...

Я долго разыскивал по архивным документам, какие должности занимала тетя Тоня в 1920—1944 гг. Вот их перечень, возможно, не полный:

— общественный инспектор по охране детства;

— председатель деткомиссии при станции Барнаул;

— заведующая курсами кройки и шитья при обществе «Друг детей» (на курсах шили одежду для детдомов);

— секретарь транспортного совета общества «Друг детей»;

— и, наконец, воспитательница в общежитии.

В суровом 1942 году Антонина Павловна Попова вступила в ряды ВКП(б). Дочери рассказывают, что ее избирали депутатом горсовета.

Однако даже с учетом депутатского звания должности ее, а стало быть, и возможности, были довольно скромные. Но как много сумела сделать добра, какой светлый, золотой след оставила в памяти людской эта простая русская женщина!

Назови ее самыми лучшими словами — все будет мало. Лишь одно из них вполне подходит к тете Тоне, неразделимо с ней — святое слово Мать...

12.

Недавно ко мне на квартиру пришел пожилой, скромно одетый человек. Вежливо поздоровался, спросил:

— Слышал, вы интересуетесь тетей Тоней? Так я один из ее воспитанников. Чичулин Василий Григорьевич.

Излишне говорить, как обрадовал меня такой гость.

— Приехал из Комсомольска-на-Амуре поклониться могиле тети Тони, своей мамы, — начал Василий Григорьевич, когда мы сели за стол. — Сорок лет здесь не был. Город за это время так вырос — хожу и ничего не могу узнать. Антонину через горсправку нашел, а она дала ваш адрес. Это хорошо, что вы тетей Тоней занимаетесь. Не надо нам таких людей забывать. Многих она вывела на правильный путь. И меня вот тоже... Родителей я своих не помню. Подобрала меня на улице одна барнаульская учительница, хотела усыновить, да дочке ее моя личность не понравилась. Определили меня в детдом, но оттуда я удрал. Снова принялся за старое. Неизвестно, чем бы это кончилось, если б не словила меня однажды на вокзале тетя Тоня. Привела домой, переночевал я у них, да так и остался. Прилепился к этим людям, стала моя душа возле них отогреваться. Душа-то еще ребячья была, по ласке скучала, а я ничего, кроме подзатыльников, не знал.

Устроила меня тетя Тоня учеником повара, но мне там не понравилось, перевелся с ее помощью в мастерские железнодорожного ОРСа. Потом строил меланжевый комбинат. В 1938 году призвали в армию, отправили на Дальний Восток. Отслужил срок, остался в Комсомольске-на-Амуре, устроился электросварщиком. И до сегодняшнего дня профессию не менял. Ну вот и все. Извините, что отнял у вас время.

— Да что вы, Василий Григорьевич!

— Хочу вам что-то подарить. Сорок лет хранил.

Он бережно вынул из бумажника и положил передо мной пожелтевший, мелко исписанный тетрадный листок.

— Что это? — спросил я.

— Письмо тети Тони.

— Письмо? Мне еще не приходилось читать ее писем. А когда оно написано?

— Весной сорокового года. В марте или апреле.

Письмо сильно обветшало. Часть строк в нем прочесть уже невозможно. А что сохранилось, я помещаю здесь без каких-либо исправлений. Думаю, никто не осудит тетю Тоню за ошибки в письме.

«...Милый сын давно не получала от тебя писем.

Как ты думаешь я ведь вся изболелась где ты и что с тобой. Знаешь хорошо какая твоя мать сумашедшая. Ночи не сплю все думаю где и что с вами и все ждала все (неразборчиво) тебя нет и нет где и что не знаю а теперь успокоилась. Все даки учися к хорошему. У нас электросварщики зарабатывают до 200 рублей в месяц.

Милый мой сыночек это дело неплохое ты у меня все прошел как Максим Горький это все тебе пригодится.

Сыночек мой милый я все хожу устраивать ребят и девчат пока ноги ходят верно судьба моя такая верно на роду написано. Дядя Петя все работает в депо уже стал слабый а у Шуры сын Виталий 3 года такой мальчуган... (здесь стерто).

Здоровье мое совсем стало плохое. Вот пишу и плачу увижу ли тебя мое дитетко. Я веть очень соскучилась о тебе. Такая мать несчастная все мои детки разлетелись на все стороны. Когда усну крепким сном тогда только забуду вас мои родные и дорогие. Вот меня премировали политотдел и райком профсоюза отрезом на костюм в день 8 марта. Спомнили тетю Тоню и пришли за мной попросили чтобы заняла место в приездоме я заняла и сделала доклад по моей работе. В клубе очень много женщин плакали. Ведь как ни говори проработала 20 лет всю свою молодость и здоровье отдала для блага сирот.

Милый мой мальчик пошли мне карточку я посмотрю какой стал ты. Шлют тебе большой привет дядя Петя Шура Борис ее муж все крепко жмут тебе руку и желают тебе хорошего успеха а особенно твоя мама целует тебя бесчетно раз дорогую деточку твоя любящая...» (Дальше оторвано.)

...Не правда ли, трудно поверить, что Василий Чичулин был всего лишь одним из многих воспитанников тети Тони, а не самым любимым ее сыном...

В моей жизни архивиста было и будет, наверное, еще немало интересных поисков и находок. Но тетя Тоня никогда не станет для меня «пройденным этапом». Снова и снова буду я звонить, писать запросы, письма, рыться в документах и радоваться каждой строчке, каждому новому слову о полюбившемся мне человеке.

Владимир Мсфодьевич Башунов родился в 1946 г. в с. Турочак на Алтае. В 1970 г. окончил Барнаульский педагогический институт. Автор трех поэтических сборников — «Поляна», «Васильковая вода» и «Три дождя». Член Союза писателей СССР.

В настоящее время — слушатель Высших литературных курсов при Союзе писателей в Москве.

Владимир БАШУНОВ

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОЕЗД МЧИТ, НЕ УСТАВАЯ...

* * *

Стога, стога. Деревни. Перелески.
Рябиновый, калиновый огонь.
Как бабочка, взлетит на переезде
вслед поезду взмахнувшая ладонь.

Железный поезд мчит и жарко дышит.
И та земля, бегущая в окне,
она меня не видит и не слышит,
не помнит и не знает обо мне.

Земля моя! Размытый образ детства.
Куда нас и какая гонит прыть!
Все не хватает времени взглядеться,
приблизиться, присесть, поговорить.

Забывтый след. Растерянное братство.
Кому пенять, как не себе пенять!
Все не умеем с мыслями собраться,
прислушаться, почувствовать, понять.

Железный поезд мчит, не уставая.
И, отставая, тянется ко мне,
не узнавая и не доставая,
земля моя, бегущая в окне.

* * *

Кукушка колосом подавилась.
Первый лист, пожелтев, слетел.
Ты проснулась и удивилась:
столько осталось несделанных дел!

Начатых, брошенных на половине,
вовсе неначатых...

Ах, не впервой
тянет от дела к сладкой малине,
в заросли, в ягоду — с головой!

Необоримы лень да истома.
Давит виски созревающий хмель.
Сено духмяное или солома —
незабываемая постель.

Мы потеряемся в душном июле,
выплывем где-нибудь в сентябре.
Ну-ка, за дело, хватит, гульнули!
В полночь ложиться, вставать на заре.

Столько скопилось в запущенном доме,
затосковала по делу рука.
Ну а пока
ты дремли на соломе.
В красной малине твоя щека.

* * *

Тот сдвинутый горделиво
венец молодого груздя.
Те узкие листья крапивы,
блестящие после дождя.

Та женщина в легком загаре
с букетиком ягод в руке.
Тот запах и горя, и гари,
рассеянный вдалеке...

Давно ли!
Не знаю ответа,
но чудится мне, что забыл:
в другой своей жизни все это
я видел уже и любил.

* * *

Полировки и побрякушки,
позолоченные игрушки...
Да, в цене.

Только нет цены
для опушки лесной, речушки.
На студенческой раскладушке
были ярче и слаще сны.

Да, люблю хорошую мебель
и на море хочу, где не был,
и не вижу в этом вины.
Только в сердце пусть будет недолгой
эта страсть, а не то недоброй
мы дождемся с тобой седины.

Вот и ссориться стали чаще.
Или нам поселиться в чаще,
где живут одни колдуны!
Я умру на глухой тропинке.
Дай мне руку, все нет росинке,
Нет улыбке твоей цены.

* * *

Никакого не хватит терпенья
усидеть за кирпичной стеной —
бродит по свету летнее пенье
в рубашоночке расписной.

Над куриною слепотою,
над бездомной судьбой дорог
тонкой ниткою золотою
ты завяжешь мне узелок.

Не горюй по мне, отпуская,
не загадывай нам беду,
все на свете я потеряю,
а дорогу к тебе найду.

Пусть и жить еще не умею,
пусть растрепан, как летний дождь.
Все, что я за душой имею,
по друзьям моим соберешь.

А увидеть меня захочешь,
если станет не по себе,
ты пробудишься среди ночи...
Это я наклонюсь к тебе.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

Полночные травы трехликой Гекаты,
богини волшебниц, дорог и луны!
Болиголов, умертвивший Сократа,
красивый дурманнный цветок белены...

Отравленный куст наклоню и приближу,
кисть ягод, приблизив, в руке задержу.
Но как ни гляжу, ничего не увижу.
Когда не увижу, зачем я гляжу!

О демоны леса! О странные дети
природы, не помнящие родства!
Как тянет попробовать ягоды эти,
сорвать, прокусить... прикусить ли едва.

Сорвать, прокусить!
И что будет, то будет,
хотя бы услышать, горчит ли, сладит.
Любимая вздрогнет, да скоро забудет.
Дурак посмеется, а умный простит.

Так что же я медлю над кистью зардевшей
у наклоненного низко куста
с моей, но чужою рукою зальдевшей,
вмороженной в воздух у самого рта!

ПИСЬМО ИЗ ДЕРЕВНИ

Анна Дмитриевна, Аня,
моя чудная жена,
вот опять в моем кармане
прописалась тишина.

Задержались гонорары.
Невеселый посему
тары-бары-растабары
развожу я по селу.

Развезу — и на скамейке
покурю да на крыльце.
Ни копейки, ни идейки,
ни кровиночки в лице.

Анна Дмитриевна!
Что же не жалеешь ты меня!
Ведь осталась только кожа,
да и кожи — на три дня.

Что же ты не залетаешь
в наше дальнее село!
Или, может, не скучаешь!
Или просто мне назло!

Ты послушай-ка, подружка,
что скворечник на избе,
синий полдень и кукушка
стосковались по тебе.

Приезжай скорее, Аня,
в наших здешних кладовых
по росе да при тумане
я нарву цветов таких,

что вздохнешь — и задохнешься,
пока слова не скажу,
что уснешь — и не проснешься,
пока я не разбужу!

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Женщина в окне напротив.
Хорошо мне наблюдать,
как она на стол накроет,
сядет гостя поджидать.

То ли мужа, то ли друга,
то ли ветреных подруг.
Освещен кусочек круга.
Затенен остатный круг.

То пройдет в нетерпенье.
То притихнет в уголке.
То попробует варенье.
То платок сомнет в руке.

Нету друга, нету мужа,
и подруги не звонят.

На дворе такая стужа —
даже веточки звенят.

То ли плачет, то ли злится!
То ли верит, то ли нет!
То ли выключить боится
одиноким поздний свет!

ЛЕСНЫЕ СТОРОЖА

Шмель, сторож цветов, гудит.
Сыч, сторож лесов, глядит.
Сверху коршун меня стережет.
Снизу мох мой след бережет.

Ух! Незамеченным не прийти.
Ух! Ненаказанным не уйти.
Лучше ветку зря не крути,
лучше речку зря не мути.

В каждый листок вращен зрачок,
стрельнуть может каждый сучок!

Снизу мох твой след бережет,
сверху коршун тебя стережет,
снизу камень тебя найдет,
сверху гром на тебя упадет!

* * *

Я сына ударил — он скатерть прожог.
«Недолго и дом спалить!»
Я сам прожигал, а сдержаться не смог.
Начали нервы шалить!

Сын мой обиду стерпел, ни гугу.
Сын мой давно уже спит.
Я и за полночь уснуть не могу —
рука от стыда горит!

Барнаул, проспект Ленина в районе площади Советов (50-е годы).

КОРАБЕЛЫ

Затон — поселок судостроителей, речников и ремонтников, он пока один-единственный представляет огромный Барнаул на правом берегу Оби, обосновавшись здесь сотню лет назад на речных островах. Родословная поселения (нынче их называют спутниками больших центров) не столь древняя и завидная, как у левобережного города, широко шагнувшего ныне от крутого и высокого берега реки на волнистые просторы Приобского плато. Но если сегодняшний Барнаул в целом — детище индустриального века, то Затон — законный сын великой водной артерии, утвердивший все возрастающее значение краевого центра не только на суше, но и на воде.

И пусть в Затоне живет ныне всего лишь одна сотая шестисоттысячного населения города, а заводу его никак не сравняться с гигантами машиностроения и химии, вставшими в ряд по левому обскому берегу, все равно правобережный поселок плоть от плоти трудового, социалистического Барнаула, его кровная, неразрывная частица, у которой есть примечательное прошлое, настоящее и будущее. Новые речные суда, сходящие со стапелей судоверфи, грузовой и пассажирский флот, бороздящий водные просторы красавицы Оби, а главное — люди, десятилетиями живущие и работающие на реке, — вот самый прочный мост, связующий небольшой поселок правобережья со своим городом.

Кто знает, может, со временем город широко шагнет в Заобье, а через реку перекинется новый ажурный мост, ведь нынешним уже сейчас тесно от избытка транспортных потоков. Определенно, так и будет, а пока низкий и пойменный берег Заобья лежит чуть ли не в первозданной красоте: зимой — в безмолвии под белоснежным покровом, а весной и летом — то скрытый на целые недели, а то и месяцы весенним половодьем, то раскинувшийся разнотравьем обширных лугов. И только заводской поселок, через который пролегла шагнувшая через Обь электролиния высокого напряжения, выглядывает колоритным индустриальным мазком на сугубо деревенском пейзаже. Еще колоритнее здесь люди, исконные речники и корабелы. Их много, беззаветно влюбленных в реку, в завод, в поселок. О ком же рассказать, чтоб других не обидеть?

— Пишите о Чернышовых, — сказали мне на заводе. — Не ошибетесь. Как-никак эта семья лет полтора в общей сложности ремонтирует и строит суда.

Трудовая биография корабелов Чернышовых началась здесь в начале тридцатых годов, когда ремонтно-эксплуатационная база флота в Затоне еще не претерпела сколь-нибудь существенных изменений в послеоктябрьский период, хотя и ее коснулось мощное дыхание социалистической индустриализации. На лесах промышленной реконструкции Затона, может, и не столь значимой для судеб Алтая по тем временам, оказался

и калманский мастеровой по выделке кож Петр Иванович Чернышов — основатель нынешней династии корабелов.

ОТЕЦ

Бывает, течет-течет река проложенным руслом, да вдруг выбьется в бурное половодье из берегов, а потом петляет, мечется по незнакомой местности, словно заблудший путник, до тех пор, пока в старое ложе не вернется или новое не отыщет. Нечто похожее случилось и с Петром Чернышовым, работавшим в конце двадцатых годов на калманском участке или, как говорят речники, перекате Оби бакенщиком. Ремесло бакенщика в чем-то сродни профессии путевого обходчика: и тот и другой транспортный путь оберегают, один — на речном фарватере, второй — на железнодорожном полотне. Работа одиночная, бывает, за день ни с кем словом не обмолвишься. У бакенщика, правда, кое-какая привилегия есть, он нужен на реке, пока идет навигация, пока движутся по воде суда. А с осени до весны, пока река лежит подо льдом, бакенщик дома, в родной семье. Проводив поздней осенью прощальным взглядом уходивший пароход в Барнаул, Чернышов на большой деревянной лодке объезжал свое водное «царство», собирал облезшие от воды и ветра бакены-поплавки с красными, белыми и зелеными фонарями, бережно укладывал их на дощатое днище, потом всю эту навигационную «амуницию» складывал в избушку.

Словом, шел год за годом, река по-прежнему манила Чернышова своей первозданностью, извечным движением. Он знал наперечет обские перекаты, глубокие омуты, давно привык к меняющимся глубинам фарватера, который он измерил вдоль и поперек бесчисленное количество раз. А сколько рыбных зорь провел он на Оби, тоже не сосчитать. Да и Ваньку вон от речки за уши не оттянешь, даром, что четвертый год по земле ходит. Жить бы да жить на реке, на отчей земле, благо Чернышова из родных краев никто не гнал. Между тем Петр все чаще стал поговаривать о переезде — заприсила душа большего простора. А где он, этот простор? Пройдет еще три года, прежде чем пришвартуется он окончательно к своему рабочему берегу и бросит навсегда якорь в Затоне. А до этого он поработает на местном кожзаводе в большом прителецком селе, оттуда переберется в Боровлянский леспромхоз, ненадолго задержится в Рассказихе, а потом уж осядет в Барнауле, здесь немного продержится на вагоноремонтном и наконец снова придет к Оби — на судоремонтный завод.

Вывившаяся надолго из привычных деревенских устоев жизненная колея Чернышова, кажется, начинала входить в постоянное русло. В навигацию Петр плавал подшкипером на пароходе «Советская Россия», а с окончанием ее вплоть до будущей весны работал в транспортном цехе, куда его окончательно определили на постоянную работу. Тихоходный пароход, про скорость которого бытовала у речников поговорка: «Пятый день вторую версту шлепает», плавал в низовья Оби до самого Колпашево, шкипер исправно следил за своим судовым хозяйством, на стоянках грузил вручную уголь, на опасных перекатах промерял длинным шестом глубину фарватера, а в короткие от-вахты передышки любовался окрест лежащими берегами, девственными таежными лесами, вплотную подступающими к реке, знакомился с новыми поселениями, выраставшими то справа, то слева по течению Оби, возвращался в Затон всегда с целым ворохом впечатлений. Увиденным делился сразу со всей семьей, к тому времени детей у Чернышовых стало четверо. В тридцать втором семья перебралась жить в Затон, здесь ей дали комнату в де-

ревянном двухэтажном доме, где размещалось еще семь таких же многодетных семей речников. На пятнадцати квадратных метрах семерым, конечно, было тесновато, но никто этого не замечал. Старшая девочка ходила в местную школу, самого младшего устроили в детские ясли — они уже третий сезон в Затоне работали. Но больше всего детвора пропадала на разнотравно-злаковых лугах, на обских рукавах, а зимой каталась на санках, на лыжах, устраивала снежные бои. Больше других любил слушать отца семилетний Ванька, который через год собирался идти в школу. И он больше всех огорчался от того, что папку не «пустили в плавание», «списали на берег» в транспортники. Значит, пришел конец Ванькиным путешествиям по Оби на пароходе, в которые изредка брал отца сынишку!

Но, как впоследствии выяснилось, и на берегу у отца профессия была столь же ответственная и нужная, что и на воде. Как-то после слишком обильного снегопада, шедшего подряд целую неделю, отчего поселковые избы и стоявшие в Затоне суда потеряли свой привычный облик, превратившись в бесформенные снежные «айсберги-чудовища», отец встал намного раньше обычного, потеплее оделся и ушел на работу. И только в полдень подъехал к дому пообедать. Задав коням овса, веселый вошел в комнату и сказал: «Ну и навалило снежку, только на реке он ни к чему, не уברי вовремя, лед просядет, суда покорежит». И чистил Петр Иванович судовую стоянку целую неделю так, будто драил палубу теплохода. Ванька вместе со своими сверстниками помогал отцу. Разве можно допустить, чтоб взломанный лед повредил борта белоснежных пароходов!

В обычных будничных делах Чернышов отличался прилежностью, старанием. Ремонтникам судов не приходилось жаловаться, что он хоть раз приподзал с нужными грузами или не пришел на помощь, когда требовалось выполнить трудную работу. Механизмов тогда было маловато, и чтоб приподнять, скажем, нос или корму судна, надо было всей артелью как следует принагужиться. Чернышов, хоть и худощавый с виду был, но силой его бог не обидел. Бывало, не успеешь оглянуться, а на запорошенном снегом льду уже лежат сложенные порядком пиломатериала, стальной прокат, другой нужный для судоремонта материал. «Вот тужи рвет», — говорили обычно про Петра Ивановича, видя, как кипит в его руках работа. Не за похвалой гнался, попросту не мог иначе, лень и верхоглядство Чернышову с детства были противопоказаны. Бесхозяйственность тоже. Надо было видеть, как он возмущался, когда замечал загубленный деревянный брус или брошенный кусок металла. «Свое гробишь», — бросал он с упреком расточительному ремонтнику. Помогало.

Вот так он и работал вплоть до жаркого июньского лета сорок первого. Воевать его не взяли, все-таки сорок седьмой отстукивал, а по-штатски, вернее, по-флотски мобилизовали незамедлительно в плавсостав и поставили шкипером несамоходной баржи. Здесь он будет служить долго и безупречно, и многотрудная вахта Петра Ивановича, по существу, не прерывалась круглый год — то на воде, то на берегу. Летом река посылала Чернышова в бесконечные грузовые рейсы, зимой пристегивала к судоремонту, берег звал к отстроеному перед войной большому собственному дому, в котором всегда ждала отца большая, дружная семья: жена, мать, семеро детей.

СЫНОВЬЯ

Когда нестерпимые, адские боли в закрытых наглухо повязками глазницах стали мало-помалу отходить, а левый глаз во время перевязки сквозь туманную плену разглядел на больничном потолке весело прыгавший солнечный зайчик, семнадцатилетний инвалид войны Иван Чернышов начал понемногу собираться с

мыслями, о завтрашнем дне подумывать. Утешаться было нечем, при выходе к своим, после выполнения боевого, одиннадцатого по счету задания в тылу врага, молодой десантник от осколков вражеской гранаты лишился правого глаза. Левый врачам удалось спасти, он хоть и покалеченный, но после долгих недель бесконечной тьмы будто заново вернул свет тяжело раненному солдату.

— Отчаяния и страха и в помине не было, — вспоминает Иван Петрович. — Все-таки руки, ноги при себе, и зрение, хоть и плохонькое, но осталось. Злость, правда, была, но только от того, что по чистой списывали с фронта. А воевать, ох, как хотелось. Насмотрелся я, что фашист вытворял, душил бы каждого за горло... На фронте тогда такое творилось. Курская дуга, перелом войны. Я ж поблизости, на Брянщине, воевал.

Закручинился фронтовик уже дома. Его как будто хотели оградить от работы, жалели. Отдыхай, мол, заслужил. Отец с матерью то же самое говорили: помогай пока по хозяйству, получше станет — и дело по душе найдешь. Чернышов, кipyток по натуре, бесился от таких увещеваний, и пуще прежнего добивался работы. Возвращаться на пароход, где он плавал две навигации масленщиком, конечно, и думать не приходилось, но от Затона, от реки никогда не терявший духа солдат уходить не собирался. Дошел до райкома партии, там долго думали-гадали, куда пристроить фронтовика, и наконец послали заведовать поселковой библиотекой.

— Библиотека. Слово-то какое святое, а тут как заглянул в запустелую, неопленую комнатку, где сиротливо жались на пыльных полках сотни четыре немудрящих книг, так сердце сжалось от горечи. А вскоре и читательница пожаловала, но только душу растеребила. Дай, мол, Ваня, посвежее книжку с картинками. Пасха подходит, стены в избе подновить надо. И смех и грех, — улыбается Иван Петрович, с которым мы сидим в субботний день в теплой конторке нового корпусно-сборочного цеха, где он вот уже несколько лет работает мастером.

О книгах Иван Чернышов мог говорить без конца, больше, пожалуй, чем о делах судостроительных. Пристрастился к чтению со школьных лет, читал все без разбора, пока не одолел всю школьную, а потом и поселковую библиотеку. Перед самой войной, когда учился в школе ФЗО при заводе, брал книги в краевой библиотеке, там тетка его работала. Читал с разбором, используя каждый свободный час, прихватывая ночь. Бывало, в доме давно все спят, а он на печке с коптилькой над книгой волшебствует. Брал с собой книгу и в трудные рейсы, когда служил в масленщиках на почтово-пассажирском пароходе «Пожарский».

— Поначалу я не на шутку струхнул, когда месяца полтора точно в каменном мешке лежал, — вспоминает Иван Петрович. — Неужто, думаю, света не увижу, а как же книги? Врачей измучил. Те успокаивали. Будешь, мол, непременно читать, может, не так быстро, как раньше, а будешь. А сейчас лежи и слушай, девчата с метрополитена пришли, вслух читать будут. Позже и в Куйбышеве девчата в госпиталь наведывались, тоже читали. Но к тому времени я и сам страниц по десять одолевал, с помощью вот этой диковинной штуки, — и он показал мне однолинзовую четырехкратную лупу. — Выручает здорово, — улыбнулся Чернышов. — Недавно вот недели за две «Кузнецкий мост» Саввы Дангулова проглотил. Читал по горизонталю, можете поверить. Не люблю скорочитчиков, по фасаду скользят, а внутрь здания не заглядывают. Немного проку от такого чтения. Это при здоровых-то глазах.

— А что, Иван Петрович, лупой только при чтении приходится пользоваться? — поинтересовался я.

— Да что вы, — громко рассмеялся Чернышов, — без лупы я ни на шаг, что безногий без костыля. А чертеж прочитать, наряды просмотреть — тут без лупы

делать нечего. А зачастую и на подгонку стыков при сборке нелишне через нее взглянуть. Хоть и не филигранная работа, однако ж тоже не терпит небрежности. Бывает, кто-то из судосборщиков, не умышленно, конечно, оставит слишком большие зазоры, так брат Михаил, он мастер на электросварочном участке, сразу же с укоризной: «Ты что же, Иван Петрович, с изъятиями секцию подал, через твое-то стекло шель в полмиллиметра заметишь, а тут, почитай, палец в зазор лезет». Возразить смежнику нечего, значит, и вправду недоглядел, понадеялся на сборщиков, а некоторые из них еще опыта не набрались, другие, что греха таить, в погоне за рублем качеством поступились. На сварке, мол, все грехи швом закроют, будто невдомек судосборщикам, что их смежникам придется выполнить дополнительный объем работ, которые потребуют больших затрат рабочего времени и материалов. Но таких вывихов, к счастью, становится все меньше и меньше, особенно после того, как в цехе и на всем заводе все шире стала внедряться бригадная организация труда, когда на производственный коллектив ложится ответственность не только за количественные и качественные показатели, но и за поведение каждого члена бригады, его отношение к делу.

Завязатым корабелем Иван Петрович Чернышов, как сказано выше, стал не сразу, на то были веские обстоятельства. Однако ж путь свой профессиональный он прочертил с мальчишеских лет и следовал им упрямо, напористо, невзирая на жизненные штормы и лишения. Даже из крохотной библиотеки он прокладывал мостки к речникам, занятым в зимние месяцы ремонтом судов, а летом, бороздившим обские просторы на пароходах и баржах. Отмычкой к людским сердцам служила добрая книга, которых у нового библиотекаря за два года работы на культпросветфронте стало тысяч шесть. Раз в пятнадцать увеличил он книжный фонд затонской библиотеки. Но больше всего радовался Чернышов тому, что стало несравнимо больше читающих, несмотря на первые, столь трудные послевоенные месяцы. О домо-

хозяйках, сначала выпрашивавших у Чернышова завалящие книжонки на обклейку стен или на писчую бумагу, и помину не было. Бывало, прочтут книгу и принесут ее в библиотеку, не иначе как завернутой в чистый платок. Корабелем Чернышов отбирал самые лучшие книги, по прочитанным произведениям нередко устраивал своего рода читательские конференции.

Но сколь ни любил Чернышов книгу, сколь ни волевал за рост библиотечного фонда (в поселке знали: фронтовик ради хороших книг доходил вплоть до начальника краевого управления культуры, больше того, до первого секретаря крайкома партии), тяга к производству все-таки перетасила Ивана на завод. К тому времени, как ни больно было, пришлось окончательно похоронить мечту об институтской учебе, целый семестр он с лупой штурмовал вузовские дисциплины в учительском институте (с семилеткой да репетиторской подготовкой), но в конце концов понял: барьер не взять. Знакомая студентка Таня, тоже затонская, сказала тогда ему: «Я и за такого за тебя замуж выйду, знаю, что не раскиснешь». Сказала как в воду глядела — будущий супруг оправдал ее лучшие надежды, он все прочнее становился на ноги, обретая уверенность и новые силы.

Чернышов радовался тому, что передал возрожденную им библиотеку не случайному человеку, а дипломированному специалисту, способному продолжить начатое им дело. Иван с детских лет не принимал общепринятые в обществе формулы: «После нас хоть потоп», а к двадцати годам, пройдя, как говорится, через огонь и воду, всех, кто придерживался пресловутого постулата, органически ненавидел и боролся с ними всеми средствами.

И где бы он ни работал — на судостроительном заводе, комплектовщиком или диспетчером-технологом в механическом цехе, заведующим материальным складом или инспектором несамоходного флота, инженером по рационализации и, наконец, мастером — Чернышов ни на шаг не отступал от железного принципа: «Мне до

Краткая летопись Барнаула

14. ШАГИ САЖЕНЬИ

В 1951 г. началось строительство завода геофизической аппаратуры.

В 1954 г. вступил в строй действующих завод геолого-разведочного оборудования, в 1955 г. — гигант текстильной промышленности — хлопчатобумажный комбинат.

В 1955 г. началось строительство комбайно-сборочного завода (с 1958 г. — Алтайский моторный завод).

В 1956 г. вступил в строй шинный завод.

В 1954 г. на объединении «Химволокно» получена с опытной установки первая капроновая нить, в 1957 г. — налажено производство вискозного корда, в 1961 г. — целлофана, в 1963 г. — штапельного полотна.

За послевоенные годы промышленные предприятия Барнаула, благодаря техническому перевооружению, пережили, по существу, второе рождение. На них трудится 25 тысяч специалистов, из них более 7 тысяч инженеров.

В Барнауле производится более 43 процентов промышленной продукции края.

Продукция с барнаульской маркой экспортируется в 40 стран мира.

В 1960 г. на одного жителя Барнаула приходилось 5 кв. м жилой площади, в 1980 г. — более 9.

В 1948 г. вступил в строй трамвай, в 1973 г. — первая очередь троллейбуса.

В городе 230 учреждений здравоохранения, в них трудится около 10 тысяч медицинских работников.

В 1954 г. горком партии направил на освоение целинных земель 500 коммунистов. Коллективы предприятий и строек взяли шефство над 30 МТС и 18 колхозами.

— И в этой области намечены долгосрочные планы. Замыслов много, ибо их питает история Барнаула, богатая славными революционными, ратными и трудовыми подвигами наших земляков. И мы знаем, какое большое значение для духовной жизни города имеют, например, памятники боевой и трудовой славы. Достаточно вспомнить, какой вклад в нее внесло сооружение мемориала Славы на Привокзальной площади, на который занесены имена всех барнаульцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

Из строящихся и запроектированных памятников знатным землякам назову наиболее крупные работы. Перед зданием политехнического института встанет памятник замечательному русскому изобретателю И. И. Ползунову, выполненный известным скульптором И. Бродским. Перед зданием сельскохозяйственного института предполагается установить бюст академика М. А. Лисавенко, «отца сибирского садоводства». Будет также увековечена память многих выдающихся людей, внесших большой вклад в развитие Барнаула, таких, как Ф. В. Геблер, П. П. Аносов, Я. Н. Попов, П. К. Фролов и другие. Имена доблестных борцов за установление Советской власти на Алтае — И. В. Присягина, М. К. Цапелина, М. И. Ворожцова, Э. А. Алексеевой — увековечены в названиях улиц, школ, пионерских дружин. Теперь мы хотим сделать памятные знаки, посвященные этим героям революции. Такие же знаки будут установлены на улицах, названных в честь Героев Советского Союза А. В. Петрова, А. Н. Юрина, П. И. Гущина, Г. С. Исакова, И. В. Глушкова.

Среди работ художников, которые горожане увидят в ближайшие годы, хотелось бы также упомянуть монументально-декоративные композиции «Всадник революции», «Космос», «Первые декреты Советской власти» с барельефом В. И. Ленина.

Для читателей, интересующихся программой благоустройства, могу также сделать несколько сообщений. И прежде всего упомянуть строящуюся зону отдыха в районе поселка Кирова, расширение и обустройство таких крупных парков, как городской, «Юбилейный», им. В. И. Ленина, на поселке Южном. Шире станет география фонтанов, водоемов, они появятся, в частности, у кинотеатра «Россия», Дворца шинников, клуба моторного завода.

Барнаульцы наверняка заметили детские сказочные городки с резными домиками, видели игровую детскую площадку со скульптурами гномов и Белоснежки, с деревянными фигурами птиц и зверей. Пусть это только начало, но и за него спасибо строительному от-

ряду ленинградских художников. Оно дало толчок многим интересным замыслам для строительства подобных детских площадок.

В том же оформительском ряду стоят и другие сооружения «малой архитектуры» — различные киоски, уголки отдыха, подпорные стенки, облицованные бутовым камнем, галькой, бетонной плиткой.

Вопрос. Теперь несколько штрихов для того, чтобы дополненная вами картина еще и ожила, «задвигалась», то есть — о транспорте.

— Автомобильный и речной вокзалы по индивидуальным проектам уже строятся. Другие «ворота города» будут реконструированы, расширены. Из новинок, относящихся непосредственно к городскому транспорту, помимо упомянутого путепровода, стоит сказать о линии скоростного трамвая (кстати, он будет первым в Сибири и на Дальнем Востоке), который свяжет крупные промышленные узлы, в том числе Власихинский, с жилыми массивами. О транспортной развязке в двух уровнях на пересечении Павловского тракта и улицы Малахова. О строительстве скоростной грузовой магистрали (от речного вокзала вдоль ул. Мамонтова, пос. Кирова, ст. Барнаул, пр. Коммунаров до ул. Полевой).

Теперь хотелось бы осветить два проблемных вопроса развития города, так сказать, по своей инициативе. Пытаясь представить будущее города, желая видеть его красивым и удобным, жители часто не представляют, как много сил, времени и средств идет на сооружение «невидимых» объектов, без которых, однако, не может благополучно жить ни одно предприятие, ни одна семья. Речь идет о таких стройках, как ТЭЦ-3, второй речной водозабор и другие объекты коммунального назначения. Об укреплении и расширении базы строительной индустрии — домостроительных комбинатов, заводов кирпичных и железобетонных изделий и других, от которых зависят темпы и качество сооружения всего того, что перечислено в беседе и не перечислено. Поэтому, пользуясь случаем, обращаюсь к читателям альманаха и всем жителям краевого центра с призывом окружить вниманием, заботой, а где заслужено, и почетом тех, кто трудится в этих отраслях, всячески способствовать успеху предприятий стройиндустрии и коммунальныхстроек.

Вторая просьба горкома партии и горисполкома к барнаульцам состоит в том, чтобы они активнее участвовали в благоустройстве территорий своих предприятий и учреждений, улиц, дворов, где живут. Пусть двухсотпятидесятилетний Барнаул молодеет и хорошеет нашими общими усилиями!

всего есть дело». Это ведь не какая-то частная лавочка, сам заварил кашу, сам и расхлебывай. Да и кустарь не в пустыне живет, его промашки и прегрешения все равно где-то на обществе изъяном скажутся. А в коллективе сам бог не велит портачить, ведь люди-то ради общей выгоды бок о бок трудятся.

Сейчас Чернышову пятьдесят пятый доходит, но волосы его почти не тронула седина, фигура ладная, подтянутая. Во всем его облике тот внутренний запас прочности, который помогает ветерану переносить жизненные тяготы, не теряя присутствия духа, помогает встречать неприятности и невзгоды лицом к лицу. Слава у Ивана Петровича не столь уж громкая, и награды не столь высокие, зато истинно солдатские: за войну — медаль «За отвагу», за рабочий подвиг — медаль «За трудовую доблесть». Вот уж истине: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». Эти крылатые строчки будто о нем, о Чернышове. Что касается общественной деятельности, он был и профгруппоргом, и членом цехкома, а в последние годы возглавляет бесценно цеховую производственно-массовую комиссию. И, конечно же, самая многогранная общественная деятельность, не узаконенная выборными титулами, это — встречи с молодыми рабочими и школьниками, допризывной молодежью, ветеранами войны. Ко всему прочему он общепризнанный глава трудовой династии корабелов Чернышовых, самый активный рационализатор. Словом, в любой аудитории ему есть о чем рассказать, чем зажечь юные сердца. Себя он при этом никогда не выпячивает, таких, мол, как я, подчеркивает Иван Петрович, повсюду большинство, иначе и жить-то по нашим меркам нельзя. Как-то на одном из вечеров в профтехучилище речников к нему подошли несколько ребят и спросили:

— А что же вы, Иван Петрович, с одним значком к нам пришли? Помнится, в заводском клубе у вас вся грудь была завешана наградами?

Чернышова вопрос несколько озадачил, но врасплох не застал. Он не придавал особого значения наградам, поскольку жил, воевал и трудился «не ради славы, а ради жизни на земле», как хорошо сказал поэт. Опять же у других куда более высокие отличия, но и те никогда не бравировуют ими. И он нашелся, что ответить окружившим его подросткам, как всегда, прямо, без всякого подтекста:

— Потому и не надел, что лишний раз грех хвастаться прежними заслугами. А вот этот знак, — он с гордостью дотронулся до красно-эмалевого значка на правой стороне груди, — это вроде бы моя высшая отметка за работу в прошлом году. Посмотрите сами.

Несколько пар живых мальчишеских глаз с неподдельным любопытством разглядывали похожий на орден знак, на знамени которого четко вырисовывались слова: «Победитель социалистического соревнования. 1979».

Строить новое судно совсем не то, что ремонтировать старое, хотя выполняют и те и другие работы одни и те же люди. Потому и называется завод судостроительно-судоремонтным. В зависимости от специфики работ характер производства носит в течение года ярко выраженный профиль. Зимние месяцы, по существу, целиком отданы судоремонту, в этот период все корабли готовят весь наличный флот к предстоящей навигации. Но уже к концу февраля — началу марта многие возвращаются с открытых ветрам и холодам ремонтных площадок в просторные, светлые корпуса цехов, где на стапелях их ждут временно законсервированные, частично собранные корпуса будущих барж и буксирных теплоходов. Строительство новых судов идет всю весну и лето, вплоть до глубокой осени. Не исключаются, конечно, и ремонтные, особенно аварийные работы. Так обеспечивается круглогодичная занятость корабелов, работа которых до придания заводу

двойного профиля носила преимущественно сезонный характер со всеми вытекающими отсюда последствиями — чрезмерной текучестью, постоянным дефицитом квалифицированных кадров, низким уровнем трудовой и производственной дисциплины.

В ранг судостроительного завод произвели всего пятнадцать лет назад — в шестьдесят четвертом спустили на воду первую 1000-тонную баржу, а в начале семидесятых — первый буксирный теплоход. За столь короткий срок коллектив завода сумел расширить производственные мощности, оснастить производство высокопроизводительной техникой, освоить передовую технологию судостроения, а главное — цементировать более чем тысячный коллектив корабелов, способных строить речные суда, отвечающие высоким требованиям сегодняшнего дня. Переход завода на судостроительный профиль позволил в сравнительно небольшой отрезок времени заменить морально и технически устаревший флот новыми современными судами, которым присущи высокая степень автоматизации контроля за работой систем и управления. Новые суда обладают высокой маневренностью, имеют небольшую осадку, благоустроенные каюты для речников, оборудованные телевизорами, холодильниками, электрочелами, необходимым культспортинвентарем.

Преобразилась не только производственно-техническая база флота, неизменно изменил свой облик поселок речников. Только за последние десять лет здесь построено 6 благоустроенных домов, столовая, промтоварный магазин, здание профтехучилища. Для профессиональной учебы речников, повышения квалификации на заводе открыты вечерний факультет института инженеров водного транспорта, вечерне-заочное отделение речного техникума, работает учебно-курсовой комбинат.

Извлечем две строчки из одного официального документа: «...только рационализаторских предложений на счету у И. П. Чернышова 135, экономический эффект от их внедрения исчисляется десятками тысяч рублей». Обратите внимание на слово «только», за ним стоят опять же сотни обычных, рядовых предложений, не оформленных бумагами, зато материализованных в производстве, в конечном счете повысивших его эффективность. О творческих же замыслах новатора и говорить нечего. В каждом из них прежде всего целесообразность поиска, точный инженерный расчет, техническая обоснованность внесенного предложения. Реализуется предложение чаще всего самим автором в содружестве с инженерами, новаторами и передовиками производства. Нередко эффект от его предложений зримо ощущают не только рабочие его смены, но и других цехов, участков всего завода.

Последняя большая работа мастера Чернышова — ускоренная и более экономичная сборка плавучего дока, спущенного на воду во втором квартале нынешнего года. Его начали делать года три назад, но более важные заказы отодвинули его на второй план, работы временно были приостановлены. Интенсивная разработка большого песчано-гравийного карьера в районе Бийска заставила форсировать строительство дока, который был крайне нужен как эксплуатационникам, так и ремонтникам. Мелководный, каменистый фарватер нередко наносил серьезные повреждения судам, быстро и доброкачественно устранить их можно было только с помощью дока, а поскольку его не было, приходилось гнать покореженные баржи на завод. Накладно. Вот тут-то и выручил судостроителей предложенный Чернышовым секционный метод сборки дока, значительно сокративший без ущерба качеству сроки его строительства.

Или взять ремонт подводных частей судов. На мес-

те за такие работы не брались, отводили теплоходы, баржи, танкеры в Новосибирск, там завод со слипом, любую посудину на берег вытаскивают. Но такой ремонт дорого обходился. И снова Чернышов после долгих и кропотливых поисков (ему, конечно, помогали специалисты и руководители) нашел возможность восстанавливать подводную часть судов на месте. Таких конструктивных решений совершенствования производства на счету новатора — не счесть. И братья со временем перестали острить, завидя в который раз Ивана в неуточное время за какими-нибудь расчетами. А раньше и Михаил, и Леонид, застав старшего брата за очередной «рационализацией», непременно старались подначить:

— Ты, никак, памятник хочешь поставить себе в Заноне?

Хотя каждый в душе восхищался завидной работоспособностью старшего.

— Памятник мне ставить не за что, — отвечал на полном серьезе Иван. — А вон тот стотонный док, что лет пять безотказно служит ремонтникам, для меня, пожалуй, лучше памятника.

Братья знали, сколь много сил и бессонных ночей вложил он в это сооружение, в котором так остро нуждался завод. Ведь это большей частью благодаря Ивану док построили на два месяца раньше установленного срока.

Три ростка из семи отошли от отцовского корня и закрепились на судостроительном заводе. Четвертый брат тоже много лет работал здесь же, но жена «перетасила» его в Тольятти, сейчас там на автогиганте трудится. Два брата ходят в мастерах, третий — шоферит, хотя раньше слыл первоклассным токарем. Братья не в обиде на него, все равно при заводе, без вспомогательных служб и основному производству не развернуться. К тому же мужик пугливый, мастеровой, технику любит до самозабвения, консультирует каждого, кто обращается за помощью. Жена у Леонида Петровича работает на хлебопекарне, да, да, выпекает тот самый

хлеб, добрая слава о котором разнеслась по всему Барнаулу. А вот у Михаила жена — крановщица, ее с полным правом можно причислить к династии корабелов.

О каждом из Чернышовых на заводе отзываются уважительно, их дела и поступки говорят сами за себя. А все же знаменосцем в династии идет ветеран труда и войны Иван Петрович или, как любовно величают его братья, старшой. Вроде бы и рьяно болеет за дело Михаил, а вот к новому толстокожу. Взять тот же бригадный метод, единый наряд. Если Иван Петрович давно уверовал в его силу, то Михаил не враз принял его. Старшой доказывал: нечего дробить судосборщиков на разметчиков и стропалей, на рубщиков и газорезчиков, когда один от другого зависит. Надо, чтобы из этих профессий осталась одна — судосборщик. И чтобы владел ею каждый, кто включался в бригаду. Опять-таки начало положил Чернышов, а когда эффект новой организации и оплаты (по коэффициенту трудового участия) труда ни у кого не оставил никаких сомнений, на заводе все проголосовали за бригадную организацию труда. В том числе и брат Ивана Михаил, мастерский участок которого является первым смежником судосборщиков в общей технологической цепочке. Пока что новая форма труда не получила широкого размаха, приходится экспериментировать, сопоставлять, искать более оптимальные варианты. Больше всего приживается бригадный подряд. Это значит, что договор с администрацией заключается не на весь срок строительства корабля, как бы хотелось, а только на определенный объем работ. Такой договор тоже дает прибавку производительности труда, но многие резервы еще остаются неиспользованными. Все сходятся на том, что пора кончать с подведением итогов по «валу». По конечному результату нужно судить об итогах. Ушло судно на реку — вот настоящий конечный результат. И такой результат не за горами, в этом Чернышов-старший несколько не сомневается.

Краткая летопись Барнаула

В 1950 г. переведена из Горно-Алтайска в Барнаул Алтайская плодово-ягодная опытная станция [с 1973 г. — ордена Трудового Красного Знамени Научно-исследовательский институт садоводства Сибири имени М. А. Лисавенко].

Всего в Барнауле семь научно-исследовательских институтов.

23 февраля 1942 г. начал работу эвакуированный из Запорожья машиностроительный институт. В 1947 г. реорганизован в институт сельскохозяйственного машиностроения. В 1959 г. переименован в Алтайский политехнический институт, которому в 1961 году присвоено имя И. И. Ползунова.

В 1954 г. открыт медицинский институт, в 1973 г. — государственный университет, в 1975 г. — институт культуры.

В городе трудятся более 3000 научных работников, в том числе 42 доктора и более 1000 кандидатов наук.

В 1948 г. создано Алтайское книжное издательство.

В 1951 г. создано Алтайское краевое отделение Союза писателей РСФСР. В настоящее время в Барнауле работают 18 членов Союза писателей.

В Барнауле:

— 104 общеобразовательных школы и 14 средних специальных учебных заведений;

— 4 театра, Дворец зрелищ и спорта, 10 кинотеатров, 40 Дворцов культуры и клубов, 2 музея, выставочный зал;

— 270 библиотек с 16,8 миллионами томов.

В Барнауле проживает свыше 585 тысяч человек.

Таков путь, пройденный Барнаулом от дымного заводского посада до одного из крупнейших промышленных и культурных центров Сибири.

Идут годы. И вот уже внуки подросли, сыновья сыновей. Каким путем они выберут? Нет, Иван Петрович не навязывает детям своих желаний — пусть младшие Чернышovy по собственному желанию делают выбор. Ну, с дочерью Людмилой все сложилось так, как задумывалось. Она пошла по стопам матери, окончила пединститут и стала учительницей. Вышла замуж, работает в Арзамасе. Иван Петрович и Татьяна Афанасьевна судьбой дочери довольны. А сын Сергей, когда его отец однажды спросил:

— Ну, куда думаешь податься после школы, надумал?

— Давно уже надумал, — отвечает. — Буду корабелем.

Сергей поступил в корпусно-сборочный цех учеником электросварщика. «Годик поработаю, — сказал он отцу, — а потом поеду в Новосибирск, попытаюсь в НЭТИ поступить». Отец согласился с решением сына. А сам меж тем присматривался, как его Сергей к рабочей спецовке привыкает. Интересовался исподволь, чтоб самолюбия не задеть. Но сын сам, хоть и замкнутый по натуре, делился с отцом мыслями:

— Учитель мне добрый попался. Секретов не держит, только перенимай знай... Не то, что когда-то тебе довелось. Помнишь, рассказывал?..

Еще бы не помнить. Не забыл Иван Петрович, как попал он в первый раз на пароход. Определили его к опытному, старой закваски слесарю Никите Петровичу Банникову. На зубок знал старый речник паровую машину, по регулировке парораспределения ему не было равных. Но что удивительно, секреты свои держал при себе. Бывало, начнет центровать машину или там делать замеры валовых шатунных линий, так, смешно сейчас подумать, брезентом накрывался. Берег нажитое, чтоб начальство ценило. А какая ж, мол, тебе цена, если другой то же самое сделает. Пятнадцатилетний масленщик был не в обиде на мастерового: что полагалось знать подмастерью, Банников растолковывал до самых азов, а на большее, мол, пока не замахивайся. Всею свое время. Не те нынче времена, на каждого новичка есть добрый шеф-наставник, отдающий своему подшефному с подлинно отцовской щедростью не только профессиональный, но и нравственный заряд.

Взять того же Александра Александровича Мухортова, который за какие-то три-четыре месяца сделал из Сергея полноценного электросварщика. «В отца пойдет, — в один голос говорили старожилы цеха, глядя на ровные, прямые сварочные швы, сделанные руками Сергея. — Хватка чернышовская». И все старается сделать так, чтобы польза была максимальная. Заметил как-то стоявшие без надобности сварочные аппараты на своем участке, в то время, как на соседнем, судосборочном, из-за них люди простаивали. Поговорил с мастером Михаилом Петровичем Чернышовым, дядей, а тот слегка даже обиделся: «Мало от брата попреков слышу, дак еще и племянник права качает». Но Сергей не отступил, пока своего не добился.

Поздней осенью того же года ушел на военную службу. Попал в инженерно-строительные войска, форму носил военную, а «оружие» сугубо гражданское, все тот же электросварочный аппарат, только работы выполнял не по третьему, как было на заводе, а по седьмому разряду. Отслужил и снова вернулся на завод, в родной корпусно-сборочный, где вскорости его избрали секретарем комсомольской организации. Сбылась и не совсем уж давняя мечта об институте, только поступил он не в электротехнический, а в институт инженеров водного транспорта, факультет которого открыт при заводе. В феврале нынешнего года Сергея Чернышова избрали депутатом в Центральный районный Совет. Прямо скажем, хорошо началась трудовая биография

у молодого Чернышова, еще одного представителя рабочей династии корабелов. Он не последний. В сентябре прошлого года, закончив среднюю школу, пришел работать электросварщиком Александр Чернышов, на сей раз сын Михаила Петровича. Работал парень всего лишь несколько месяцев, учебный курс у того же А. А. Мухортова закончил досрочно, получил третий разряд, в отстающих не ходил ни одного дня. Весной призвали в армию, служит тоже исправно. А иначе и не может быть — чернышовская закваска. Душой и телом крепок.

Может, пора Ивану Петровичу, как инвалиду войны, на покой удалиться? Но куда там — и в мыслях этого старый барнаульский корабел не держит. Шутит: «Работать буду до тех пор, пока мои внуки корабелями не станут». И в самом деле: вон на Волге у Людмилы дети уже в школу пошли, пишут дедушке, что, мол, выучимся здесь, на Волге, а работать приедем на Обь. Чем черт не шутит. Да и в самом поселке чернышовская молодежь год от году подрастает, вот-вот еще кто-то династии корабелов пополнит.

Под легким белоснежным покровом, скованная зимними холодами речная акватория Затона, на первый взгляд, кажется совсем безжизненной. Застыли в ледовом плену речные суда, замерли по стойке «смирно» могучие стрелы порталных кранов, отдыхают стайками спавшие летом по водной глади красавцы теплоходы. И все-таки как обманчива эта безмятежная тишина!..

— Живет-живет река, — улыбается Иван Петрович, с которым мы неторопливо шагаем по чуть припорошенным снегом крановым путям. Он в валенках, в коротком под хром полушубке, в немудрящей цигейковой шапке, обе рукавицы держит в правой руке, которой указывает то в одну, то в другую сторону. — Вон видите работающих людей у поднятого на деревянную подклетку сухогруза? Там бригада Нечаева орудует, последнее судно из ремонта выпускает. Нынче с ремонтом хорошо управились, навигацию встретим во всеоружии. Иначе и быть не должно, пятилетку надо завершить по всем правилам.

Тем временем багровый диск солнца медленно поднимался над горизонтом. Иван Петрович по-хозяйски заинтересованно говорил о назревших, но все еще не решенных проблемах, о перспективах, которые бы открывались перед заводом, если бы эти проблемы поскорее решить. О мелких он сказал вскользь, издержки, мол, в материально-техническом обеспечении всегда были и будут, тут на снабженцев надо поднажать. А вот некоторые, можно сказать, глобальные проблемы надо решать незамедлительно. Об этом же самом мне говорили и директор завода Владимир Никитич Кабанов, и секретарь парткома Алексей Иванович Знаменский, многие ветераны предприятия.

Если сфокусировать все проблемы, то суть их вкратце сводится к следующему. Все возрастающие потребности в речных грузоперевозках, необходимость скорейшего освоения грузопотока Шульгинка—Барнаул (песчано-гравийный карьер в районе Биска) требуют увеличения выпуска барж в одиннадцатой пятилетке на 30—35 процентов, однако производственные мощности завода пока что не готовы к этому. Вот почему и дирекция, и общественные организации так озабочены быстрейшим завершением разработки генерального плана-схемы развития завода, которым занимается институт «Сибгипроречтранс». Генеральный план, а также скорейшее проектирование других жизненно важных объектов позволили бы заводу форсировать строительство новых цехов, канализационного коллектора и линии электропередач, реконструкцию стапельной площадки, возведение жилья и зданий культурно-бытового назначения. Комплексное решение взаимосвязанных проблем поможет разрешить двуединую задачу — увели-

чить выпуск судов с меньшими трудозатратами и улучшить жилищно- и культурно-бытовые условия речников, что в конечном счете приведет к стабилизации заводского коллектива, численность которого перешагнула за 1200 человек.

В последний раз я встретился с Чернышовым в начале лета. Он вместе с судосборщиками любовался мощным, только что установленным 25-тонным краном.

— Если бы вы знали, как он нужен нам, — восторгался Иван Петрович. — Ведь эти «малютки», пятитонные краны, без ножа судосборщиков резали. Сейчас вот проложим рельсы по всей строительной площадке, установим на стапеле гидравлические домкраты и сборку судна целыми блоками будем вести. Масштабы по сравнению с секционной сборкой — дух захва-

тывают. Уровень механизации возрастет, намного сократится объем электросварочных работ, а тут прямой выигрыш — и в людях, и в сроках судосборки.

День был прохладный, солнце спряталось за грозными тучами, сыпал редкий, но крупный дождь. Чернышов был без плаща, в темно-сером костюме, на правой стороне пиджака поблескивал дождевыми каплями все тот же знак победителя соцсоревнования за 1979 год. Заметив, что я внимательно его разглядываю, Иван Петрович вроде бы отчасти застеснялся:

— Костюм-то по нечаянности падел. А значок как прикрепил к нему, так и не снимал с тех пор.

И снова улыбнулся:

— А вообще-то надо новый зарабатывать. Год-то нынче особенный: и пятилетку завершаем, и юбилей города своего отмечаем. Сбавлять темпы не с руки.

Мемориал Славы на Привокзальной площади г. Барнаула.

Сергей СЕРГЕЕВ

„И НЕДУГ СЕРДЦА ЗАЖИВЕТ . . .“

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТЮД О ПЕРВОМ ПОЭТЕ АЛТАЯ

Как стать поэтом

Исполнинские картины Сибири давали лицу многим путешественникам — и рождались статьи, исследования, ученые записки.

Особой притягательностью обладали природные богатства нашего края. Дары природы Алтай настолько разнообразны и пленительны, что забыть этот необъятный край становилось невозможным на долгие годы. Возьмем хотя бы высказывание В. В. Сапожникова: «Что же Альпы? Видел я Альпы. Им далеко до Алтая!!!» Это — конец прошлого века. И мы, если и не были в Альпах и не можем сравнить с ними наш Алтай, верим сибирскому патриоту.

А вот два других путешественника, которые знали юг, Италию, Турцию. Их восхищение Алтаем также неподдельно.

Воспитанник Петербургской академии художеств Егор Мейер, 1842 год: «С трудом переводя дух, взобрался я на вершину и задрожал от восторга. Вдали, подобно океану, оледеневшему в буре, блистали вечные льды, меж которых, теряясь в светлом голубоватом тоне неба, зубчатым великаном поднимались Катунские белки. В ущельях змеями вились туманы... Со скал, прорывая облака, катились водопады, которые внизу рассыпались, и в бездне поносились облака. Заходящее солнце чудно освещало этот дико-величественный вид. Нет, воображение человека не может представить себе что-нибудь подобное! Сердце замирает, когда слышишь то страшный гул реки, повторяемый множеством эхо, то тихий, жалобный стои водопада.

Это музыка природы! Кто передаст ее?! Где Бетховен, Моцарт? Кто передаст чудную гармоню

этих скал, этих красок?! У меня кисть выпадает из рук!..»

Геолог Петр Чихачев в это же время заносил в дневник: «В 15 верстах от Чарыша мы с радостью приветствовали первые очертания горного Алтая, вырисовывавшиеся на далеком горизонте. Это были вершины Ини и Тигирека, блиставшие снегом. Стеклянная прозрачность неба сливалась с лазурными контурами гор. Бледно-желтый диск заходящего солнца бросал таинственные отблески сквозь чистый хрустально-прозрачный воздух... Итак, надо признать, что картина прелестного осеннего дня в этих далеких северных краях показала бы художнику-итальянцу неиссякаемым источником совершенно новых для него ощущений и интересным материалом для изучения. Он впервые увидел бы новые краски и шую природу, которые, не имея ничего общего с волшебным блеском богатого южного убранства, чаруют глаз своеобразной и самобытной красотой».

Еще более ранний путешественник Петр Словцов писал в 1810 году: «Уже я на Коргоне. Какая удивительная речка, этот Коргон! В засуху не глубже аршина, и всадник на бывалой лошади с робостью пускается вброд; прибывает ли она на четверть, и лошадь и всадник вмиг опрокидываются возрастающим от упора всплеском, и оба раздробляются о камни. Коргон гремит, пенится, клубится, крушит камни и заглушает голос приближающегося человека. В таком бешенстве пробегает 30 верст до впадения в Чарыш; это не река, а водопад, на тридцати верстах грохочущий. Каков же должен быть этот водопад весною, когда хляби Коргонских белков раскрываются и с своих крутизн падают в прорыв?»

Велико было впечатление от Алтая и у иностранных путешественников.

Казалось бы, сильные ощущения должны вдохновить на поэтический лад, но из-под пера всех названных людей выходили только ученые сочинения. Правда, в 1844 году изучая Алтай, московский профессор Г. Е. Щуровский не мог удержаться при восхищении от поэтического сравнения. Приведем полностью выписку из его книги.

«При первом взгляде на Колыван-озеро, на эту величественную картину, невольно обращается к нему все наше внимание. Перебегая взором от одного предмета к другому, ни на чем не можешь остановиться: хотелось бы одним разом все впечатлеть в своей памяти. Я долго стоял в каком-то восторженном безмолвии на берегу озера, прислушиваясь к шуму и плеску волн. Было довольно ветрено; волны непрерывно неслись к берегу и с пеною расшибались о гранитный утес, у подошвы которого я любовался картиной.

Утес гордо высится, мрачен, суров,
Незыблем стоит он, в могуществе

спора
С прибоями волн и с напором

веков.
Волны только лижут могучие

пята.
...Он холоден, но жар в нем

закован природный:
Во дни чудодейства зиждательных

сил
Он силой огня — сын огня

первородный—
Из сердца земли мощно выдвинул

был!
Взлетел и застыл он твердыней

гранита;
Ему не жителен солнечный луч;

Для нег его грудь вековая
закрыта;

И дик и угром он; зато он могуч!
(«Утес» В. Бенедиктов)

В какую прелестную и удивительно верную форму поэт облек нашу плутоиническую теорию образования гранита! — таким восторженным, но, увы, естественно-научным выводом заканчивает профессор это поэтическое сравнение.

Теперь я должен привести, наоборот, казалось бы, сухое научное определение, хотя многообещающее. В 1831 году алтайский чиновник (вскоре — горный специалист) в «геологическом обозрении» писал: «Пустынный горный край северного Алтая опять оживился в наше время, и

едва ли когда запустеет, ибо, несмотря на суровость климата и бесплодность почвы, он навсегда удержит при себе население богатством металлов. В наше время можно утвердительно сказать, что Алтай, еще юный в отношении добычи металлов и минералов, со временем заменит для России истощающееся богатство Уральско-го кряжа».

Поэтики нет — есть дело.

И еще, у него же:

«Климат вообще суров. Лета мы не видели, хотя не выходили из гор от апреля по ноябрь. Зимнюю вечные бураны, глубокие, непроходимые снега. Осенью и весной — проливные дожди; просторные болота покрываются туманом, воздух наполняется миллионами паутов, мошки и комаров. Вот край, покинутый даже дикими ордами киргизов...»

А здесь какая поэтика?

Приведенные два отрывка принадлежат Егору Петровицу Ковалевскому, в то время ему был всего 21 год, он только что вступил в службу.

Читая такую «презренную прозу», никогда, пожалуй, и не догадаешься, что этот «дикий край» в тот же самый год сделал этого чиновника первым поэтом Алтая.

Егорушка Ковалевский

Неисповедимы пути людские. Казалось бы, на роду написано Егорушке быть поэтом-отшельником: с детства болезненный, слабое телосложения, нежился он в Ярошовке, родовом имении отца, екатерининского бригадира, а затем поступил в университет на словесное отделение. Четверо братьев его ушли уже в большую жизнь, старший, Евграф, перещеголял отца — вытянул на генерала.

Царь Николай распорядился направить Евграфа Петровича Ковалевского главным командиром (начальником) в свое имение — на Кольвано-Воскресенские заводы, вместо неугодного теперь Петра Козьмича Фролова. Одновременно Евграф Петрович был назначен губернатором Томской губернии. В это же время Николай I переименовывает Кольвано-Воскресенский горный округ в Алтайский и сами заводы передает в аренду министерству финансов. П. К. Фролов так и не смог поднять производство, выплавка серебра «застыла» при нем на одном уровне в 1000 пудов. Царь велел составить записку, как увеличить выплавку серебра на Алтае, выделил дополнительно 30 ты-

сяч рублей на разведку новых площадей.

Евграф Ковалевский и должен был осуществить новые начинания. У него было две резиденции: губернаторская — в Томске, заводская — в Барнауле, на Петропавловской линии.

Егор к тому времени закончил учебу в Харьковском университете и устроился на службу в департамент горных и соляных дел в Петербурге. Ему определили чин губернского секретаря, а исправлял он должность помощника столоначальника с февраля 1829 года.

В столице он прожил полтора года. После этого старший брат, генерал, взял Егора к себе в Барнауле, в канцелярию, коллежским секретарем, дал ему должность помощника правителя дел канцелярии, но назначил сидеть при составлении штатов о нижних чинах Кольвано-Воскресенских заводов.

Нудная работа? Отнюдь!

...В руках молодого чиновника громко шелестели листы конторских книг. Бумага грубая, ломкая, перо поминутно загибалось о впрессованные в нее щепки — делали бумагу здесь, в Барнауле. Листы сшивались в типографии, что углом выпирала на Соборную площадь и заслоняла Петропавловскую линию, идущую в сторону Оби. Сюда его привел Александр Иванович Кулибин, майор-инженер, только что назначенный правителем дел казенных золотых промыслов.

— Его превосходительство, ваш братец, — говорил Александр Иванович, обращаясь к Егору, — приказали мне составить описание Кольвано-Воскресенских заводов для господина министра финансов. Теперь бумаги требуется — уйма.

— Любопытно, что вы будете писать: из истории или из географии?

— Велено писать все, особенно проанализировать рудные составы. Кстати, государь-император повелел послать поисковые партии весной. Деятельность коммерции советника господина Попова на Бирикульском озере подает надежду к поиску золотых россыпей по всему Алтаю. Будем формировать партии.

Вестовой Степаи, солдат инвалидной команды, которого Кулибин захватил с собой для переноски бумаги, забежал вперед и толкнул двери типографии.

В помещении работал позолотчик. Он был занят тем, что покрывал позолотой раму к большой картине для алтаря. Картина писана маслом и представляла со-

бой копию полотна итальянского мастера «Вознесение Христа». Привезли ее из Петербурга. Работал здесь также скульптор над устройством царских врат. Он делал группы человеческих фигур, изображающие сцены из священной истории. Готовились украшать Дмитриевскую церковь.

Егор Петрович с любопытством осматривал типографскую мастерскую.

Еще совсем недавно, там, в Северной Пальмире, как шутя называли Петербург, казалось, что Алтай — дикий край, и если бы не Евграф, матушка ни за что не отпустила бы своего Егорушку в эту чертову Сибирь. А здесь, оказываясь, просвещенные люди. Взять хотя бы Фридриха Геблера, главного врача горного округа: у него не дом, а настоящий музей. Или создание отдельного заводского музея, а также картинной галереи, библиотеки, метеорологической обсерватории... Одних только «Горных журналов» выписывают господа офицеры семнадцать штук.

Шелестела бумага. Егор Петрович просматривал формулярные списки. Рука равномерно перепорачивала страницы, но вдруг взгляд его зацепился за неровную строчку: «... за отсечение от своей руки двух перстов, с умыслом, чтобы отбыть от службы, — бит плетьюми...» Кто это? Егор отвернул ломкий лист, прочитал: «Работный Змеиногорского рудника Петр Бабушкин».

Внимательно просмотрел списки: Никита Новиков — при Ново-Павловском заводе «за неприход двух разов в праздничные дни на переключку» — палкою; в том же году «за чинимые наглости и грубые слова по команде» — батожем; его же при Барнаульском заводе «за дерзостное против начальника своего сопротивление в плавильной фабрике» — троекратно плетьюми. Тимофей Земляных — «за побег из службы гонен шпицрутен сквозь 1000 человек три раза»... И пошло, и пошло: Денис Сотников — под караул одну неделю, Семен Сорокин, он же Ерш — плетьюми, Иван Кузнецов — палками.

Как сквозь плотную подушку доходил до Егора Ковалевского смысл записей в формулярах работных людей. Записи в них давали огромную пищу для размышлений. Тысяча пудов серебра в год царю-батюшке доставалась жестоким трудом народа. «Нет, нет... куда это гоже... Говорил давеча Александр Иванович... — буду проситься в присловную партию... Избави нас...»

Лето, середина июня. Редко на Алтае в эту пору не бывает зноя, но в тот год оно выпало дождливым.

Сквозь гряды холмов Салаирского кряжа пробил себе дорогу неугомонная речушка Пуштулим. Там, где степь соприкасается с пихтачем, почти в вершине речки еще в 1764 году был поставлен Пуштулимский форпост. Он был переломным пунктом от форпоста Сайдыпского, что на Бии, к крепости Кузедеевской на Кондоме-реке. Линейная дорога бежала от заштатного города Бийска на Новиковский форпост, к Сайлапу и Сайдылу, а там через Каракан и Верх-Неню к Пуштулиму. И уж отсюда линия поворачивала на Бенжереп, Желтый Чумыш к Кузедеевке и на узедный город Кузнецк.

В июне 1831 года Пуштулимский форпост было не узнать. Сюда приехал генерал-майор Евграф Петрович Ковалевский, губернатор Томской губернии и главный начальник Алтайского горного округа (см. ГААК, ф. 3, оп. 3, д. 546). Что и говорить — досталось солдатам наводить чистоту.

Здесь и встретились два брата Ковалевские.

— Ну, спасибо, брат, что избавил меня от конторских крыс: какой здесь край, какой воздух! Там от одного завода душа чахла.

Чуть выше среднего роста, значительно окрепший и посвежевший, Егор расхаживал в просторной светлице офицерского дома, отчаянно жестикулируя. Евграф сидел, любовно оглядывая младшего брата. Ему идет только двадцать второй год, а самому ровно в два раза больше.

— Знаю, что исполнские картины Сибири выше всяких описаний, — не замечая задумчивого взгляда Евграфа, все более и более загорался Егор. — Сорвите с главы этого гордого утеса бурное облако, начертите на нем стрелю молнии — и если эти письма будут доступны смертным, тогда свет узнает Сибирь!..

— Сядь, успокойся. Слушай теперь мой рапорт, — еле уговорил его Евграф. — Осмотрел я, братец ты мой, заводы Томский, Гавриловский, Гурьевский, произвел смотр команде и работам. Везде работают усердно. Сделал геогностическое обозрение страны сей, велел собрать горно-каменные породы в несколько рядов и положил основание составлению петрографических карт и геогностиче-

ских разрезов. Твои дела также похвальны, порадовал ты меня, Егорушка, — Евграф сам стал возбуждаться.

— Отряженные нынешним летом четыре приисковые партии охватывают огромный район. — Евграф провел рукой по разложенной на столе карте: — Весь Салаирский кряж между Телецким озером и рекой Абаканом, а затем от юго-востока на северо-запад между реками Бией, Мрассою, Кондомю, вершинами Чумыша и Нени и к отрогам Оби, между устьями Ини, Берди, Чумыша. И всюду находки, всюду золото. А у тебя так прямо клад. Ну-ка, уточни места.

— Только что закончили экстракты выводить, отсинить падо, — Егор Петрович развернул поверх генеральской свой лист плотной бумаги.

— Партией под моим распоряжением открыты четыре золотоносные россыпи. Первая — по речке Пуштулиму, неподалеку отсюда, за редутом. Вторая — по речке Каргайле, что впадает в Анамас. Это отсюда в двадцати верстах и в семи верстах от Верхненнинского редута. Третья россыпь по реке Уруну, коя впадает в Неню, а четвертая россыпь — по речке Заре, впадающей в Кандапел, в шести верстах от дороги на Верхненнинский редут. Здесь я еще не был, но шлихи есть, можешь посмотреть.

— Верю, Егорушка. Буду писать графу Канкрину о вознаграждении всех господ офицеров приисковых экспедиций. А тебе не прочь переверстаться в горную службу. Как смотришь?

— Избавь от канцелярских бумаг! Бога молить буду: переверстай.

— И вот тебе дальнейшая рекогносцировка. Направляйся в северо-восточный край округа, заключающий в себе частные золотые промыслы. Его простирание между 55 и 56 градусами северной широты и 105 и 107 градусами восточной долготы. Смотри сюда: вершина Таскила показывает центр этого обширного района. Прикинь, будет примерно верст сто с севера на юг, а поперек — все полтора.

— Позволь, что же делать с моей понсковой партией? Там ведь работают прииски.

— Верно. Бери из своей партии кого хочешь, но тебе не надо теперь искать. Диспозиция такая: ты должен сделать тщательный исторический и геогностический обзор частных золотых промыслов восточной части округа. Подумай только, на Урале история от-

крытый золота совсем недавняя, но уже забыта и смешана с легендами. Такая же участь ждет и историю золотого производства в Алтайском горном округе. И еще быстрее она будет забыта, ибо первые открытия были сделаны людьми частными, обрашавшими, конечно, внимание на предмет своих розысков не более, как в отношении коммерческом. Эти обстоятельства заставляют меня окинуть, хотя беглым взором, историю открытий золотых россыпей вообще, ибо действия и успехи по этому предмету со стороны Алтайского горного начальства имеют большое влияние на частных лиц, развивших эту важную отрасль промышленности и в Томской, и в Енисейской губерниях... Езжай, Егорушка, с богом.

Сибирь. Думы

Назавтра с раннего утра Евграф и Егор Ковалевские уже поднимались на взлобок ближнего от форпоста отрога мраморной горы. Генерал имел давнюю привычку вставать рано, обдумывать, решать про себя многочисленные неслужебные и служебные дела без постороннего назойливого вмешательства. Будучи выпускником кадетского горного института, он, горный инженер и минералог, объездил с геологическими партиями значительную часть России. Природа — родная ему стихия. Ранний подъем, дорожные невзгоды — привычное, каждодневное дело. Непривычным с недавних пор стало решать судьбы людей обширной Томской губернии, управлять громадным организмом горно-металлургического производства. Бергалам жить не сладко, а царь требовал серебра и серебра.

За последний год удалось несколько поднять выплавку. Евграф Петрович представил себе эту тысячу пудов в виде нити, которая протянулась от Барнаульского завода через Бердский отрог, барабинский Каинск, Тобольск, Пермь на Москву и в Мошкетный двор Петербурга. Эта нить не была мертвой. Ему казалось, по ней текут живительные соки жидких сил Алтая в ненасытную утробу царской казны.

Утро начиналось тускло. Солнце было где-то там, за горами, его лучи рассеивались из-за пихтача в густом тумане. Было как в парном молоке, но туман не давил, дышалось легко. Егорушка отметил про себя, что сегодняшний день должен быть солнечным, ярким и легким. Он за последний год быстро приучил се-

бя к ранним подъемам. Переходы делал чаще всего утром. Днем, как правило, копался где-нибудь у ручья, на склоне горы, спускался в мелкие шурфы и брал образцы.

Старший брат уже поднимался по мраморной горе к сосновому бору, который тянулся на север в сторону Чумыша. Егорушка не отставал. За ними шел денщик с полным кожаным переметом.

На плоской вершине мраморного увала они остановились. Обернулись назад. Пуштулимский форпост был затянута молочно-мраморной пеленой. А здесь, наверху, уже господствовало солнце. Его живительные лучи косо освещали влажную крону задубелых сосен.

Старший брат знал, что Егорушка пишет стихи. Года четыре назад, когда Евграф бродил по Уралу, его нагнал пакет от Егорушки. Гора, как все звали его в детстве, прислал на просмотр брату отрывок трагедии в стихах «Марфа Посадница Новгородская, или славянские жены». Почему жены? — удивился поначалу Евграф. Его брат такой молодой, а тут — жены. Но потом понял, что Гора прославлял дух народный. А жены — от родительницы.

— Знаешь, брат, там, у Телецкого озера, где природа покоится в своем первобытном состоянии, куда не достигает ни дерзкий, ни любопытный, там, в непроходимых дебрях и громадных ущельях, видел я страшное явление: пожар лился, горы валились. И все это творилось рукою незримой, я был один! Извини, но я не мог не сочинять. Послушай.

Егорушка не стал «в позу». Он присел на мраморный обломок, смотрел мимо брата. Евграф, наоборот, остался стоять. Стоял, как вешка, и денщик.

Егор читал:

Пред мной Алтай, за мной Алтай,
то взгроможденный
Поник на облаках, то в прах
раздробленный.
На глыбах рухнувших висит
дремучий бор,
И тощий плющ, как змей, ползет
из трещин гор;
Зияет пасть пещер, зияют бездн
стремнины!..
И глухо все!.. Природа страшной
ждет судьбины!..
Вот филин простонал... закаркал
ворон... мрак вокруг...
Промчался тихий гул под сводом
неба; вдруг
Загрохотала высь и дол отгрянул
страшно!..
Трущоба вспыхнула, разлился огонь
ужасный,

Взвилась стая птиц, повсюду
рыщет волк;
Столетний кедр трещит, шатнулся,
вот склонился
И, дружно с елью обхватясь,
свалился,
Загромоздив собой Чумыша
грозный ток.

Денщик стоял как громом пораженный. Он привык наблюдать, как вокруг генерала отдаются только одни приказания, короткие команды. А здесь, лаская слух, лилось очарованье. Ему не надо было представлять дикую природу, не надо фантазировать, но он не предполагал, что так можно говорить о будничных вещах. «Столетний кедр, дружно с елью обхватясь, свалился, загромоздив собой Чумыша грозный ток». Ну, куда как верно!

...Клокочет тот, ревет и плещет к
небу волны.
Повсюду грохот, треск, бушует
страшно вихрь;
И мнилось мне, что рухнул свод
природы плотный,
И в хаос первобытный канул
ветхий мир!
А я один, я здесь, как памятник
былого,
Отвергший дерзко мир, я, чуждый
тленья,
Дождусь ли я святого
обновленья!..

Евграф Петрович нахмурился: младший брат тоску свою до сих пор не заглушил, не может залечить свои сердечные раны после невольной смерти любимой им Наталии. Там, в Петербурге, он стал чуждаться людей, но разве все люди были повинны в смерти друга? Впечатлительная душа Егорушки долго не успокаивалась, и уехал он в Сибирь.

...Но судьбой
Завистливой расторгнутый с тобой,
Толпе людей с отрадой я
предался.
Остывшу грудь у груди брата мнил
Согреть; мечтой угасшей
пробуждался,
И призрак твой уже сдали манил.
Безумец!

Так писал Егорушка в своей «думе», посвященной «Н».

Среди степей, меж гор Сибири
дикой,
Далекий от людей и к небу
близкий,
Я счастлив был, свободен был без
них.
Как часто в ночь, меж звезд,
звезда одна
Лучистее, яснее мне светила;

Как часто в высь безбрежную она
Приветливым лучом меня манила.
Мой вольный дух оковы персти
ревал,

Парил туда, далеко в
беспредельность,
Где все — любовь и бог, где
время — вечность,
И там с тобой в восторге утопал:
Тебя одну я петь желал...

Нет, видать, недуг сердца
долго еще не заживет. Если только
природа Алтая его успокоит...

Вот вихорь стих, пожар
губительный утих,
Вот брызнул чистый свет с
оконницы Востока,
И в радужных волнах клубящегося
така,
Над миром ринувшим плывет
зизидель-дух.
Плывет, и мертвая природа
встрепенулась;
Так развивается увядающая лоза
Дыханием весны...

Егорушка смолк. Чары рассеялись. Денщик заметил, что туман исчез, солнце нависло над гребешком пихтача. Братья прошли под тень сосен, денщик расстелил походный плащ генерала.

— Как ты называешь это стихотворение?

— Просто — «Буря».

— Я вижу, тебя уже прошлое мало тревожит. Петербург забыть? Егор ничего не ответил на это, он был поглощен Алтаем.

— Еще одно стихотворение я также просто назвал: «Гора Сагай». Я поднимался на ее вершину. На самом темени этой сопки, в порфирных берегах, лежит странное озеро. Его нельзя приметить в ненастную погоду, но в ясный день оно блестит, как стеклянная гладь. Много суевенных преданий сохранили тамошние сагайские татары об этом озере. Я старался передать одно из них.

Евграф Петрович уселся на плащ, а Егорушка стоял. Грусть пробежала по его лицу, какой-то невидимый налет меланхолии обволакивал его тщедушную фигуру. Недаром петербургские друзья говорили, что своею хандрой он способен заразить статую. Но в стихах он преображался.

Пятой гигантской попирая
Громады гордого Алтая,
Высоко в облаках парит
Сагай; как сокол воздух рея,
Все, мнится, выше он летит;
Как сокол, свьше небом вея,
Земному недоступен он.
Едва лишь зрим, не достаем,
Ужасной тайной сокрываем,

Загроможден со всех сторон:

С одной —
Как морем, степью он обвился;
Как ратью, чернью заслонился —
С другой!

Лишь дикий конь по степи мчался,
Лишь алчный зверь в черни
скитался!

И вновь денщик удивлялся,
как это младший брат такого
важного генерала (шутка ли: под-
чиняется только самому импера-
тору!) уже успел узнать, что чу-
мышская тайга зовется чернью,
что успел он подружиться с та-
тарами-телеутами и узнать их ле-
генды. Чудной брательник! Все он
высмотрел, все приметил.

...Ты видишь, путник, этот свет
На выси гор; не снег то, нет,
То чаша слез, то крови чаша,
То жертва страшная духам.

— Бывает час, брат, но ни в
дне, ни в ночи, когда на темя той
горы плетутся тени с полуночи и
вьются вокруг ее чела, словно лен-
той сизой, — издавна и до сей по-
ры так было. Тогда одевается ска-
ла туманной, погребальной ри-
зой...

«Нет, Петербург он не за-
был, — решил генерал, слушая
Гору. — Выполнит новое задание
и надо отправить его в столицу,
повезет серебро. Дать предписа-
ние и на литейные заводы Луган-
ска: дом рядом, может, повесе-
леет».

Решение брата-генерала было,
конечно, правильным. Егор Пет-
рович Ковалевский не забыл Пе-
тербурга: «Добровольно покинув
родину, покинув тебя, мой един-
ственный друг, я удалился в не-
обитаемый край Сибири. Уж какой
месяц я не вижу человека, ничто
даже не напоминает мне о нем.
И недуг сердца заживает; тихая,
кроткая грусть сменила убийст-
венную тоску...» — так излива-
лись строчки дневника.

Но Алтай на самом деле вос-
кресил юношу, в этом генерал не
ошибался. «Когда невзгодные ту-
чи заслоняли мою душу, тогда я
старался пробудить восторги со-
зерцанием величественной приро-
ды». И они изливались строками
стихотворений.

В выси голубой скользит луна,
И приветна, и как день ясна:
Чуть колышет, чуть вздымает
Полну грудь Чумыш, ласкаясь
к ней,

И восторжен, утопает
В песне вдохновенный соловей!
Бор поник, кедр ветхий дремлет,
Сладко, томно жимолость лелеет
Розы дикой грудь волнистую;

Гибкий плющ скользит,

колышет,
Обвив тополь серебристую.
Все в природе негой дышит.
(Дума VII, «Татарка»)

Однако не только восторг
природы пел Ковалевский. Про-
смотр формулярных списков ра-
ботных людей Колывано-Воскре-
сенских заводов зародил, видимо,
в его сердце новые начала. Он
стал понимать жизнь народа. Он
горячо полюбил телеутов — ал-
тайцев, близко воспринял их судь-
бу. В подцензурной печати он от-
крыто писал: «Представьте себе
людей, скрывающихся от власти
закона в лесах непроходимых, с
верою шаткой, полунагих, питаю-
щихся кореньями и дикими зве-
рями, с которыми разделяют они
логовища трущоб, и вы будете
иметь понятие о татарах-язычни-
ках, скитающихся между Кузнец-
ком, Бийском и около озера Те-
лецкого». Так он пишет об алтай-
цах-шаманистах.

«Еще бедственнее участь тех, —
воскликает поэт, — которые при-
няли веру христианскую — они не
имеют никакой. В доказательство
расскажу следующий случай. Од-
нажды спросил я татарина, какой
он веры. «Никакой, — отвечал
тот, — я крещеный». Горестно по-
думать, что эти люди, одаренные
душою бессмертною!»

Недаром так жутко-состра-
дательно передает поэт мечты и на-
дежды угнетенного алтайского на-
рода — и тубаларов, и куманди-
цев, и телеутов, и шорцев:

...То наших славных предков тени
Слетаются в урочный час,
Под кров родимой, милой сени
Шайтана умолять за нас:

...То чаша слез, то крови чаша,
То жертва страшная духам...

(Дума VI, «Гора Сагай»)

Все верно, говорим мы теперь,
задумал брат-генерал и осуществ-
вил: в феврале 1832 года направ-
ил Егора в Петербург со вто-
рым караваном серебра. Там его
«за открытие золотоносных рос-
сыпей в Колывано-Воскресенских
заводах по высочайшему повеле-
нию переименовали гиттенфервал-
тером 10 класса» (ЦГИА СССР,
ф. 468, оп. 19, д. 1627). Затем он
побывал на родине под Харьков-
вом, а вскоре был произведен в
маркшейдеры 9 класса (титular-
ный советник, капитан). Тогда же,
в апреле 1832 года, в Санкт-Пе-
тербурге в типографии Плюшара
вышла его книга стихов «Сибирь.
Думы».

Но не услышал в тот раз, на
Пуштулимской мраморной горе,
брат-генерал одного стихотворе-
ния Егорушки — думу V — «Ба-
рабинская степь». Велико ли на-
звание? Что и дума III — «Кир-
гиз-кайсацкая степь», как и IV —
«Уральские горы», как и дума II —
«Буран» или «Гора Сагай» — ни-
чего она названием своим не го-
ворит. И цензор Н. Бутырский с
легкой душой подписал: «Печа-
тать дозволяется».

«На пространстве необозри-
мом, между Обью и Иртышом, от
Колывани (город на Оби, ниже
Новосибирска — авт.) до Тары,
Ишима лежит одна равнина —
степь Барабинская: совершенно
бесплодная, везде покрытая бо-
лотами и тундрами, почти необи-
таемая, она усеяна мамонтовыми
костями и представляет обширное
кладбище, на коем изредка, как
тени, изошедшие из могил, мель-
кают изгнанники, заклепанные
преступлением» (с. 24). Ни в этом
объяснении, предвещающем ду-
му V, как, собственно, и в самом
тексте, не нашел, прочитавши, ге-
нерал Ковалевский ничего крамоль-
ного. Однако сам либерал, круп-
ный государственный деятель Рос-
сии, министр народного просвеще-
ния и проводник прогрессивных
буржуазных реформ в народном
образовании, уволенный в отстав-
ку за независимые взгляды, Ев-
граф Петрович Ковалевский не
мог не заметить у брата позитив-
ных изменений.

...Где я? Как тяжело мне, как душно;
Дыханье замерло в груди;
Томленье грустное: не здесь ли
Конец юдольного пути?
Железо стукнуло, есть жизнь!
В усилиях тяжких востепенулся:
И спало бремя, я очнулся,
Весь обновленный, я прозрел!
Там тучей стая птиц взвивалась,
Всполохнутая звуком, там
Всплеснулась рыба, фыркнул волк.
Пустыня страшно оживилась:
Пред мной плелась вереницей
Толпа попарно скованных,
И жадно их следила птица,
Почуя добычу сдали,
И долго стон и звук цепей
Гудели, как в сырой могиле...
И я вздохнул впервые тяжело
По милой родине моей!

(с. 27—28)

Перед нами не романтик-оди-
ночка, который ищет утешения в
воспоминаниях о своей любимой
Н. Перед нами не угнетенный
мечтатель, который ушел на Ал-
тай, чтобы в восприятии дикой
природы найти тот «ожидатель-
ный дух», который смог бы залече-
чить «недуг сердца»:

Земного чужд, впервые я познал
Небесное в плачевной сей юдоли,
Я разгадал ничтожность горькой
доли

Земной, и дух мой вольно улетел
Туда, туда, где веют небеса,
Где ждет меня отлетшая душа!

(с. 21)

Нет! «Попарно скованные» на
Сибирском каторжном тракте
пробудили в нем новую жизнь.
«Спало бремя», он «весь обновил-
ся», он «очнулся», он «прозрел»!
(Егор Петрович не знал тогда
знаменитых слов своего современ-
ника: «Гром пушек на Сенатской
площади разбудил ребяческий сон
моей души», но был готов к та-
кому пожертвованию, видя стра-
дания народные):

И я вздохнул впервые тяжко
По милой родине моей!

Первый поэт Алтая становил-
ся Гражданином.

Теперь, видимо, мы можем за-
кончить тем, с чего начали. Мно-
го было до него исследователей,
путешественников, первооткрыва-
телей. На них сильно действовала

отчаянно красивая природа наше-
го края. Восторженно они писали
о его богатствах; они славяли Ал-
тай — и Алтай прославил их.

Егор Ковалевский поехал на
Алтай не за славой и даже не для
его исследования. Но именно Ал-
тай сделал его и поэтом, и граж-
данином, так же, как сделал его
и первооткрывателем алтайского
золота.

Егор Петрович Ковалевский
покинул Алтай в 1834 году.

Он продвигался быстро по
лестнице чинов и званий — стал
дипломатом, начальником отдела
министерства иностранных дел,
сенатором, генерал-лейтенантом.

Он метался из конца в конец
«земной юдоли». Алтай послужил
хорошей ступенькой познания ми-
ра: Урал, недоступная тогда Сред-
няя Азия — Киргиз-кайсацкая
степь; Босния и Черногория; Еги-
пет, Нубия, Судан — верховья
Нила; Китай — Пекин. Все он
проник, все видел, описал, изучил,
создал целые тома об этих стра-
нах.

Он стал крупным обществен-
ным деятелем. Соумышленник
петрашевцев-социалистов, друг

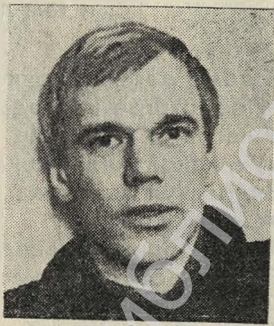
Некрасова, Салтыкова-Щедрина,
Чернышевского, Тютчева, Фета,
Шевченко... Он — отец родной
всех «обездоленных» русских пи-
сателей и поэтов: созданный по
инициативе Чернышевского Лите-
ратурный фонд избрал Егора Ко-
валевского своим первым предсе-
дателем (оставался до конца жиз-
ни — 1868 г.).

Он — сильная личность, храб-
рый человек. Попав в плен в за-
аральских песках, смог обмануть
бдительность жестоких джигитов
и вернуться в Оренбург; он друг
сражающихся за свободу черно-
горцев; он участник Крымской
войны, защитник Севастополя и
друг Нахимова.

Он — крупнейший ученый,
географ, искатель, первооткрыва-
тель, почетный академик Акаде-
мии наук, помощник председателя
Русского Географического обще-
ства.

Над свежей могилой его про-
звучали верные слова: «Подобные
личности редки во все времена, а
поэтому уважение к ним и бли-
жайшее ознакомление с их дея-
тельностью можно вменить в долг
обществу».

Василий Маркович Нечуна-
ев (родился в 1939 г. на
Алтае) — автор сборника
стихов «Красная линия», в
последние годы издал не-
сколько книг для детей:
«Небывалый самолет»,
«Сказка о заводной лягуш-
ке», «Бабушкин клубок»,
«Красный день», «Скворуш-
кин дворец» и др.
Окончил Литературный ин-
ститут.
Живет в Барнауле.

Василий НЕЧУНАЕВ

ХОДИКИ-ЧАСЫ

Жили ходики-часы,
Золоченые усы.

Шли часы,
тиктакали,
Маятником
звякали.

Был у них такой секрет:
Постучит в окно рассвет —
Выскочит кукушка:
«Хватить спать, Ванюшка!»

Для самых маленьких

Ваня быстренько вставал,
Умывался, хлеб жевал,
Кашей подкреплялся —
В школу отправлялся.

Так и шло все чередом.
Но уснул однажды дом,
И облитый лунным светом
Кто-то темный над буфетом
По стене прокрался,
В ходики забрался
И до самой до зари
Что-то делал там внутри.

Попутру часы молчали.
Новый день без них встречали.
Раздавались «ахи!», «охи!»,
Папа с мамой в суматохе
Бегали,
спешили,
Ваню тормозили:
«Ах ты, ох! Скорей, сынок!
Не успеешь на урок!»

Только скрылись за порог —
Объявился господин,
Восемь лап — живот один!

П. Бородкин, автор многих книг о прошлом Барнаула и родного края, более двух десятков лет собирает документы о нашем именитом земляке. В новом произведении писатель раскрывает отношения молодого Ползунова с людьми своего времени, показывает его нелегкую службу. Произведение войдет частью в будущий роман об Иване Ивановиче Ползунове.

Петр БОРОДКИН

ПОЛЗУНОВ

КАРТИНЫ ИЗ ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО БАРНАУЛЬЦА

Черной цепью на снегу обозначился обоз. От головы до хвоста — с добрую полуверсту. На неровной местности цепь то низко провисала, то круто выгибалась. На равнине же по струнному вытягивалась и казалось, вот-вот разорвется на мелкие куски. Потом, при быстрой езде, тонула в непроглядных снежных вихрях и со стороны угадывалась по залихватским гиканьям ямщиков и голосистым переливам поддужных колокольчиков. Для роздыху ямщики порой переводили лошадей на мелкую рысцу или неторопливый шаг. Тогда в середине обоза в глаза невольно бросалась одна повозка. Она резко выделялась среди других своим видом и размерами. Обтянута толстым бухарским войлоком. По светлomu фону густо сплелись, тесно прижались друг к другу затейливые черные узоры. Такой резкости, что просвечивали сквозь снежную пыль, прочно прикипевшую к войлоку. На бескрайний белый мир повозка смотрела блеклыми, как бельма, слюдяными оконцами. Остальные повозки — приземистые и неприглядные, без каких-либо убранных.

Обоз держал дальний путь — с Екатеринбургского на Барнаульский медеплавильный завод, что находился в центре обширной Колывано-Воскресенской округи.

В нарядной повозке ехал генерал-майор Беэр. Важный и довольный собой, потому что

в изразцовом ларце вез «прочетный» указ самой императрицы Елизаветы Первой. Невелика хрустящая бумага, а силу таила в себе необыкновенную. Она делала подвластными генералу «...всех губернаторов, вице-губернаторов, воевод и протчих воинских, гражданских дворцовых властей, синодальных, монастырских и помещиковых сел и деревень всех управителей».

Чинам, названным в указе, настрого предписывалось оказывать всяческое содействие Беэру в пути следования и на месте.

В команде Беэра, помимо его советника асессора Андрея Ивановича Порошина, ехали искусные плавильщики, механики, рудознаты и другие специалисты горного дела: геодезии прапорщик Пимен Старцев, штейгер из венгров Симон Качка, плавильщик Иоганн Фридрих, унтерштейгер, он же мастер по разным механическим устройствам Иван Бабин, аптекарский ученик Иван Окуловский, «механики ученик» Иван Ползунов. С пятнадцатью бергайерами, или горными работниками, солдатами охранной команды и ямщиками в обозе набиралось несколько десятков человек.

На почтовых станциях Беэра с командой встречали с подобающими почестями. В Тобольске сибирский губернатор, пожалуй, перешагнул меру почтительности — приказал выстроить в честь Беэра почетный караул.

От оглушительной трескотни десятков барабанов, пронзительных взвизгиваний флейт обозные лошади долго и испуганно шаркались в стороны. Укрошенные ямщиками, настороженно косили кровяными глазами на солдатский строй. Дольше положенного Беэр с командой отдыхал в Тобольске: не хватало воли противостоять обильному губернаторскому хлебосольству. Губернатор же не скупился на расходы. Тонко угадывал, что генерал непременно замолвит императрице лестное словцо о нем. Оно же никогда не бывало лишним.

Позади осталась Бараба — бескрайняя степь-низина, плоская, как столешница, и без единого кустика. Своим унылым видом она навевала бесконечную грусть, ввергала в необоримый сон. Пока обоз ехал по Барабе, Беэр большую часть времени спал. Пуховики в повозке такие, что не прошибешь. Могли бы богатство и гордость цыганского табора составить. Тело глубоко утопало в них и млело в теплой истоме. Стоило поверх набросить меховое одеяло, и самый трескучий мороз бессилен достать человека.

От села Кривошеково, к югу, места пошли не в сравнение с Барабой. В широких речных долинах прочно сплетались непролазные за-

Выбежал на маятник,
Постоял, как памятник,
Постоял, скатился вниз,
Вверх тормашками повис,
Привязал себя к цепочке,
Стал разматывать клубочки,
Стал по воздуху летать,
Нитки лапами сплестать.

Плел паук полдня подряд
Круг за кругом, к ряду—ряд.
А когда закончил дело,
Засверкала-заблестела
Под часами чудо-сеть.

Ей до времени висеть.
Нам до времени пока
Говорить про паука.

Как паук пробрался в дом,
Он помалкивал о том.
В доме был аптекарем,
Трубочистом, пекарем,
Был библиотекарем.

Но от книжек, от аптечки
И от хлебной русской печки,
Как воришку-варнака,
Прогоняли паука.

Он прижился на буфете.
Втихомолку ставил сети.
Хорошо повел дела.
Но неделя не прошла —
Начали побелку —
Он забился в щелку.
Возвратился на буфет —
А сетей на месте нет!
Помутился белый свет.

Призадумался варнак.
И услышал: «Так-тик-так!
Так-тик-так! Куку-куку!»
Тут возьми-ка пауку
Да и стукни в темя:
«Виновато время!
Не оно бы, так едва ли
Паутину оборвали.
Время некуда девать,
Вот и стали баловать...
Надо время своровать
Да упрятать от людей!»

Темной ночью лиходея
Изо всей силенки
Дергал шестеренки.
Все в часах остановилось,
Только время не ловилось.

Время в окна стукнулось,
Со звездой аукнулось,
К солнышку слетало —
Красным утром стало!
И по дому заходило,
Без кукушки всех будило
И — скорей да поскорей! —
Торопило у дверей,
Люди в дверь — оно с людьми!
Вот и на его возьми!
Новая забота!

Пауку охота
В плен-неволю время взять!
Думал-думал и — опять
Родилась идея
В голове злодея:
Так и так, мол, все равно
Время жить в часах должно.
В стороне помается,
Явится-поймается!
Он забегал под часами.
И, припомните-ка сами,
Чудо-сеть соорудил.

Чудо-сеть соорудил,
Все ходы загородил,
Влез в часы —
и там дождался!

В доме детский крик раздался:
«Посмотрите-ка сюда!
У часов-то борода!»
«Ух, какой мальчишка!» —
Вздвогнул паучишка.
А минуточку погодя,
Сняли ходики с гвоздя.
Ближе к свету поднесли.
Разобрали...
И нашли
Паука-вредителя
Ванины родители.
По ковровой по дорожке
Прямо-прямо в лапы кошке
Покатился он клубком.

«Так-тик-так!» — над пауком
Время прозвенело.

То ли кошка съела,
То ли времени рука
Вдруг смахнула паука
Шелковым платочком?

Был да сплыл.
И точка.

